

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2015

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovets01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М.Н. Крылова. Сравнительные конструкции современного русского языка в аспекте гендерной лингвистики	7
Л.Р. Дускаева, Ю.М. Коняева. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария	15
Л.С. Чикилева. Прагматический аспект предвыборных выступлений	25
Л.А. Козлова. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте	36
О.А. Никитина. Словотворчество как проявление лингвокреативности современной немецкой языковой личности.....	47
Ф.Б. Бобоев. Поэтика Рудаки	58
К.В. Анисимов. «Литературность» в тексте историка: сибирские травелоги XIX века и националистический дискурс (случай П.И. Небольсина).....	69
Е.Ю. Сафронова. Художественный «кодекс» Ф.М. Достоевского: система наказаний в «Записках из мертвого дома»	77
И.П. Шиновников. Карнавализованный диалог в творчестве В.М. Шукшина (на материале рассказа «Верую!»).....	89

Научные сообщения

Л.Г. Валиева. Репрезентация целевых и причинно-следственных отношений в тюркских языках	98
О.В. Торопчина. Гендерная специфика текстопорождения с позиции категорий <i>дискретность</i> и <i>континуальность</i>	105
Т.А. Полтавец. О некоторых функционально-стилистических особенностях научно-популярных текстов в масс-медийном дискурсе (на примере материалов газеты «Троицкий вариант»).....	111
Е.Н. Ищук. Пунктуационный сценарий текста как критерий идентификации идиостиля автора	117
С.А. Медведев. Некоторые тенденции развития отношений Автор–Читатель в Интернет-рецензии	124
И.Г. Жогова, Е.В. Кузина. Роль идиоматических сочетаний в англоязычном медиа-дискурсе политической и экономической направленности	130

С.Ф. Рябцева. Стихотворение Э. Бронте «A Reminiscence» («Yes, thou art gone...»): посвящение, особенности перевода	135
М.А. Ююкин. Древнерусские летописные ойконимы XIV – XVII веков с формантом *-jъ	141
М.А. Галиева. Вопросы поэтики: фольклорная традиция в древнерусской литературе	148
М.А. Камратова. Модели утопических проектов в повести Б. Акунина «Долина Мечты»	153

Проблемы филологического образования

Е.Ю. Иванова. Логико-семантическая классификация предложений в аспекте обучения (ино)славянскому языку	160
И.Л. Роляк. Интерактивные модели общения в контексте обучения РЯДО	167
А.А. Чувакин, А.В. Игнатовская. Педагогическая риторика: Примерная программа учебной дисциплины	175

Филология : люди, факты, события

И.В. Евсеева, А.Н. Сперанская. Ученый – педагог – патриот (к юбилею доктора филологических наук, профессора А.П. Сковородникова).....	180
Резюме	185
Наши авторы	203

CONTENTS

Articles

M.N. Krylova. Comparative Constructions of Modern Russian Language in the Aspect of Gender Linguistics.....	7
L.R. Duskaeva, Yu.M. Konyaeva. «Star Person» in Art Journalism: Stylistic and Speech Representation of Communicative Script	15
L.S. Chikileva. Pragmatic Aspect of Pre-election Public Addresses	25
L.A. Kozlova. The National-Cultural Specificity of Metaphor and the Means of its Manifestation in the Text	36
O.A. Nikitina. The Word Creation as a Manifestation of Linguistic Creativity of Modern German Language Personality	47
F.B. Boboev. Poetics of Rudaki	58
K.V. Anisimov. Literariness in the Text of the Historian: 19 th Century Siberian Travelogues and Discourse of Nationalism (the Case of P.I. Nebol'sin)	69
E.Yu. Safronova. F.M. Dostoevsky's Art «Code»: System of Penalties in <i>Notes from the Dead House</i>	77
I.P. Shinovnikov. The Carnivalistic Dialogue in Vasilii Shukshin's Works (on the Material of the Story <i>I Believe!</i>)	89

Scientific reports

L.G. Valieva. Representation of the Target and Causal Relations in Turkic Languages.....	98
O.V. Toropchina. Gender Specificity of Text Generation from the Positions of Discreteness and Continuity Categories	105
T.A. Poltavets. On Some Functional and Stylistic Aspects of Popular-Science Texts in Media Discourse (the Case of Matters of the Newspaper <i>Troitsky variant</i>)	111
E.N. Ishchuk. Punctuation Scenario of a Text as an Identifying Criterion of Author's Idiostyle	117

S.A. Medvedev. Some Trends in the Development of the Relationship of ‘Author–Reader’ in the Internet-Critique	124
I.G. Zhogova, E.V. Kuzina. The Role of Idioms in English-Language Media Discourse on Politics and Economics	130
S.F. Ryabtseva. «A Reminiscence» («Yes, thou art gone...») by Anne Brontë: Dedication and Peculiarities of Translating	135
M.A. Yuyukin. Old Russian Chronicle Place Names of the 14 – 17 th Centuries with the Formant *-jъ	141
M.A. Galieva. Questions of Poetics: Folklore Tradition in the Old Russian Literature	148
M.A. Kamratova. Models of Utopian Projects in Boris Akunin’s Novel <i>Dream-Valley</i>	153

Problems of philological education

E.Yu. Ivanova. Logical Semantic Classification of Sentences from the Point of View of Teaching a (Foreign) Slavic Language	160
I.L. Rolyak. Interactive Models of Communication Actualized in Teaching the Russian Language of Business Communication	167
A.A. Chuvakin, A.V. Ignatovskaya. Pedagogical Rhetoric: An Academic Subject Sample Program.....	175

Philology: people, facts, events

I.V. Evseeva, A.N. Speranskaya. Scientist – Pedagogue – Patriot (to the Anniversary of A.P. Skovorodnikov, PhD in Philology, Professor)	180
Summary	185
Our authors	203

СТАТЬИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

М.Н. Крылова

Ключевые слова: сравнительная конструкция, категория сравнения, образ сравнения, гендер, гендерная лингвистика, экспрессивность.

Keywords: comparative constructions, the category of comparison, the image of comparison, gender, gender linguistics, expressiveness.

Функционально-семантическая категория сравнения представляется нам культурно-избирательным феноменом, показателем общей культуры общества, его ценностных ориентаций. Сравнения предстают перед нами как источник социокультурного знания.

В использовании сравнительных конструкций разнообразными по уровню образования, воспитания и культуры авторами, как в зеркале, отражаются и особенности современной жизни, и особенности личности, ментальности, культуры самой языковой личности, в том числе гендерные характеристики и отличия.

Гендер (социальный или социокультурный пол) стоит в центре междисциплинарных исследований, в том числе лингвистических. По замечанию Е.А. Поповой, «термином гендер (gender) называется пол как социокультурный феномен, противопоставленный биологическому полу (sex, sexus), и первый термин шире второго, включает его в свой состав. Использование термина гендер призвано подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [Попова, 2007, с. 40]. Понятие «гендер» было введено в категориальный аппарат лингвистики в 1970-1980 годы. Гендер как категория анализа открыл перспективы для изучения и осмысления различных аспектов языка в

другом – гендерном измерении. А.В. Вандышева отмечает: «Обращает на себя внимание тот факт, что гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности и на процессы ее языковой социализации» [Вандышева, 2005, с. 57].

Во второй половине XX века сформировалось особое направление в лингвистике – гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология). В словаре лингвистических терминов отмечается: «Гендерология пытается выяснить, как гендерные стереотипы отражаются в языковой системе вообще» [Брусенская и др., 2005, с. 35]. Предметом этой дисциплины, представляющей собой новое направление преимущественно социолингвистических исследований, является выяснение того, как фактор пола влияет на использование языка мужчинами и женщинами, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, чем различаются мужское и женское коммуникативное поведение (как вербальное, так и невербальное).

Изучением отражения в языке гендерных особенностей языковой личности и гендерных стереотипов занимаются А.А. Арестова, Т.А. Безрукова, Ю.А. Елемешина, Ю.А. Закирова, Е.Н. Калугина, Н.Ю. Кораблева, О.В. Котик, В.Б. Поповская, И.Г. Серова, О.В. Скулкин и другие ученые. На материале рекламных текстов рассматривали это явление ранее и мы [Крылова, 2009]. Особенности конструирования сравнительных оборотов мужчинами и женщинами, выбора объектов сравнения (того, с чем сравнивается) изучают С.В. Мамаева, Л.С. Шмультская. Тем не менее, возможности функционально-семантической категории сравнения в выражении гендерных особенностей на значительном современном языковом материале в отечественной лингвистике еще не изучались.

На основе анализа более 6300 сравнительных конструкций, отобранных нами из различных типов и жанров современных текстов на русском языке, мы попытались выявить, как гендерные различия проявляются в сравнении, выборе его объекта и структуры. Анализировались современные литературные произведения различных жанров и художественной ценности; устные и письменные средства массовой информации; реклама различного типа; тексты популярных песен разных стилей; язык художественных фильмов и телесериалов; стихи местных поэтов города Зернограда Ростовской области; стихи детей и подростков и т. п. Подбор источников производился таким образом, чтобы составить максимально объективную картину состояния и семантического наполнения сравнительных конструкций в современном русском языке.

Проведенный анализ позволил заметить, что женские и мужские сравнения имеют ряд отличительных черт. Рассмотрим их далее.

«Женские» сравнения, созданные женщинами и отражающие картину мира женщины, отличаются, в первую очередь, особыми, «женскими» образами, относящимися к миру моды, одежды, обуви, косметики, например: *«И сети этой блажи / Стянули тело, как тугой корсет: / Ни выдохнуть свободно, ни вдохнуть...»* (С. Вдовикина). Образы данного типа очень важны для женщин, жизненно необходимы, поэтому они проникают не только в лирические тексты, как в примере выше, или в язык телепередач: *«Носите улыбку, я вас умоляю, – как платье!»* (телепередача «Модный приговор, А. Шарапова), но даже в официальную речь: *«Мы не создаем систему качества. Она у нас всегда была, и сейчас мы как новое платье на нее надеваем»* (О. Мушкетова, официальный доклад). Такие образы, отражающие стереотип женщины-модницы, женщины-кокетки, фигурируют не только как объекты сравнения, но и как субъекты (то, что сравнивается): *«А подводка у глаз – словно стрелы: пронзен / Будет каждый»* (С. Вдовикина).

Стереотип, согласно которому женщина – основной потребитель телесериалов, также отражается в сравнениях: *«Когда ждешь, причем и сам толком не знаешь, чего именно ждешь, – время тянется, как мыльная опера»* (М. Баконина. Школа двойников).

Женщина, создавая сравнение, обращается в первую очередь к тем образам, которые ей хорошо знакомы, которые важны для нее и составляют значительную часть жизни, поэтому женскими преимущественно являются также кулинарные образы, что согласуется со стереотипом женщины-хозяйки и женщины-сластены, существующим в нашей культуре. При этом женщины намеренно выделяют свои кулинарные ассоциации, играют ими: *«Я не конфетка, чтобы всем быть по вкусу. Я орешек, который не всем по зубам»* (личный статус, «Одноклассники»). Кстати, уменьшительно-ласкательные суффиксы – не случайный компонент приведенного сравнения, женщины используют в сравнениях слова с ними достаточно часто, и, конечно, чаще мужчин: *«Преступный элемент заметно смутился. Наконечник (стрелы. – М.К.) затрещал, как щенячий хвостик»* (О. Громько. Профессия: ведьма). Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами смягчают образы, создаваемые женщинами, делают их более тонкими, изысканными: *«Она буквально обволокла меня своей женственностью, своим голосом, как ручеек»* (телепередача «Давай поженимся!», Л. Гузеева).

Сравнения с объектами из мира природы, названиями фруктов, овощей, растений также характерны для женщин, которые часто сравнивают с такими объектами самих себя или других людей: *«Вам нужна*

женщина сочная, как груша или как спелое яблоко, а она как сухой камыш» (телепередача «Давай поженимся», В. Володина). В сравнениях просматривается также свойственное женщинам ощущение развития, роста, связывающее человека и природу: «*Вырос, никого не спросился, как гриб-дождевик, радостно и быстро*» (г. «Моя семья», С. Крылова). Использование таких сравнений демонстрирует глубинную внутреннюю связь женщины с миром природы, естественное для женщины синкретичное восприятие себя и природы.

Для женщины очень много значит красота, каждая женщина – специалист по красоте и умеет видеть прекрасное в окружающем мире лучше, чем мужчины. Поэтому сравнения, создаваемые женщинами, эстетичны, включают образы и элементы, привносящие в описание красоты: «*По краям двумя ажурными стенами возвышались высокие елки, не яркие и лохматые, как в Сибири, а полупрозрачные, цвета выбеленного малахита, как с картин Нестерова*» (М. Козлачкова. Загадочная голова).

Второе, что можно отметить при анализе сравнений, созданных женщинами, – это повышенная эмоциональность, «гиперболизированная экспрессивность» [Заболотнова, 2005]. Экспрессивность фразы достигается не только выбором объекта сравнения: «*Нет, вы не интеллигентны, вы квашня, вы как прокисшее молоко*» (телепередача «Давай поженимся!», Л. Гузеева), но и другими способами: оформлением всей фразы, общим эмоциональным звучанием образа и др., например: «*Мужья как костры: они гаснут, если их оставляешь без присмотра*» (телепередача «Модный приговор», А. Шарапова).

Сравнительные конструкции, создаваемые мужчинами, также имеют яркие отличительные особенности, контрастирующие с чертами сравнений, авторы которых – женщины.

Отличаются объекты сравнения. Создавая сравнение, автор-мужчина не боится реалистичных, даже пугающих ассоциаций: «*Ветер ... сдул последние остатки благопристойности с деревьев, и теперь они были совсем голые, как покойники на прозекторском столе*» (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Он выбирает образы, относящиеся к физиологии, сексу: «*Зато никаких последствий. Как в рекламе про безопасный секс. Видел по телевизору?*» (А. Герасимов. Рахиль).

Если для женщин, как это отмечено выше, свойственно сравнивать конкретное с абстрактным, мир человека – с миром природы, то есть повышать отстраненность образа, абстрагироваться от окружающего, то мужчины, наоборот, сравнивают абстрактное с конкретным, природу с человеком, например: «*Осень была сухой и опрятной, как заведующая привилегированным детским садом*» (А. Жвалевский. Мастер сглаза).

Мы имеем дело, по-видимому, со свойственным мужчинам, по крайней мере, в соответствии со стереотипами, точным, определенным восприятием действительности, стремлением рационализировать наблюдаемое, объяснить необъяснимое и неясное, сделать окружающий мир предельно понятным. Выбор мужчинами конкретных объектов сравнения, создание точных описательных характеристик демонстрируют склонность к реалистической оценке даже тогда, когда мужчина оперирует излюбленным женщинами кулинарным образом, который в данном случае звучит совсем по-другому: «...*Бетон столбов и постаментов раскрошился, буд-то слоистая халва, оголив ржавые петли арматуры*» (М. Кликин. Когда горы заснут).

Именно со стремлением быть конкретным и реалистичным связано и более частое обращение мужчин при сравнении к прецедентным феноменам, например: «*Вооружиться? Я и так, словно Бонд, не расстаюсь с “береттой”*» (В. Аксенов. Остров Крым). В стремлении конкретизировать, доказать, обосновать свое мнение мужчина прибегает к ссылке на авторитет: «*Так Астахов не Гамлет и не Ромео!*» (Н. Леонов. Обречен на победу). Такое внимание мужчин к прецедентным объектам уже отмечалось лингвистами [Мамаева и др., 2012]. Иногда оперирование мужчиной прецедентным феноменом выглядит неожиданно, даже несколько неестественно, в частности, при описании природы: «*Шеренгой ползли прямо на людей большие треугольные рыбы, раскрашенные под Зверева...*» (Д. Глуховский. Рассказы о Родине). Женщины же не только оперируют прецедентными феноменами реже, они делают это иначе, выбирая совершенно иные, «женские» основания для сопоставления, например: «*Как Сталин на Ялтинской конференции – только вместо брюха, естественно, выставляла вперед грудь*» (Д. Симонова. Шанкр).

Е.Н. Калугина отмечает такую особенность мужского языка, как «большая информативность по сравнению с женской речью» [Калугина, 2013, с. 80]. Именно с этим, а еще с декларируемой мужчинами как гендерный стереотип высокой интеллектуальностью мы связываем такую особенность мужских сравнений, как более частое обращение к объектам из сферы истории, философии, политики, общественной жизни, например: «...*Молодые реформаторы относились к местному населению с еще меньшим трепетом, чем испанские конкистадоры к инкам и ацтекам*» (О. Маркеев. Черная луна).

Кроме того, для мужчин характерна большая восприимчивость к новому, что отражается в более частом выборе объектов сравнения, связанных с новыми явлениями, развивающейся техникой, например:

«...Досье на него в органах волебным образом обнулось, словно пройдя перезагрузку» (Д. Глуховский. Рассказы о Родине).

И, конечно, обращает на себя внимание намеренное огрубление мужской речи, уже отмечавшееся исследователями гендерных особенностей языка [Заболотнова, 2005]. Огрубление проявляется не только в выборе объектов сравнения, но и в самом построении конструкции, ее динамике, жесткости, намеренном нарушении грамматических норм. Например: *«Открывал сердце, как консерву»* (песня Ляписа Трубецкого). Вполне вписывается в данный контекст и обращение мужчины при сравнении к образам, связанным с потреблением алкоголя и алкогольной интоксикацией, часто юмористическое, наполненное подшучиванием над собой: *«Что-то не нравился мне сегодня Николаич. Слишком он официальный и собранный, словно замполит с похмелья»* (А. Жвалевский. Мастер сглаза), а также введение в сравнительную конструкцию вульгаризмов, просторечий, физиологических наименований и т.п.

То, что отрицательная характеристика присуща больше мужчинам, уже отмечалось исследователями [Мамаева и др., 2012]; по словам М.В. Заболотновой, «мужчины более выражено используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы» [Заболотнова, 2005, с. 115]. Это отразилось и в сравнительных конструкциях, например: *«...Ее двор с трухлявыми скамейками, к которым были словно приколочены бессмертные злые старухи...»* (Д. Глуховский. Рассказы о Родине).

С.В. Мамаева и Л.С. Шмульская отмечают, что при создании сравнений «мужчины менее стандартны» [Мамаева и др., 2012, с. 105]. Мы можем согласиться с этим только отчасти. При выборе образа, объекта сравнения степень творчества мужчин и женщин мы оцениваем приблизительно одинаково: и те и другие стремятся выбирать необычные, привлекающие внимание реципиента объекты. При этом женщины менее оригинальны в выборе формы сравнения: создаваемые ими конструкции – это, по преимуществу, сравнительные обороты или неполные сравнительные придаточные с союзом *как*. В то же время мужчинам свойственно чаще обращаться к менее стандартным способам выражения компаративной семантики, прибегать к посредству сравнительных предложений, наречий и прилагательных, использовать конструкции с глаголами и генитивные сравнения. Например: *«Ты пожалеешь об этом, – произнес он, по-бычьему поднимая голову»* (Д. Чекалов. Ледяные осколки вечности), *«Эпоха гласности завершилась слишком быстро, обвалообразно...»* (О. Таругин. Тайна седьмого уровня), *«...И облаков дырявые бо-тинки / Неспешно снова странствуют по свету»* (И. Кондрашов).

Кроме того, мужские сравнения обычно короче женских, что отражает такую особенность мужского менталитета, как рационализм, расчётливость, экономия усилий. Если есть такая возможность, мужчина старается обойтись при сравнении одним-двумя словами, например: «**Гориллоподобный** мужик почесал свой многократно перебитый нос...» (А. Каменистый. Боевая единица); «...**Застежкой-молнией** неслась лодка, расстегивая океан» (Д. Глуховский. Рассказы о Родине). Основная масса сравнительных конструкций, конструируемых мужчинами, короткие, хлесткие, в них продумано и мотивировано каждое слово, нет ничего лишнего.

А вот такая общепризнанная черта мужского типа речи, как большая стилистическая нейтральность, в сравнениях практически не выражается, что связано, видимо, с сутью данного лингвистического явления: языковая личность прибегает к сравнению именно тогда, когда нуждается в экспрессивном выражении своих мыслей, чувств. Конструкции, создаваемые мужчинами, не менее эмоциональны, чем те, авторы которых – женщины, правда, это эмоциональность иного рода. Вместо лиричности – жесткость, вместо эстетичности – вульгарность, вместо плавности – экспрессивность. И даже когда мы у мужчин наблюдаем лиричные сравнения, это образы иного рода – более хлесткие, краткие, конкретные, например: «**Это новая песня, сырая, как наша любовь**» (Ю. Шевчук, устная речь на концерте).

Особо стоит отметить и тот факт, что женщины одинаково часто используют гендерно маркированные сравнения в языке художественной литературы и в языке СМИ (речь телеведущих, интернет-комментарии и т. п., см. примеры выше), у мужчин же особые, мужские сравнения отмечены в основном в текстах художественной литературы, а в языке СМИ их речь более нейтральна, сравнительные конструкции и подбираемые для них образы не имеют отчетливо выраженных гендерных особенностей. Объяснить данный феномен однозначно мы не можем, возможно, его корни – в упоминавшейся выше большей эмоциональности женщин, которую они охотно проявляют посредством СМИ и Интернета, осуществляя живое общение с невидимым собеседником. Мужчина же, как существо более рациональное, не видит необходимости ярко выражать свои чувства в этих сферах общения. В литературных же произведениях ситуация иная, их язык априори образен, и в нем писатель-мужчина более открыто выражает свои коммуникативные интенции.

По словам Е.Н. Калугиной, «язык мужчины и женщины представляет собой сложную гетерогенную структуру, состоящую из стандартных и субстандартных элементов» [Калугина, 2013, с. 81]. Мы считаем,

что в построении категории сравнения ярче, чем при использовании других языковых элементов и форм, проявляется субстандартность, выход за рамки гендерных стереотипов. При всей лексически явно выраженной гендерной спецификации, сравнительные конструкции демонстрируют некое единство их создателей, независимость от половой идентификации, проявляющиеся в первую очередь через отмеченную нами экспрессивность, эмоциональность создаваемых и мужчинами, и женщинами сравнительных конструкций. Наличие же явных отличий в объектах и эмоциональной окраске сравнений, по нашему мнению, связаны в первую очередь с теми ожиданиями, которые предъявляет к говорящему общество. В.М. Войченко замечает: «Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения» [Войченко, 2009, с. 67]. Исходя из этих ожиданий, мужчины и женщины и реализуют в сравнениях свои ассоциации.

С.В. Мамаева пишет: «Сравнение позволяет выявить гендерные различия на глубинном когнитивном уровне» [Мамаева и др., 2012, с. 107]. Соглашаясь с данным мнением, мы хотим его продолжить, развить: сравнение в силу своей категориальной экспрессивности позволяет выявить не только гендерные различия, но и глубинное эмоциональное единство мужчины и женщины. При том, что «мужчины и женщины говорят о своих проблемах по-разному: мужчины имеют тенденцию к использованию описаний обстоятельств, тогда как женщины больше говорят о личном аспекте» [Кучмезова, 2011, с. 179], мужчины более точны, рациональны и конкретны, создание сравнительной конструкции объединяет их, этот процесс относится к той части языкового творчества, которая стирает ряд гендерных различий.

Итак, сравнительные конструкции, создаваемые мужчинами и женщинами, имеют ряд значительных отличий, связанных с различиями полов и гендерными стереотипами. В частности, отличаются образы сравнений: женщины чаще апеллируют к объектам мира моды, косметики, кулинарии, телесериалов, мира природы; мужчины – к объектам из сферы истории, политики, прецедентным феноменам, новым явлениям. Сравнения, создаваемые женщинами, более эстетичны, мягки, в них чаще используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Мужские сравнения более конкретны, реалистичны, более разнообразны по форме, им часто свойственна грубость, с их помощью нередко выражается отрицательная оценка. Объединяет оба гендера при создании сравнений высокая степень экспрессивности, эмоциональности, свойственная, по нашему мнению, функционально-семантической категории сравнения как категориальный признак.

Литература

- Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2005.
- Вандышева А.В. Социально-культурные особенности гендерных отношений // Язык. Дискурс. Текст: II Международная научная конференция, посвященная юбилею профессора Г.Ф. Гавриловой. Ростов-на-Дону, 2005. Ч. 1.
- Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. 2009. № 1.
- Заболотнова М.В. К вопросу о гендерных различиях в языке // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2005. № 3.
- Калугина Е.Н. Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике: состояние и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-1.
- Крылова М.Н. Гендерные особенности воздействия на адресата речи в русской рекламе личного характера // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Кучмезова Л.О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2.
- Мамаева С.В., Шмульская Л.С. Сравнительные конструкции в женском и мужском типах речи: контрастивный анализ // Успехи современного естествознания. 2012. № 7.
- Попова Е.А. Об особенностях речи мужчин и женщин // Русская речь. 2007. № 3.

«ЗВЕЗДНАЯ ПЕРСОНА» В АРТ-ЖУРНАЛИСТИКЕ: СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СЦЕНАРИЯ¹

Л.Р. Дускаева, Ю.М. Коняева

Ключевые слова: творческая личность, коммуникативный сценарий, коммуникативные действия, речевой жанр, интенциональность.

Keywords: artistic person, communicative script, communicative actions, speech genre, intentionality.

«Звездная персона» – один из важнейших феноменов, к которому приковано внимание авторов в культурно-просветительском медиадискурсе. Это вполне естественно: нельзя говорить о культуре, не говоря о ее творцах. Статья посвящена важному аспекту

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Культурно-просветительский медиадискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры» № 14-34-01028.

современной антропологической лингвистики – речевой презентации творческой личности в тексте. Думается, проблема речевого развертывания в тексте эстетической оценки того вклада, который личность вносит в культуру страны, важна и в теоретическом и практическом отношении. Для решения проблемы обратимся к понятию коммуникативного сценария, использование которого позволит проанализировать стилистико-речевую сторону текста во взаимодействии с его содержательно-смысловой структурой.

Методика анализа. Понятие сценария пришло в лингвистику из когнитивной психологии, из работ М. Минского [Минский, 1979] и Р. Шенка и Р. Абельсона [Script theory..., URL]. В когнитивистике сценарием называется структура для динамического представления знаний о типизированной ситуации [Кулаков, электронный ресурс]. Фрейм-сценарий, по М. Минскому, представляет собой типовую структуру для некоторого действия, понятия события и т.п., включающую характерные элементы этого действия понятия, события. В интерпретации Р. Шенка, Р. Абельсона (1975) сценарий представляет собой последовательность действий, которые описывают часто встречающиеся ситуации. В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, то есть результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие [Script theory..., URL]. Опираясь на эти идеи, сценарием мы называем комбинацию коммуникативных действий, упорядоченную в соответствии с принятыми алгоритмами речевого поведения, которые отражают психическую деятельность, лежащую в основе речевой.

Коммуникативный сценарий – речевая последовательность, создание которой детерминировано той или иной интенциональностью (индивидуальным авторским замыслом), определяемой нами как иерархия дескриптивных, модальных и коммуникативных интенций [Дускаева, 2004, 2012]. Следовательно, замысел определяет композицию текста, в которой отражается «строение, соотношение и взаимное расположение частей» (в нашем понимании – коммуникативных действий) речевого произведения, «членение на смысловые элементы, степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними» [Баженова, 2003]. Так что текстовая композиция формируется в результате ее развертывания из главной идеи, какой первоначально предстает замысел, через последовательность дополнительных. В каждом из типов текстов, воплощающих тот или иной интенциональный стиль, языковые средства системно организуются в

последовательности коммуникативных действий, совершаемые профессионалом, – **коммуникативные сценарии**.

Анализ материала. Перейдем от абстрактного изложения отдельных теоретических положений к анализу речевой практики и рассмотрим стилистическое воплощение коммуникативного сценария эстетической оценки персоны в культурно-просветительских текстах, стиль которых воплощает психическую деятельность автора по осмыслению творческого пути внесшего весомый вклад в развитие искусства человека, и организуется под влиянием **системы интенций, порядок реализации которых и формирует коммуникативный сценарий презентации «звездной» персоны той или иной тематической разновидности**. В коммуникативных сценариях журналистского дискурса отражаются алгоритмы мыслительной и психической деятельности журналиста по оценке человека. Автор выступает здесь как субъект, воспринимающий и оценивающий личность персоны и ее творчество. Сюжетные линии влияют на выбор средств речевого воздействия и определяют последовательность коммуникативных событий.

Изучение обширного материала показывает, что в журналистике используется несколько коммуникативных сценариев оценки персоны – юбилейное посвящение, некролог и посвящение «герою события» (при этом событиями, ставшим поводом для публикации, могут быть присуждение награды, премии, выход книги, премьеры спектакля, организация выставки и т.п.). В нашей статье мы проанализируем тексты, являющиеся воплощением первых двух сценариев. Интенциональность подобных текстов включает: 1) осведомление о биографических данных, 2) портретное описание, 3) объяснение эстетической оценки этапов «звездного» пути, 4) социальную оценку роли персоны в искусстве. Рассмотрим, каковы стилистико-речевые особенности их презентации.

Осведомление о биографических данных может происходить по-разному: в форме справки, что придает текстам более официальный характер, либо в виде воспоминаний, если автор публикации лично знаком с героем. В первом случае можно выделить как минимум два варианта представления данных, различающихся выполняемой в тексте функцией.

Рассмотрим публикацию «Сладкая жизнь Марчелло Мастроянни» из газеты «Аргументы и факты»: *Будущий «итальянский жених» и «латинский любовник», как прозвали Мастроянни поклонницы, родил-ся в горной деревушке, в семье бедного плотника. Родители и дети ютились в крошечной комнатухе, сэкономили каждую копейку, так*

*что маленькому Марчелло пришлось рано освоить ремесленное мастерство. Он начал работать еще подростком: в мастерской у отца, на стройке — во время Второй мировой войны он **вынужден был** какое-то время **трудиться** в одном из нацистских лагерей, откуда ему **удалось сбежать** в Венецию. После окончания войны Мастроянни **вернулся** в Рим и **устроился** на службу в кинопрокатную компанию. Свободное время он **посвящал** своему давнему увлечению — актерской игре (АиФ. 28.09.2014).*

Перед нами изложение сведений биографического характера в форме повествования, построенного прежде всего цепочкой глаголов прошедшего времени, передающих путь становления личности актера. Оно позволяет напомнить читателю о герое публикации, обрисовать начало пути, обозначив наиболее важные для становления творческой личности вехи. Отбор этих сведений подчинен задаче раскрыть читателю то, как происходило становление героя: косвенно на эту цель указывают метонимические номинации, начинающие изложение (*будущий «итальянский жених» и «латинский любовник»*). Звездные моменты в жизни актера, маркированные указанными номинациями, благодаря им оказываются противопоставленными периоду «начала жизненного пути». Последний маркируется разнообразными средствами: именами собственными, которые помогают соотнести жизнь героя с определенной географической местностью (*Венеция, Рим*), обилием конкретной лексики, рисующей простоту и бедность обстановки, окружавшей героя в детстве (*горная деревушка, бедный плотник, крошечная комнатка, мастерская, стройка, нацистский лагерь, кинопрокатная компания и др.*), а также акциональные глаголы, передающие активность героя в сопротивлении обстоятельствам (*родился — начал работать — удалось сбежать — пришлось рано освоить, вернулся — устроился на службу и т.д.*). Эти средства помогают представить процесс становления личности во всем драматизме.

Но биографические данные могут подаваться и в обратном порядке, такой способ более характерен для некролога. Приведем пример. *Не стало эстонского певца и музыканта Яака Йоалы. Он ушел до обидного рано. В 64 года. Хотя почти двадцать из них мы фактически не слышали его живого пения. Яак перестал выходить на эстраду после того, как распался Советский Союз, и почти потерял себя в новой Эстонии, где всегда относились с подозрением к тем, кто достиг успеха и славы в те годы, когда республика была в составе СССР (Умолкнул голос соловья. Невское время. 29.09.2014).* Обратная хронология в этом отрывке позволяет подвести очень невеселый итог

жизненному пути. Вполне закономерным здесь видится использование глаголов совершенного вида, отмечающих необратимость потери (*не стало, ушел, перестал, распался, потерял* и проч.).

Мемуарная форма подачи биографических данных всегда лично окрашена. Собственно факты здесь отходят на второй план, уступая место авторскому отношению к герою: *Он лишь однажды сказал, как бы впроброс: «Ну обо мне ты никогда ни строчки не написала». Я смешалась, не зная, что ответить, и он аккуратно перевел разговор на другую тему. А я тогда решила, что дождусь ближайшего «информационного повода» – юбилея – и обязательно напишу. Все равно же без информационного повода не напечатают. А 75 лет Костецкого, казалось, были не за горами. Казалось...* (Аристократ. Санкт-Петербургские ведомости. № 210 от 10.11.2014). В приведенном отрывке описывается имевший место разговор автора и героя, на время указывает упоминание *ближайшего «информационного повода»* и метка: *«А 75 лет Костецкого, казалось, были не за горами»*. Случай из жизни подается через призму авторского восприятия, на что указывает повествование от 1-го лица, обилие личных местоимений и глаголы совершенного вида в прошедшем времени. Однако в первую очередь этот рассказ пронизан чувством глубокой грусти от потери дорогого автору человека. Грусть проскальзывает в «репортажных» деталях (*впроброс, смешалась, аккуратно перевел*), лексическом повторе вводного слова *казалось*, подчеркивающим сожаление от невозможности изменить что-либо.

Рассказ о «звездной» личности предполагает также и *портретное описание*, которое включает несколько компонентов, в совокупности дающих представление о человеке как части мира. Например, портретное описание актера Виктора Костецкого включает, во-первых, непосредственно описание его внешности через слова предметной семантики, указывающие на внешние характеристики, и эпитеты: *Это он-то, с его ростом и статью, с его бархатными глазами и бархатным голосом, с его потрясающей мужской харизмой...* (Аристократ. Санкт-Петербургские ведомости. 10.11.2014). Лексема *аристократ* становится ключевой в тексте, поскольку выражает важнейшую для автора оценку персоны. Для подтверждения такой оценки автор рассказывает о манерах, особенностях поведения героя: *Он всей этой «звездной повидлы» стеснялся. Разводил руками, пожимал плечами, словно говоря: «Ну извините, я не виноват!».* Но он был «виноват» – просто тем, что был прекрасен (Аристократ. Санкт-Петербургские ведомости. 10.11.2014). Манеры передают глаголы несовершенного

вида в прошедшем времени. Образ аристократа дополняется упоминанием о привычках и интересах персонажа: *И вот еще: чувство юмора в эпоху его молодости было чем-то вроде обязательного взноса для вступления в звездный клуб. Его чувство юмора было отменным. И анекдоты он умел рассказывать, как мало кто умел, и байки умел травить так, что окружающие валялись с хохоту. И никогда – ни разу – ни одного анекдота и ни одной байки, после которых хотелось бы залезть под стол со стыда. Он и тут был аристократом* (Аристократ. Санкт-Петербургские ведомости. 10.11.2014). Как видим, все характеристики обозначены словосочетаниями в значении суперлативов (*отменное; умел, как мало кто умел, умел так, что окружающие валялись с хохоту*), показывающих героя таким, каким может быть истинный аристократ.

Присутствие всех названных блоков является факультативным, некоторые сведения могут опускаться. В ряде случаев для представления портрета бывает достаточно нескольких деталей, передающих внешние проявления внутреннего мира человека: *Или еще – читаешь рассказы Искандера и думаешь: вот какой забавный чудак-человек их написал! А только начинаешь с автором разговаривать, как тут же понимаешь: нет, не забавный. Грустный какой-то. Ни шутки тебе, ни прибаутки, ни анекдота какого. Печаль одна, да взгляд внимательный сквозь густое облако сигаретного дыма, как будто случилось что* (Фазиль Искандер: Космический холод мира преодолевается лаской. КП. 05.03.2014). Несколько внешних деталей (*взгляд внимательный сквозь густое облако сигаретного дыма*) дополняют стилистически окрашенные полярные характеристики персоны: *забавный чудак-человек* в рассказах, с одной стороны, и *не забавный, грустный какой-то, печаль одна* в реальной жизни – с другой. Подобная антитеза показывает многогранность личности писателя, динамичность и глубину его внутренней жизни. Указание на это через портретное описание позволяет далее обратиться к творческому пути писателя, передавая образ истинного патриота, равнодушного человека, активного участника общественно-политической жизни страны, слово которого имеет вес для нации.

Таким образом, различные способы осведомления о биографии и портретных данных позволяют представить творческую личность, подготавливая к восприятию рассказа о ее «звездном» пути. Этот рассказ становится центральным в повествовании. Человек здесь предстает как образец для подражания, выделяются его лучшие качества. Важное значение приобретает оценка, объектом которой становится, с одной стороны, сам «звездный» путь, творческая карьера. И тогда мы имеем

дело с эстетической оценкой этапов «звездного» пути. С другой стороны, социальной оценке подвергаются и разные стороны самого человека.

В основе *объяснения эстетической оценки этапов «звездного» пути* – посылки, содержащие информацию, на фундаменте которой дается характеристика творческой личности. В результате объяснения мы получаем ответ на вопрос: чем значителен этот человек.

Объяснение оценки значения творчества той или иной личности предполагает: 1) установление ее роли в культурной жизни, 2) указание на положительные и отрицательные стороны человека, 3) демонстрацию оснований оценки. Следовательно, логика объяснения – в установлении целесообразности, красоты, этичности деятельности, в оценке мотивов действий человека.

Рассмотрим, как это может проявляться в тексте. Выделим три возможных сценария, различающихся ситуацией создания и целью. Это некролог о только ушедшем, посвящение к юбилею давно ушедшего человека, а также юбилейное посвящение ныне живущему.

В первом случае оценку, конечно, сопровождает горечь утраты. Тексты пронизаны болью от осознания невозможной потери. Пример: *Нынче записи Яака Йоалы – **золотой фонд** нашей эстрады, потому что **редкий певец** обладал **таким** музыкальным образованием и опытом, как Яак, **умевший играть** на многих инструментах, **чувствовавший стиль** и **умевший передать** со сцены или с экрана чувства, которые вызывала в нем та или иная песня.* В этом отрывке музыкальное наследие артиста выступает основанием оценки, отмечается значительность его для культурной жизни страны, а сам артист в связи с этим причисляется к элите советской эстрады. На исключительность тех качеств, которыми обладал артист и которые безвозвратно потеряны с его уходом, указывают положительно окрашенный фразеологический оборот *золотой фонд*, оценочное прилагательное *редкий*, указательное местоимение *таким*. Опять же обращаем внимание на характерную форму глагольных конструкций – прошедшее время (*чувствовавший, умевший* и проч.). Подобное положительно окрашенное описание создает имплицитное противопоставление, выделяя ушедшего человека из множества живущих, от чего печаль от утраты становится очевидной.

Если же текст является ежегодным посвящением по случаю значимых дат из жизни давно ушедших деятелей культуры, горечь утраты уступает место светлой грусти. Временной разрыв в таком случае позволяет более отстраненно, а, следовательно, и более объективно оце-

нить значимость личности. Приведем пример: *Он снялся более чем в сотне фильмов у главных итальянских режиссеров второй половины XX века – Феллини, Висконти, Виторио де Сики, Антониони, а его экранными партнершами были и Софи Лорен, и Бриджит Бардо и Катрин Денев. Две награды Каннского кинофестиваля, два Кубка Вольпи Венецианского смотра, премии «Золотой глобус» и BAFTA, номинации на «Оскар» — сын простого столяра без профессионального актерского образования стал лицом и символом итальянского кинематографа* (Сладкая жизнь Марчелло Матростяни. АиФ. 28.09.2014). В настоящем отрывке оценка значимости личности происходит на смысловом уровне: через обозначение начала (*сын простого столяра*) и окончания жизненного пути (*стал лицом и символом итальянского кинематографа*). Эмоциональность уступает место объективированному изложению, что выражается в частом привлечении фактических данных (числительных и имен собственных), позволяющих поэтапно обозначить «звездный» путь известного актера и необходимых для вывода логического умозаключения: вслед за осознанием потери человека приходит осознание его роли в искусстве: *В день смерти Матростяни в 1996 году фонтан, ставший благодаря фильму одним из символов Рима и итальянского кино, был отключен и завешен черной траурной тканью* (Сладкая жизнь Марчелло Матростяни. АиФ. 28.09.2014).

Если же речь в тексте идет о юбиляре-современнике, оценку всегда сопровождает чувство уважения к выдающемуся человеку, восхищения его творчеством: *Достаточно одного имени – Фазиль – и сразу ясно, речь именно о нем. Искандер – особая фигура в русской культуре. ...Крупный писатель, продолжатель великих традиций, самобытный гуманист. Все – мимо, мало, мало. Искандер никогда не уместился в определении. В его случае достаточно просто имени* (Фазиль Искандер принимает поздравления с юбилеем. Новости культуры. 06.03.2014). Осознание значительности фигуры происходит через особую номинацию (*достаточно одного имени – Фазиль*), опоясывающую заключительный фрагмент текста, подкрепленную оценочными прилагательными (*особая, крупный, великие, самобытный* и др.).

Социальная оценка роли персоны в искусстве прослеживается через отношение аудитории к «звездной» личности. Она, как правило, лейтмотивом проходит через весь текст и достигает своего апогея в заключении. Приведем примеры.

Публикация-некролог, посвященная Яаку Йоала, завершается следующей фразой: *Он излучал те положительные эмоции, которых нам сегодня так не хватает и в жизни, и в культуре. И мы всегда с*

благодарностью будем вспоминать того светлого человека и артиста, который подарил нам столько радости и страсти. (Умолкнул голос соловья. Невское время. 29.09.2014). Отношение аудитории к герою публикации выражается личными местоимениями 1-го лица множественного числа. Особое внимание здесь следует обратить на чередование глагольных форм: прошедшее время при упоминании ушедшего артиста (*излучал, подарил*), настоящее для обозначения момента речи, в котором человека уже нет (*не хватает*) и будущее, позволяющее поднять тему памяти (*будем вспоминать*).

Второй пример – это юбилейное посвящение Фазилу Искандеру: *Искандеру удалось остановить мгновенье, и дольше века длится летний абхазский день с катящимися яблоками и детскими голосами. А село Чегем осталось только в романе, в реальности оно заброшено, там никто не живет, и это грустно. Хотя если книги существуют дольше, чем описанная в них «живая жизнь», – это ли не признак настоящей литературы и большого писателя?* (Мул размышляет, буйвол геройствует. Независимая газета. 06.03.2014). Здесь оценка личности как «большого писателя», создающего «настоящую литературу», дается через оценку аудиторией его вклада в современную культуру. Этому способствуют аллюзии на произведения классиков: *удалось остановить мгновенье* («Фауст» Гете), *и дольше века длится летний абхазский день* (роман Ч. Айтматова). Подчеркивается мысль риторическим вопросом. Опять же значимы времена глаголов, но, в отличие от некролога, они выполняют другие функции: используются в основной формы настоящего и прошедшего времени, что позволяет оценить вклад писателя с позиции современности.

Как видно даже из этих примеров, последнее коммуникативное действие значимо потому, что, наряду с признанием роли личности, утверждаются важнейшие ценности: человек и его жизнь, творчество, способность человека к познанию, открытость миру.

Выводы исследования.

1. В культурно-просветительской журналистике речевой жанр аналитического портрета представлен в нескольких композиционных разновидностях. Так, рассматривая портретные публикации, мы обнаружили некролог, юбилейное посвящение в разновидностях и посвящение «герою события». Следовательно, **понятие речевого жанра по отношению к понятию коммуникативного сценария является родовым.**

2. В коммуникативных сценариях выражен частный способ реализации типового авторского замысла (интенциональности) совокупностью коммуникативных действий, воссоздающей

объективную логику способа профессиональной деятельности: 1) осведомление о биографических данных, 2) портретное описание, 3) объяснение эстетической оценки этапов «звездного» пути, 4) социальная оценка роли персоны в искусстве. В рассмотренных в рамках настоящей статьи некрологе и юбилейном посвящении различаются статус каждого коммуникативного действия и порядок их следования. Так, в некрологе на первый план выносятся оценка человека и его творческого пути, портретные и биографические данные подаются большей частью в текстах лично окрашенных. В юбилейном посвящении значительное место занимает биография героя и его портрет, которые позволяют сформировать в сознании аудитории образ «великого современника», с этой же целью привлекаются и другие коммуникативные действия.

3. Оба выделенных коммуникативных сценария выражаются рядом интенционально-стилистических категорий, важнейшие среди которых – **персональности** и **акциональности**. Совокупность средств их выражения – имена существительные, местоимения разных семантических групп, называющих персону как субъекта действия, прилагательные и причастия, дающие характеристики персоне, глаголы эмоций, речемышления и акциональные, демонстрирующие деятельность лица и последовательность сменяющихся действий и др. Все это помогает журналисту ответить на вопросы, **кто, как действует и чем значим**.

4. Некролог и юбилейное посвящение отличает характер эмотивности: для первого типа текста ключевая тональность – скорби и сожаления, во втором – торжественности и патетичности. Средства создания такой тональности – оценочная лексика и номинации соответствующей семантики, динамика временных глагольных форм, указательные местоимения, словосочетания в значении суперлативов и др.

Литература

- Баженова Е.А. Композиция текста // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
- Дускаева Л.Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2012. № 2.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Шляхов В. И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М., 2013.
- Script theory (Schank R.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instructionaldesign.org/theories/script-theory.html>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДВЫБОРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Л.С. Чикилева

Ключевые слова: политический дискурс, публичное обращение, коммуникативная интенция, общечеловеческие ценности.

Keywords: political discourse, public address, communicative intention, human values.

В последние десятилетия наблюдается большой интерес к изучению массового речевого воздействия, когда объектом воздействия является некоторая совокупность людей. Феномен речевого воздействия связан, прежде всего, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия, который влияет на своих слушателей, на их взгляды, ценности, их представления о мире и на принятие ими решений. В связи с этим актуальным является вопрос о том, что делает речевое воздействие эффективным и с помощью каких лингвистических средств можно повысить эффективность воздействия, в частности, в предвыборных выступлениях. Воздействие является одним из основных понятий риторики, поэтому риторическая коммуникация представляет собой особую форму воздействующей коммуникации, а речевое воздействие выступает как основная цель риторического дискурса. Современный человек живет в условиях постоянного речевого воздействия и манипуляции. Любой акт коммуникации имеет, как правило, две цели: передачу информации и воздействие.

В начале XXI века многие исследователи обращаются к изучению особенностей публичной речи и в частности – к политическому дискурсу (см., например: [Демьянков, 2002; Зигманн, 2000; Ковалева, 2003; Почепцов, 2001; Проскураков, 1999; Чикилева, 2005; Чудинов, 2003; Шейгал, 2000; Юдина, 2001] и др.). Этот интерес далеко не случаен, так как речь является инструментом воздействия на сознание, а с помощью публичной речи оказывается воздействие на коллективное сознание.

В риторическом смысле воздействие заключается не только в понимании адресатом смысла высказывания, а в тех изменениях в состоянии и поведении адресата, которые являются результатом этого понимания. Таким образом, на первый план выдвигается воздействие на систему взглядов, изменение отношения адресата к явлениям, предметам, событиям реальной жизни. Задача публичного обращения «состоит не только в том, чтобы проинформировать, сколько в том, чтобы

побудить мыслительную активность слушателей, повернуть ее в нужном направлении, призвать к целенаправленному социальному действию» [Чикилева, 2005, с. 81].

В условиях межкультурного социального взаимодействия происходит расширение сферы лингвистических исследований, наблюдается интерес к исследованию проблем воздействия на сознание и поведение человека. Этот интерес можно объяснить социально-психологическими и политическими особенностями современного общества, особенно в период предвыборных кампаний, когда многие избиратели затрудняются сделать личный политический выбор. Известно, что определенная часть населения осуществляет свой выбор не на основе рациональной оценки программ определенных политических лидеров, а на эмоциональном уровне, учитывая сложившиеся симпатии и антипатии, степень доверия и недоверия к конкретным лидерам и организациям.

Представляет определенный интерес проследить, как реализуется прагматический аспект и какие речевые стратегии используются в предвыборных публичных выступлениях. Определяя речевое поведение, апеллируя к стереотипам сознания и политического мышления, субъект политической деятельности мысленно моделирует образ получателя, выявляет притягательные для получателя концепты и социальные роли и вводит их названия в свою речь [Зигманн, 2003]. Тем самым создается иллюзорное представление о целях и намерениях политика.

Рассмотрим коммуникативные стратегии, используемые оратором в процессе речевого воздействия. Согласно определению Т.Е. Янко, коммуникативные стратегии состоят в выборе речевого намерения, семантических компонентов, определения объема информации, соотношения информации с состоянием сознания слушающих и фактором эмпатии, определения порядка следования коммуникативных составляющих, в выборе определенного коммуникативного режима, стиля и жанра [Янко, 2001]. Особый интерес представляет стратегия позитивного представления какой-либо личности. Эта стратегия направлена на осуществление такого речевого воздействия на слушателей, когда они не могут сделать негативных выводов. Риторические стратегии, используемые для оказания речевого воздействия, могут включать следующие риторические приемы: повтор, преувеличение, преуменьшение, метафору и некоторые другие.

Определим некоторые речевые стратегии, часто используемые в публичных обращениях, и их функции. К ним относятся стратегии, выполняющие следующие функции: *контактоустанавливающую* (для привлечения и поддержания внимания), *структурирующую* (для струк-

турирования информации, выделения подтем), *иллюстративную* (для поддержания, подтверждения или объяснения утверждения путем обобщения или приведения примеров).

Можно также выделить приемы, используемые для создания положительного прагматического эффекта. К данной группе относится усиление, повтор, смягчение, импликация, контраст, приведение примера.

Целенаправленное использование стратегий оратором позволяет увеличить эффективность речевого воздействия. Представляется возможным рассматривать предвыборную публичную речь как ориентированную на смещение эмотивно-когнитивных перспектив слушателей. Принципиально важным является использование в предвыборной речи единиц структуры, содержания и построения, характерных для определенной культуры. Большую роль играют также такие характеристики как прецедентность и стереотипность речи. Можно сделать предположение о том, что когнитивная модель макроструктуры речи стереотипна и связана с контекстуальной макромоделью через реализацию некоторых метапонятий, выраженных с помощью лексических единиц, которые являются прецедентными для данного общества [Чикилева, 2005, с. 226].

Практика воздействия на сознание широко применяется в предвыборной публичной речи. Политическая публичная речь обладает набором системообразующих признаков, которые определяют ее природу и обуславливают прагматический эффект. Борьба за власть, происходящая между субъектами политики перед многомиллионной аудиторией, которую каждый говорящий стремится привлечь на свою сторону, предопределяет выбор ораторами стратегии речевого поведения. Многие речевые стратегии направлены на то, чтобы оказать воздействие на адресата, убедить его принять решение, нужное для оратора. Общеизвестным является тот факт, что предвыборные коммуникативные технологии направлены на реализацию функции воздействия.

В рамках данной статьи представляет интерес рассмотреть, какую роль играют предвыборные публичные выступления первой леди США в оказании речевого воздействия на избирателей. В качестве объекта исследования были выбраны публичные выступления Мишель Обамы, произнесенные 25 августа 2008 года и 4 сентября 2012 года [Being President Doesn't Change..., URL; In Support of Presidential Candidate Barack Obama..., URL]. Хотя эти выступления разделяет четырехлетний срок, между ними много общего. Обе речи были произнесены Мишель Обамой в предвыборный период, когда ее муж Барак Обама баллотировался на пост президента США. Оба обращения Ми-

шель Обамы в поддержку своего супруга были сделаны на съезде Демократической партии перед многотысячной аудиторией.

В анализируемых обращениях оратор преследует следующие цели:

- рассказать о своем происхождении и о происхождении своего супруга;
- сообщить интересные факты из биографии Б.Обамы и представить его как хорошего семьянина, любящего и любимого мужа и отца;
- подчеркнуть заслуги Б.Обамы перед страной, оказать влияние на общественное мнение, убедить слушателей отдать свои голоса за Барака Обаму.

Очевидно, что главная мысль выступлений заключается в следующем: если усердно работать, то можно многого достигнуть, успешно осуществить свои планы и мечты. Барак Обама многое сделал, делает и будет делать на благо своей страны и ее народа. Если вы проголосуете за Барака Обаму – вам и вашим детям гарантировано хорошее будущее.

Известно, что к прагматически эффективным относятся такие выступления, в которых оратор сначала сообщает о неприятном прошлом, об определенных трудностях, которые пришлось пережить. Затем говорится о произошедших переменах, о жизни с ценностями, которые созвучны с ценностями аудитории. Как правило, эффективность речи возрастает в результате того, что оратор делится с аудиторией личными переживаниями, собственным опытом [Чикилева, 2005]. Очевидно, что обе анализируемые речи можно отнести к прагматически эффективным. Мишель Обама приводит убедительные примеры пережитых трудностей из своего прошлого и прошлого своего мужа и подчеркивает, что ценности, принятые в их семье, такие же, как и у большинства американцев. В данном случае имеется в виду усердная работа (*you work hard for what you want in life*), умение сдерживать свое слово (*your word is your bond and you keep what you say*), уважение к людям (*you treat people with dignity and respect*).

Необходимо особо отметить, что на публичную речь влияют ожидания аудитории. Если слушатели знают оратора и знакомы с предыдущими выступлениями, то у них будет определенное представление о предстоящей речи. Аудитория мысленно представляет себе оратора, имеет собственное мнение об ораторе. Зная социальный статус оратора, можно легко догадаться, каковы будут особенности публичного выступления. Ожидания аудитории во многом определяются тем, какого характера будет речь, каким является риторическое про-

шное оратора и в какой обстановке будет произнесена речь. Как показывает анализ видеозаписи выступлений Мишель Обамы, слушатели воспринимают речь вполне позитивно. Выступление Мишель Обамы неоднократно прерывается продолжительными аплодисментами. Реакцию зрителей можно сравнить с реакцией болельщиков, когда они смотрят выступление своей любимой команды – многие зрители держат в руках баннеры, выступление неоднократно прерывается продолжительными аплодисментами зрителей. Мишель Обама хорошо знает текст выступления, умело используются мимика и жесты, речь очень экспрессивна. Настрой оратора передается зрителям. Некоторые зрители настолько растроганы, что вытирают слезы, особенно когда речь идет о детях.

Представляется уместным остановиться более подробно на заголовках анализируемых речей. Известно, что заголовки играют определенную роль в восприятии и понимании текста речи, они могут вызвать интерес или безразличие, от чего зависит отношение адресата к дальнейшему сообщению [Чикилева, 2005]. Под заголовком понимается коммуникативная единица, находящаяся в позиции перед текстом и являющаяся его названием. Заголовок прямо или косвенно указывает на содержание текста. В нем могут быть использованы ключевые слова, которые образуют семантическую основу публичного выступления. В большинстве случаев заглавия указывают на содержание текста, то есть прослеживается связь между заголовком и информацией, содержащейся в тексте. Принимая во внимание тот факт, что удачное заглавие привлекает внимание слушателей, способствует позитивному настрою аудитории, можно сделать вывод о том, что заголовок выполняет контактоустанавливающую функцию. Так, заголовок обращения «Being President Doesn't Change Who You Are, It Reveals Who You Are» («Должность президента не изменяет Вас, она показывает, кто Вы в действительности») можно назвать имплицитным, он представляет собой необычное заявление и привлекает внимание слушателей.

Главной отличительной чертой кандидатуры Б. Обамы является то, что он был первым темнокожим кандидатом, который стал президентом США. Супруга Б. Обамы сообщает избирателям многие интересные факты из его биографии, чтобы убедить их в том, что он является достойным кандидатом на пост президента страны.

При анализе текстов анализируемых выступлений учитывались следующие факторы: 1) коммуникативная интенция оратора; 2) исходная ситуация, связанная с фрагментом действительности, отображаемым текстом; 3) закономерности структурной организации. Коммуникативная цель или интенции оратора влияют как на внутрен-

ною, так и внешнюю форму текста выступления, структуру содержания и организацию языковых средств. Фрагмент действительности, описываемый в тексте публичной речи, также влияет на его внутреннюю форму, структуру, содержание и опосредованно через нее – на внешнюю организацию выступления. Внутренняя и внешняя формы текста не изолированы друг от друга. Существует мнение, что внутренняя форма первична по отношению к внешней [Чикилева, 2005]. Именно с помощью текста оказывается воздействие на адресата, осуществляется побуждение к совершению определенного действия. Реальный процесс осмысления осуществляется на уровне сознания. Независимо от того, как рассматривается текст – с позиции порождения или с точки зрения восприятия, доминирующей является его внутренняя содержательная структура.

Рассмотрим содержательную структуру анализируемых обращений. Как показывает сравнительный анализ, между ними, за исключением вступления, много общего. В первом обращении вступление начинается с необычного заявления – Мишель Обама ссылается на своего брата, а также на своих родителей, что придает ее речи личностный характер. Во вступлении второго обращения она делится своим опытом поездок по стране в роли первой леди США и отмечает патриотизм простых американцев, доброту и заботу людей по отношению к ней и ее семье. Очевидно, что речевые стратегии, используемые во вступлении, выполняют преимущественно контактоустанавливающую функцию. Основная часть обоих обращений связана с темой «предстоящие выборы», которые сравниваются с длительным путешествием – *journey*. Мишель Обама отмечает, что она не только жена, но и дочь, и сестра, и мать двух дочерей. Она подчеркивает роль детей в их жизни и делает плавный переход к теме “будущее”, имея в виду не только будущее ее детей, но и будущее детей всей страны. Для нее, как для матери, главным и решающим моментом, связанным с предстоящими выборами, является будущее детей.

В обоих выступлениях прослеживается создание цепочки: прошлое-настоящее-будущее. С этой целью приводятся факты из прошлого, поясняющие жизненный и трудовой путь Барака Обамы и представляющие его с положительной стороны. Затем дается характеристика текущего момента, выражается гордость за величие нации и подчеркиваются заслуги Барака Обамы перед страной. Что касается будущего – выражается мысль о том, что оно зависит от результатов предстоящих выборов. Мишель Обама уверена, что будущее страны и будущее всех детей будет благополучным, если все проголосуют за Барака Обаму.

В основной части выступления приводятся дополнительные сведения о семьях Мишель и Барака Обамы. В частности, отмечается, что они родись в простых семьях, в которых были материальные трудности (*He was raised by grandparents who were working class folks just like my parents and by a single mother who struggled to pay the bills just like we did*). Выявляется много общего, особенно в ценностях этих семей (*were raised with the same values*). Она подчеркивает важность таких качеств как благородство, порядочность, честность, смирение (*dignity and decency, honesty and integrity, gratitude and humility*). Далее оратор сообщает факты из прошлого Барака Обамы – рассказывает о своей дружбе с ним и о его профессиональной деятельности после окончания колледжа, подчеркивает его профессиональные заслуги и личностные качества. Она считает, что годы президентского правления его не испортили – он остался таким же, каким был в начале своей трудовой деятельности (*He's the same man*). Для него главное – это не количество заработанных денег, а то, как можно изменить жизнь людей (*for Barack, success isn't how much money you make, it's about the difference you make in people's lives*). Она подчеркивает, что президенту приходится принимать много решений и решающим фактором в принятии решений являются ценности. Очевидно, что стратегии, используемые в основной части выступлений, выполняют структурирующую функцию, используемую для создания положительного имиджа Барака Обамы. С этой целью употребляются импликации, обобщение, усиление, смягчение, контраст, приводятся личные примеры.

Широко известно, что одной из отличительных особенностей американского национального менталитета является чувство гордости за свою страну, осознание исключительности американского народа, его особого предназначения. Имидж Барака Обамы и концепт величия американцев формируется за счет использования лексики с положительной коннотацией. Например: *proud, good, blessed, loved, cherished, safe, strong, equal, great, limitless, extraordinary, success, admire, kindness, warmth, hope, love, gratitude, triumph, pride, courage, grace, patience, wisdom, dignity, respect, aspiration, commitment, justice, ideal, belief, possibility, promise, champion, hero, inspire, respect, move forward, contribute, etc.* Можно предположить, что прослушав обращения, адресат получает положительный заряд энергии, а лексика с позитивной коннотацией воздействует на сознание слушателей и способствует формированию в их сознании положительного имиджа президента.

Позитивно окрашенная лексика используется также в упоминании Мишель Обамой заслуг простых американцев, которые своим трудом способствуют воплощению американской мечты; она приводит

имена соотечественников, которые внесли значительный вклад в осуществление американской мечты.

В основной части анализируемых обращений повествуется о проблемах, стоящих перед страной, как об испытаниях, которые закаляют дух американского народа: *So today, when the challenges we face start to seem overwhelming – or even impossible – let us never forget that doing the impossible is the history of this nation... it's who we are as Americans... it's how this country was built.* В связи с тем, что президент переизбирается еще на один срок, во втором обращении уделяется особое внимание успехам, которые были достигнуты за прошедшие четыре года. Основной акцент делается на идейном содержании произошедших событий, на их роли в укреплении духа американского народа и утверждении американских ценностей. При описании трудностей используется негативно окрашенная лексика, например: *devastated, frustrated, brink of collapse, go broke, steelplants shut down, jobs disappear, jobs dry up, live paycheck to paycheck.*

Одним из параметров анализируемых обращений является их интенциональность, которая является как индивидуальной, так и групповой [Чикилева, 2005, с. 241]. Под индивидуальной интенциональностью имеются в виду те цели, которые оратор преследует в своем выступлении. Под коллективной интенциональностью подразумевается стремление договориться и действовать сообща. Само понятие интенциональности определяет глубинные процессы порождения речи, являясь свойством любого акта сознания. В публичной речи отражается совокупность интенциональных действий, которые взаимодействуют с определенной концептуальной системой. Концептуальная система определенной культурно-социальной общности детерминирует формирование интенции, выраженной в конкретном речевом акте. Анализ обращений Мишель Обамы позволяет утверждать, что одним из эффективных средств речевого воздействия является использование противопоставления или контраста. Противопоставление может осуществляться в пределах одного предложения, нескольких предложений или абзацев. Например: *Serving as your First Lady is an honor and a privilege... but back when we first came together four years ago, I still had some concerns about this journey we'd begun. While I believed deeply in my husband's vision for this country... and I was certain he would make an extraordinary President... like any mother, I was worried about what it would mean for our girls if he got that chance.* В приведенном выше примере оратор подчеркивает, что для нее большая честь быть первой леди США, но с другой стороны это и большая ответственность и у нее было много опасений по этому поводу. И хотя она была абсолютно уве-

рена, что ее муж будет хорошим президентом, тем не менее, у нее были опасения по поводу судьбы их дочерей. Ее тревожило, какие изменения произойдут в их жизни в том случае, если их отец будет избран на этот пост. В данном случае, используя личный пример, оратор делится своими личными переживаниями с аудиторией и оказывает на слушателей имплицитное воздействие. Приведем еще один пример, в котором идет речь о реформах, предпринятых Б. Обамой в области здравоохранения и его отношении к этому вопросу: *He didn't care whether it was the easy thing to do politically – that's not how he was raised – he cared that it was the right thing to do.* Для Б.Обамы не имело значения, легко ли будет осуществить эту реформу на политическом уровне. Для него было более важно, насколько правильным было принятие этого решения.

Рассмотрим более подробно стилистические особенности анализируемых обращений. Было выявлено, что преобладающими стилистическими средствами являются анафора (*I have seen it in the incredible kindness and warmth that people have shown me and my family... // I've seen it in teachers in a near-bankrupt school district... // I've seen it in people who become heroes at a moment's notice*), лексический и синтаксический повтор (*That is what has made my story, and Barack's story, and so many other American stories possible // but today, I love my husband even more than I did four years ago...even more than I did 23 years ago, when we first met*). Особую ритмичность и благозвучность речи придают полисиндетон (*with patience and wisdom, and courage and grace // collection of struggles and hopes and dreams*) и аллитерация (*dignity and decency, how hard*). В обоих обращениях используется метафора (*doorway of opportunity // my dad was my rock // the current of history meets this new tide of hope // the thread that connects our hearts*), гипербола (*mountain of debt*), сравнение (*like so many of us*), риторический вопрос (*And isn't it the great American story?*), цитирование (*He talked about «The world as it is» and «The world as it should be»*) и прямая речь (*and I hear the determination in his voice as he tells me, «You won't believe what these folks are going through, Michelle... it's not right. We've got to keep working to fix this. We've got so much more to do»*).

Одной из особенностей стиля является использование союзов *but, and, so*, выражения *you see* в начале предложений, что придает речи разговорный характер. Особую экспрессивность речи придает использование контраста и перенос обстоятельства места в начало предложения, например: *And in my own life, in my own small way I've tried to give back to this country that has given me so much.* В речи часто используются незаконченные предложения и приложения, что придает выступле-

нию особый ритм и облегчает восприятие речи на слух: *So today, when the challenges we face start to seem overwhelming – or even impossible – let us never forget that doing the impossible is the history of this nation...it's who we are as Americans... it's how this country was built.*

Представляет особый интерес проследить использование грамматических времен для характеристики деятельности Барака Обамы. В ряде последовательно идущих друг за другом абзацев использованы следующие виды времен: прошедшее, настоящее совершенное, настоящее продолженное и будущее: *It's what he did // It's what he's done // That's why he's running // That's what Barack Obama will do as president of the United States of America.* Оратор сообщает о том, уже было сделано Барак Обамой, почему он баллотируется на пост президента и что ему предстоит проделать в случае победы на выборах. Далее доступно и доходчиво излагаются предвыборные обязательства Барака Обамы. Оратор заверяет аудиторию с помощью убедительных аргументов в том, что Барак Обама, консолидируя нацию, достигнет поставленных целей: *He'll achieve these goals the same way he always has – by bringing us together and reminding us how much we share and how alike we really are. You see, Barack doesn't care where you're from, or what your background is, or what party – if any – you belong to. That's not how he sees the world. He knows that thread that connects us – our belief in America's promise, our commitment to our children's future – is strong enough to hold us together as one nation even when we disagree.* Как следует из приведенного выше примера, для Барака Обамы не имеет особого значения происхождение или партийная принадлежность американцев. Несмотря на разногласия или противоречия, главное – достижение поставленных целей во имя будущего детей.

В заключительной части речи используется стратегия, выполняющая структурирующую функцию. Приводятся дополнительные примеры из личной жизни семьи Барака Обамы, в частности, подчеркивается, что Барак Обама является любящим мужем и отцом. В конце выступлений Мишель Обама еще раз напоминает о детях и их будущем и обращается к слушателям с призывом отдать свои голоса за Барака Обаму: *Let us stand together to elect Barack Obama president of the United States of America... // and we must once again come together and stand together for the man we can trust to keep moving this great country forward... my husband, our President, President Barack Obama // ... if I truly want to leave a better world for my daughters, and all our sons and daughters... if we want to give all our children a foundation for their dreams and opportunities worthy of their promise... and we must once again come together and stand together for the man we can trust to keep moving*

this great country forward... my husband, our President, President Barack Obama .Thank you, God bless you, and God bless America.

В приведенном выше примере адресант отождествляет себя с аудиторией, то есть адресант говорит от лица адресата. С этой целью используется тройной повтор конструкции *let us*; употребляются местоимения *we, our*, имеющие контактоустанавливающее значение и объединяющие оратора с аудиторией. В заключительных предложениях используется модальный глагол *must*, выражающий долженствование, с помощью которого избирателям напоминают об их долге принять участие в предстоящих выборах.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Определенную роль во время предвыборной кампании на пост президента страны играет его супруга и его семья. Совершенно неслучайно первая леди страны выступает в особо значимые исторические моменты с публичными обращениями. Как показывает анализ предвыборных обращений, они играют большую роль в оказании воздействия на электорат, на формирование общественного мнения. Известно, что над составлением таких обращений работают команды профессиональных спичрайтеров. Очевидно, что предвыборные публичные выступления представляют интерес для дальнейшего изучения, так как с их помощью можно лучше понять особенности менталитета и культуры народа, а также особенности личности и политической деятельности кандидата на пост президента той или иной страны.

Литература

- Демьянков В.З. Политическая наука // Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3.
- Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: Речевые жанры и речевые стратегии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Ковалева Е.И. Преемственность традиций классической риторики в американском публичном выступлении (на материале выступлений общественно-политических деятелей США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. М., Киев, 2001.
- Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (Очерк языка выборов) // Вестник Московского Университета. Серия 9. 1999. № 1.
- Чикилева Л.С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты. М., 2005.
- Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Уральского государственного педагогического университета. 2003. № 1.
- Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка в их функционировании. Саратов, 2000.
- Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. М., 2001.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. Москва, 2001.

Being President Doesn't Change Who You Are, It Reveals Who You Are. Address by Michelle Obama, First Lady, United States of America; delivered at the Democratic National Convention, Charlotte, N.C., Sept. 4, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vstod.com/Article.php?art_num=4938&utm_source=UA-874764-11&utm_medium=email&utm_campaign=The%20Office%20Professional

In Support of Presidential Candidate Barack Obama. Address by Michelle Obama, wife of Presidential Candidate Barack Obama. Denver, Colorado: August 25, 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=93963863>

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРЫ И СПОСОБЫ ЕЕ МАНИФЕСТАЦИИ В ТЕКСТЕ

Л.А. Козлова

Ключевые слова: метафора, когниция, этностиль коммуникации, область-источник, область-цель.

Keywords: metaphor, cognition, ethnostyle of communication, source domain, target domain.

Сегодня уже никто не оспаривает тезис о тесной взаимосвязи и взаимозависимости языка и культуры. Современного лингвиста интересует не только мир языка, то есть его внутреннее устройство, но и мир *в языке*, то есть то, как географическое положение, ландшафт, климат, основные виды деятельности нации, ее история, политическое устройство, психология, национальный характер, формирующие специфику мировидения и менталитет нации, находят свое отражение в языковых единицах всех уровней, начиная от фонетического и заканчивая уровнем текста. При этом национальная специфика, как отмечает В.З. Демьянков, свойственна не только процессам текстопорождения, но и процессам интерпретации текста [Демьянков, 2001]. Как показывают многочисленные исследования, различные виды дискурса также характеризуются национально-культурным своеобразием [Discourse across Languages and Cultures, 2004]. Эти вопросы находятся сегодня в центре внимания лингвокультурологии, этнолингвистики и т.н. культурологической лингвистики. Как отмечает Г. Палмер, культурологическая лингвистика представляет собой интегративную научную дисциплину, синтезирующую знания из области антропологической лингвистики, этносемантики, этнографии коммуникации и когнитивной лингвистики как новой парадигмы знания [Palmer, 1996, p. 4–5]. В основе подхода к анализу языковых

фактов в культурологическом ракурсе лежит понимание языка как вербальной репрезентации образов сознания, сформированных на основе чувственного опыта, полученного через все каналы чувственного восприятия посредством его концептуальной обработки, и образующих когнитивные модели, в которых и находит свое отражение специфика культуры.

Развитие когнитивной лингвистики способствовало более активному изучению национально-культурной специфики языковых единиц различных уровней. Говоря о междисциплинарной сущности когнитивной лингвистики, Р. Лангакер особо подчеркивает ее связь с культурой. Он отмечает, что, несмотря на то, что в центре внимания когнитивистов находятся ментальные процессы, когнитивная лингвистика может быть также охарактеризована как социальная, культурологическая и контекстуальная по своей сути. Ее культурологическая суть находит свое воплощение в новом подходе к пониманию семантики, поскольку в рамках когнитивной науки значение слова включает не только языковые знания, но и т.н. энциклопедические знания, то есть знания о мире, а они всегда «культурно окрашены», то есть несут на себе печать определенной культуры [Langacker, 1997, p. 240–241]. На значимость культурологического фактора в лингвистических исследованиях указывает и В.З. Демьянков, подчеркивая, что «даже сосредоточившись на чисто процедурных аспектах, лингвистам отвлечься от культурной обусловленности человеческой когниции невозможно: предметно исследовать язык и его употребление можно только в рамках конкретных культур» [Демьянков, 2013, с. 33].

В связи с общим интересом лингвистики к вопросам отражения национальной специфики мировидения в языке вполне естественным стал интерес к исследованию метафоры в аспекте ее национальной специфики. В последнее время появилось значительное число работ, посвященных выявлению универсального и культурно-специфического в метафоре [Boers, 2003; Deignan, 2003; Gibbs, 1997; Kövesces 2007 и др.], в которых на материале сопоставительного анализа разных языков и культур нашли освещение многие аспекты этой проблемы.

Как отмечает К. Бассо, именно в метафоре, более чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют свою неразрывную связь, и потому теория, которая исключает либо одно, либо другое, неизбежно наносит вред обоим [Basso, 1976]. Авторы вступительной статьи к сборнику материалов 5-й международной конференции, посвященной метафоре в когнитивной лингвистике, говоря о перспективах теории метафоры, подчеркивают,

что будущие теоретические проблемы в ее изучении неизбежно связаны с получением более обобщенных знаний о связи языка и культуры, получаемых на основе системного анализа языка [Steen, Gibbs, 1997, p. 6].

Данная статья посвящена исследованию национально-культурной специфики метафоры и способам ее манифестации в языке.

Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980], представившая основы концептуального анализа метафоры, положила начало своеобразному метафорическому буму, который продолжается уже более трех десятилетий. Метафора активно исследуется сегодня на материале разных языков, разных семиотических систем, разных видов дискурса.

Несмотря на значительное разнообразие материала и предмета исследований в области когнитивно-ориентированных работ по метафоре, их объединяет общность исходной концепции, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном – постулирование сущности метафоры как феномена, концептуального в своей основе, который может иметь не только языковую, но и иные формы репрезентации. Дальнейшим этапом в изучении когнитивной сущности метафоры стала ее трактовка с позиций концептуальной интеграции, позволяющая вскрыть ее динамический, он-лайнный, креативный характер [Fauconnier, Turner, 1999 и др. работы]. Рассмотрение метафоры как результата концептуальной интеграции двух ментальных пространств (источника и цели), приводящей к созданию новой эмерджентной области, интегрированного ментального пространства, сочетающего в себе признаки обоих пространств (т.н. бленда), значительно расширяет аппликативный потенциал данной теории, позволяя трактовать с позиций концептуальной интеграции некоторые грамматические и словообразовательные процессы, а также использоваться при анализе различных видов дискурса, поэзии, шуток и других феноменов [Turner, Fauconnier, 2003 и др. работы].

Перенос фокуса внимания от метафоры как стилистического средства, выполняющего экспрессивную и орнаментальную функции в речи, к ее когнитивной сущности значительно углубил и расширил область исследования процессов метафоризации. С одной стороны, это позволило перенести изучение метафоры на глубинный уровень, то есть на уровень сознания, показать ее когнитивные основания, и, прежде всего, роль чувственного опыта в концептуализации абстрактных сущностей. С другой стороны, тезис Лакоффа и Джонсона о том, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, расширил границы изучения данного явления. Изучение метафоры как переноса

наименования с одной сущности на другую, проводившееся со времен Аристотеля до наших дней, осуществлялось лишь в рамках языковых значений и не выходило за рамки «второй сигнальной системы», то есть языка. Понимание метафоры не только как фигуры речи, но, прежде всего, как когнитивного механизма, позволяющего осмысливать абстрактное в опоре на сформировавшийся опыт освоения конкретного, дало возможность рассматривать с этих же позиций не только языковые, но и иные виды метафор: паравербальные, художественные и, прежде всего, предметные, или артефактные. Этот тип метафор, по мнению Г.И. Берестнева, представляет собой важнейший культурный код, актуальный для разных эпох и культур, очевидно, появившийся раньше метафор языковых и игравший важную роль в концептуальном освоении человеком окружающего мира на доязыковой стадии развития человечества [Берестнев, 2008, с. 44].

Однако предметные метафоры и сегодня не потеряли своей значимости и часто употребляются наряду со словесными. Обращаясь к текстам, можно выделить значительное число примеров, описывающих то, как протекает процесс метафорического мышления при восприятии предметов и процессов, происходящих в реальной действительности. Обратимся к примерам: *Still my mother shouted for me to come. I remember her voice so clearly now. An-mei! An-mei! I could see my mother's face across the table. Between us stood the soup pot on its heavy chimney-pot stand – rocking slowly back and forth. And then with one shout this dark boiling soup spilled forward and fell all over my neck. It was as though everyone's anger were pouring all over me* [Аму Тан, 1989, р. 39].

В приведенном отрывке из автобиографической повести американской писательницы китайского происхождения Амии Тэн автор вспоминает о своем детском восприятии пролившейся на нее кастрюли с горячим супом как выражении гнева ее близких по отношению к ней. В тексте нет словесной метафоры как таковой, а есть лишь описание процесса метафорического восприятия события.

Baba wet his hair and combed it back. I helped him into a clean white shirt and knocked his tie for him, noting the two inches of empty space between the collar and Baba's neck. I thought of all the empty spaces Baba would leave behind when he was gone, and I made myself think of something else [Hosseini, 2003, p. 162].

В данном примере мы имеем возможность проследить процесс метафорического мышления персонажа: увидев пустое пространство между воротником рубашки и шеей умирающего отца, герой невольно проецирует его на ту пустоту, которую ему вскоре предстоит почувствовать после смерти отца.

Приведем еще один пример метафорического мышления, которое описано этим же автором. *The waiter placed a teacup on the table before me. When the table's legs crossed like an X, there was a ring of brass balls, each walnut-sized. One of the balls had come unscrewed. I stooped and tightened it. I wished I could fix my own life as easily* [Hosseini, 2003, p. 225]. Поправив ножки стола, герой сожалеет о том, что не может поправить так же легко собственную жизнь.

Что касается словесных метафор, то их изучение с позиций когнитивного подхода позволило показать общность когнитивных оснований таких стилистических приемов, как собственно метафора, метафорический эпитет, сравнение, символ и аллегория. Так, Г.И. Берестнев отмечает общность когнитивных механизмов создания метафоры и символа, которые, по его мнению, различаются лишь в плане их смысловой насыщенности [Берестнев, 2008, с. 51]. М. Флудерник, Д. Фримен и М. Фримен подчеркивают, что метафора и сравнение относятся к единой когнитивной категории и имеют различие лишь в их вербальной репрезентации [Fludernik, Freeman and Freeman, 1999, p. 385], состоящее в том, что в сравнении признак сходства, уподобления, лежащий в основе концептуальной интеграции, представлен эксплицитно, а в метафоре – имплицитно, что лишь подтверждает классическое определение метафоры как скрытого сравнения.

Как показывает анализ фактического материала, национально-культурная специфика метафоры может иметь различные формы манифестации в тексте. В первую очередь, немаловажное значение имеет такой фактор, как особенности этностиля коммуникации в плане его эмоциональной и экспрессивной насыщенности. Общеизвестно, что эмоции испытывают все, однако у каждого лингвокультурного сообщества существуют свои традиции и нормы в проявлении эмоций, что не может не находить своего отражения в языке и стиле. Так, например, коммуникативный стиль народов Ближнего Востока отличается повышенной степенью экспрессивности и эмоциональности, что кардинально отличает его от английского и американского коммуникативного стиля. Именно высокая степень эмоциональности и экспрессивности обуславливают высокую метафоричность восточных языков, на что указывают многие исследователи. Так, например, А. Рибани, этнический сириец, эмигрировавший в США в молодом возрасте и ставший бикультуралом, описывая различия между американским и сирийским коммуникативными стилями, отмечает, что представителям англоязычной культуры речь арабов кажется излишне высокопарной и эмоциональной, а арабы считают английскую речь слишком педантич-

ной и прозаичной, что нередко приводит к взаимному неудовольствию в общении. По мнению арабов, основной характеристикой речи должна быть поэзия, а не прозаическая точность (*Poetry, and not prosaic accuracy, must be the dominant feature of speech*). Давая характеристику ближневосточной речи, Рибани пишет: «*Just as the Oriental loves to flavour his food strongly and to dress in bright colours, so is he fond of metaphor, exaggeration and positiveness in speech*» («Подобно тому, как представитель Востока любит обильно приправлять свою пищу пряностями, одеваться в яркие цвета, свою речь он также любит приправлять метафорой, преувеличением и позитивность». Перевод мой. – Л.К.) (цит. по: [Wierzbicka, 2006, p. 27]). Поэтому естественно ожидать, что тексты представителей этих культур отличаются высокой степенью метафоричности, что соответствует нормам ближневосточного этно-стиля. Приведем несколько примеров из романа современного афганского писателя Халеда Хоссейни «Тысяча сияющих солнц», переведенного на многие языки мира, в том числе на русский. «*По словам Наны, когда это случилось, все семейство Джалиля раздулось от возмущения. Весь воздух в городе в себя всосали. В Герате прямо нечем стало дышать*» [Хоссейни, 2013, с. 15]. «*Мириам лежит, поджав колени, глядя на крутящиеся за окном снежинки. Нана как-то сказала ей, что каждая снежинка – это горестный вздох женщины. Вздохи поднимаются к небу, собираются в облака и тихо падают обратно на землю*» [Хоссейни, 2013, с. 103]. «*А ты ее зубы видел? Растут кривь и вкось. Прямо надгробия на старом кладбище*» [Хоссейни, 2013, с. 133]. «*Он мальчишка, и ему на свою репутацию, само собой, плевать. Но ты-то девушка. А репутация девушки, особенно такой красивой, как ты, дело тонкое. Представь, что у тебя в руке птичка-майна. Стоит чуть разжать кулак – раз – и улетела*» [Хоссейни, 2013, с. 173]. «*Получается, девочка для нее вроде кухонной утвари: захотел – задвинул в дальний угол, а захотел – вытащил на свет божий*» [Хоссейни, 2013, с. 175].

В целом роман отличается чрезвычайно высокой метафорической плотностью. И хотя он написан на английском языке и представлен здесь в русском переводе, образность мышления автора сохраняется в языке перевода. Также сохраняется национальная специфика некоторых образов сознания, послуживших в качестве сферы-источника метафоры (надгробия на старом кладбище, птичка-майна).

Вторым способом манифестации национально-культурной специфики сознания являются те образы сознания, которые служат в качестве сферы-источника метафоры, то есть те реалии культуры, которые запечатлены в образах сознания, значительная часть которых

имеет национально-культурную специфику. Мы уже отмечали этот факт, приводя примеры различий в образах сознания, служащих эталонами того или иного качества в разных лингвокультурных сообществах [Козлова, 2012, с. 31]. Так, эталоном синевы во многих культурах выступает небо или море, эталоном белизны – молоко или снег. Однако в лингвокультурных сообществах, где снег является редкостью, эталоном белизны может служить хлопок (например, в узбекском языке). Сравнение *drunk as a skunk* понятно представителям той культуры, которые имеют представление об этом животном.

Областью-источником для создания образных сравнений могут служить имена представителей флоры и фауны, температурно-климатические условия, культурные и религиозные атрибуты, предметы быта и другие реалии той или иной культуры. Приведем пример: *She looked a million dollars, I must admit, even if in well-used notes* [Carter, 1993, p. 202]. И даже если выражение «выглядеть на миллион» встречается сегодня в текстах современных российских и других авторов, то оно является заимствованием, наряду со многими другими вещами, из другой культуры.

Таким образом, особенности реалий конкретной культуры находят свое отражение в метафорических образах, тем самым манифестируя их национально-культурную специфику. Приведем примеры. Одним из новых словообразований в английском языке стало сложное слово *a McJob*, используемое для метафорической номинации стартовой, не требующей высокой квалификации и потому низкооплачиваемой и, как правило, временной работы. Данное образование, имеющее ярко выраженную национально-культурную специфику, представляет собой результат концептуальной интеграции двух ментальных областей: международной сети ресторанов быстрого питания и нестабильности в области занятости в условиях сегодняшнего экономического положения.

Другая метафора, областью-источником которой также является та же изначально американская, а сегодня почти универсальная реалья, используется сегодня для описания состояния современного образования. Социологи говорят сегодня о т.н. «макдональдизации» современного образования. Выступая на конференции выпускников программы Фулбрайта, проходившей в г. Ярославле в 2002 году, широко известный в либеральных кругах социолог Н.Е. Покровский использовал концепт *McDonald's* в качестве ключевой метафоры своего доклада. Характеризуя образование в современной России, он говорил о том, что основное требование к преподаванию в вузе формулируется следующим образом: знания должны подаваться в

хорошей упаковке, а пища (то есть материал) должна быть простой и легко усваиваемой. Остается лишь сожалеть о том, насколько точно эта метафора характеризует состояние сегодняшнего образования.

Приведем еще примеры подобных метафор с ярко выраженной национальной спецификой их сфер-источников. *Arrests in Dharavi are as common as pickpockets on the local train* [Swarup, 2005, p. 11]. Данный пример, в котором областью-источником сравнения (мы уже указывали выше на общность когнитивного механизма метафоры и сравнения), служит горькая реалья жизни Индии – большое количество краж в поездах, часто совершаемых детьми, что придает данному сравнению национальный колорит.

Подобно области-источнику, область-цель метафор также может отличаться национально-культурной спецификой, состоящей в том, что в разных культурах прослеживается различие в тех областях, которые наиболее часто служат объектами метафорического репрезентации. Так, французы славятся своей любовью к хорошему вину и пище. Английский писатель Питер Мейл отмечает, что французы говорят о еде с такой же страстью, как представители других культур говорят о спорте или политике. Характеризуя французский язык, он называет его *'the language of gastronomy'* [Mayle, 1999, p. 10]. Цитируя своего французского знакомого, он пишет: *«The religion of the French is food. And wine, of course»* [Mayle, 1991, p. 16, 22]. Подчеркивая свое превосходство перед англичанами в области искусства кулинарии, французы говорят, что англичане убивают ягненка дважды: первый раз, когда его режут, а второй, когда его готовят *«the English kill their lamb twice; once when they slaughter it and once when they cook it»* [Mayle, 1991, p. 17].

Французская кухня – предмет особой любви и национальной гордости французов, а потому эта тематическая область во французском языке часто используется как в качестве сферы-источника, так и в качестве сферы-цели метафорических номинаций. Так, П. Мейл отмечает, что в меню французского ресторана можно встретить не только названия блюд, но и целые оды, посвященные такому национальному блюду, как, например, лягушачьи лапки, которое при этом носит метафорическое название «королева наших тарелок» (*the Queen of our plates*) [Mayle 2002, p. 58]. Говоря о низком качестве китайских вин, француз сравнил их с рисом-сырцом, процеженным через носок, причем не очень чистый (*...like a paddy field strained through a sock. And not a very clean sock, either*) [Mayle 1999, p. 184–185]. Особое отношение французов к пище находит свое выражение и в том, что они часто персонифицируют ее. Так, разглядывая томаты в супермаркете и

пытаясь уточнить страну-производителя, француженка формулирует свой вопрос следующим образом: «*Why hasn't the country of their birth been written on the sign?*» [Mayle, 1999, p. 14]. Высказывая свое неодобрение по поводу заимствования во французскую культуру американского праздника *Halloween*, француз говорит, что : «...*mutilated pumpkins could only mean one thing... another nail in the cultural coffin*» [Mayle. 1999, p. 16]. (*изуродованные тыквы могут означать только одно: еще один гвоздь в гроб (традиционной) культуры*). Хорошо известен и тот факт, что романтические отношения имеют не менее важное значение во французской культуре, чем еда, что позволяет характеризовать французский язык не только как '*the language of gastronomy*', но и как '*the language of romance*' [Deutscher, 2010, p. 2]. Этот факт находит свое языковое воплощение в том, что гастрономические изыски нередко описываются языком романтических отношений, в таких терминах, как '*passionate*', '*love at first sight*', '*lasting love affair*' и т.д.

Нередко одни и те же реалии внешнего мира могут иметь разное наполнение в разных культурах, что обуславливает национальную специфику создаваемых на их основе образов сознания. Так, например, образ реки, прочно закрепившийся в русскоязычной картине мира, ассоциируется, прежде всего, с Волгой, с ее мощью и красотой (ср. «красавица народная, как море, полноводная, широка, глубока, сильна»), с пароходами, а также, если брать историческое прошлое, знакомое из книг и картин, с бурлаками и их стонами. Сопоставим данный образ с описанием другой реки в другой части света – Индии: «*I walk along a winding dusty road, and suddenly I see a river. It is yellowish green and muddy. Its receding water level is a pointer to the fact that the monsoons have still not arrived. Pieces of driftwood and plastic debris float on its eddying currents. In another place I would have traced its meandering route with my eyes, bent down to see its high-water mark on the bank, craned to catch a glimpse of a dead body floating on its surface. But not here, not now*» [Swarup, 2005, p. 276].

Именно с этим фактором связан третий способ кодирования культурной информации в семантике лексических единиц, заключающийся в наличии в их значении т.н. «культурной коннотации», под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Многочисленные примеры социокультурных коннотаций, содержащихся в зоонимах и цветообозначениях, анализируются в [Тер-Минасова, 2007, с. 148–163]. Приведем лишь один пример. Медведь в русской культуре служит

эталонем неуклюжести (ср. «медвежья услуга»), а в американской и британской – агрессивности. *The bear is back* – это расхожая фраза в сегодняшнем политическом дискурсе США, означающая, с точки зрения некоторых американских политологов, что Россия вновь представляет угрозу на современной политической арене. Образ России как дикого зверя присутствует и в глагольной метафоре *to tame*, которая связана посредством метафорической аттракции с ключевой метафорой *Russia is a wild bear*. В подзаголовке к статье, посвященной В. Путину, который был выбран журналом Time человеком 2007 года, журналист пишет: «An interview – and dinner – with the man who **tamed** Russia» (*Time, December 31, 2007 – January 7, 2008*). Различия в коннотации данного образа в русскоязычном и англоязычном сознании были подчеркнуты В. Путиным во время недавнего выступления на Валдайском форуме.

Подчеркивая опасность незнания культурных коннотаций в межкультурной коммуникации, которое может привести к непониманию и даже конфликту, С.Г. Тер-Минасова прибегает к метафоре оружия и говорит о том, что культурные коннотации представляют собой изысканный вид оружия (из выступления на конференции в Томском государственном университете в 2006 году).

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что именно в метафоре более чем в какой-либо другой форме символического выражения язык и культура демонстрируют свою неразрывную связь, что позволяет говорить о национально-культурной специфике метафоры, имеющей различные способы манифестации. Национально-культурная специфика метафоры находит свое отражение в разной степени эмоциональной и экспрессивной насыщенности коммуникативных стилей в разных культурах, обуславливающей метафорическую насыщенность текстов, в выборе объектов метафорического описания, в специфике образов сознания, служащих в качестве сферы-источника метафор в разных культурах, а также в наличии т.н. культурных коннотаций в именах одних и тех же реалий в разных языках, что следует учитывать в межкультурной коммуникации, а также при переводе.

Литература

Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиознтические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

- Демьянков В.З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1.
- Козлова Л.А. Когнитивные факторы, обуславливающие сочетание универсального и культурно-специфического в метафоре // Когнитивные исследования языка. М., Тамбов, 2013. Вып. XV.
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и культурологический аспекты. М., 1996.
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2007.
- Discourse across Languages and Cultures. Edited by C.L. Moder and A. Martinovic-Zic. Amsterdam, Philadelphia, 2004.
- Basso K. «'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory» // Meaning in Anthropology. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976.
- Boers Fr. (ed.) Applied linguistics: prospectives on cross-cultural variation in conceptual metaphors // Metaphor and Symbol. 2003. № 18(4).
- Deignan A. Metaphorical expressions and culture: An indirect link // Metaphor and Symbol. 2003. № 18(4).
- Deutscher G. Through the Language Glass. Why the World Looks Different in Other Languages. London, 2010.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. № 22.
- Fludernik M., Freeman D.C., Freeman M.H. Metaphor and Beyond: An Introduction // Poetics Today. 1999. Vol. 20.3
- Gibbs R.W. Taking metaphor out of our heads and putting in into the cultural world // Metaphor in Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, July 1997. Amsterdam, Philadelphia 1997.
- Kövecses Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation. Cambridge University Press, 2007.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Langacker R.W. The Conceptual Basis of Cognitive Semantics // Language and Conceptualization. Cambridge University Press, 1997.
- Palmer G. Towards a Theory of Cultural Linguistics. Austin, 1996.
- Steen G., Gibbs R. Introduction // Metaphor in Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, July 1997. Amsterdam, Philadelphia 1997.
- Turner M., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity // Poetics Today. 1999. Vol. 20.3.
- Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford University Press, 2006.

Список источников

- Хоссейни Х. Тысяча сияющих солнц. Перевод с англ. С. Соколова. М., 2013.
- Carter A. Wise Children. London, 1993.
- Hosseini Kh. The Kite Runner. N.Y., 2003.
- Mayle P. A Year in Provence. London, 1991.
- Mayle P. Encore Provence. London, 1999.
- Mayle P. French Lessons. London, 2002.
- Swarup V. Slumdog Millionaire. London, 2005.
- Tan A. The Joy Luck Club. N.Y., 1989.
- Time. December 31, 2007; January 7, 2008.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

О.А. Никитина

Ключевые слова: словотворчество, лингвокреативность, языковая личность, неологизм.

Keywords: word creation, linguistic creativity, language personality, neologism.

Понятие лингвокреативности прочно вошло в понятийный репертуар современной филологии и лингвистики. В филологии проявление языковой креативности традиционно активно изучается в рамках лингвопоэтики (М.М. Бахтин, В.П. Григорьев, Ю.М. Лотман). В лингвистике понятие лингвокреативности получило развитие в концепции Н. Хомского, согласно которой языковая способность представляет собой повседневный творческий процесс порождения языковых форм, создаваемых или интерпретируемых говорящими впервые. Концепция Н. Хомского была творчески переработана и расширена в современной когнитивной лингвистике, исследующей сложные проблемы творческого конструирования, созидания и интерпретации мира посредством языка (Дж. Тэйлор, Л. Тэлми, Е.С. Кубрякова), в частности проблемы метафоризации как свойства обыденного лингвокреативного мышления (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и концептуальной интеграции в процессе порождения новых значений слов (Ж. Фоконье, М. Тернер, В.И. Заботкина, О.К. Ирисханова).

В исследовании неологизации словарного состава языка понятие лингвокреативности языковой личности является одним из центральных. Под лингвокреативностью понимается «не только создание нового продукта – текста или слова, которых “никогда не было”, но и нетривиальный выбор одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта» [Ирисханова, 2009, с. 161]. Языковая личность определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)», то есть как личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [Караулов, 1987, с. 240]. Выбор язы-

---

¹ Научное исследование проведено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект №1706

ковой личности в уникальных и постоянно меняющихся условиях коммуникации в пользу той или иной языковой единицы – имеющейся или же вновь создаваемой – носит большей частью эвристический, интуитивный, а значит, лингвокреативный характер. Пространство языковой креативности обнаруживается, таким образом, в разных видах лингвокреативной деятельности языковой личности – как в способности к реализации лингвокреативной идеи в коммуникативных целях путем использования уже готовых единиц языка, так и в словотворчестве, то есть в создании новых единиц языка.

Процесс словотворчества представляет собой уникальное явление языковой личности. Еще Л.В. Щерба подчеркивал, что язык как система, существующая как данность для каждого носителя языка и языкового коллектива в целом, «имеет богатые средства для выражения любого дерзания мысли, любых ее нюансов, вплоть до самых тонких – только надо уметь найти эти средства. Они не даны в готовом виде: готовы только шаблоны» [Щерба, 1957, с. 131]. В процессе словотворчества языковая личность выступает не как потребитель языка, черпая из ресурсов языковой системы для создания речевых произведений уже готовые средства номинации, а как преобразователь языка, создавая на базе ресурсов языковой системы новое слово или словоупотребление и тем самым превращаясь в языкового творца. В данной работе на примерах немецких неологизмов конца XX века – начала XXI века рассматриваются два вида словотворчества как проявления лингвокреативности современной немецкой языковой личности: индивидуальное и коллаборативное словотворчество.

Под индивидуальным словотворчеством понимается процесс порождения новых слов и сочетаний, обусловленный конкретной коммуникативной ситуацией, коммуникативным заданием. Е.С. Кубрякова отмечает, что «собственно номинативный аспект высказывания не сводим к простому лексическому заполнению конструкции: он носит творческий характер отнюдь не потому, что представляет собой действительно поиск слова. <...> Процедура, которую в психолингвистике недифференциально называют поиском слова, являет собой не столько выбор единицы из числа существующих, сколько – в целях оптимального решения задачи – творческий акт создания новой единицы номинации» [Кубрякова, 1984, с. 16]. Конструирование номинации путем критического рассмотрения и «отбрасывания» вариантов продиктовано условиями и установками коммуникации, ролью говорящего как участника коммуникативного акта в достижении цели общения, предполагаемыми функциями номинации и т.п. Коллаборативное словотворчество – это особый вид лингвокреативности, ставший актуальным

для немецкоязычного социума именно на рубеже XX–XXI веков. Под коллаборативным словотворчеством понимается целенаправленное создание новых слов в рамках совместных проектов, реализуемых в обществе под эгидой филологических объединений в соответствии с «социальным заказом» и целями языковой политики.

Актуальность проводимого исследования определяется интенсификацией словотворческих процессов в немецком языке на рубеже XX–XXI веков. Материалом исследования послужили данные первого большого словаря неологизмов немецкого языка [Herberg, Kinne, Steffens, 2004; Steffens, al-Wadi, 2013], описывающего на базе корпусов электронных текстов новые лексические единицы, появившиеся в начале 90-х годов XX века и вошедшие в общенародный немецкий язык, а также данные коллаборативных проектов «Индекс англицизмов» [A1a, URL; A1b, URL] филологического общества Verein Deutsche Sprache и «Акция “Живой немецкий язык”» [ALD, URL] филологического фонда Stiftung Deutsche Sprache.

1. Индивидуальное словотворчество

Анализ данных корпусов электронных текстов, известных под общим названием «Немецкий справочный корпус» (Deutsches Referenzkorpus) [DeReKo, URL], с помощью аналитической системы [Cosmas II, URL] позволяет в ряде случаев с высокой степенью точности отследить момент появления нового слова и время его вхождения в общее употребление. Однако установить однозначное индивидуальное авторство в проанализированном материале (более 2000 новых слов) оказалось возможным менее чем для 5% неологизмов. Большей частью выявить конкретных авторов удалось для слов, которые впервые появились в художественных и научно-популярных произведениях и затем распространились в немецком коммуникативном сообществе. Так, например, новое слово *Bore-out* – «синдром хронической скуки», ‘угнетенное психическое состояние сотрудника в связи с неостребованностью и недостаточной загруженностью на работе’, стало коммуникативно значимым в марте 2007 года после выхода в свет книги швейцарских авторов Ф. Ротлина и П. Вердера под названием «Diagnose Bore-out: Warum Unterforderung im Job krank macht». Другим примером может послужить устойчивое сочетание *Generation Golf* – «поколение Гольф», ‘поколение людей, рожденных в 1965-75 годы, отличающихся меркантильностью, эгоизмом и аполитичностью’. Создателем выражения считается Ф. Иллиес, автор книги «Generation Golf. Eine Inspektion», вышедшей в Берлине в 2000 году. Компонент *Golf* указывает при этом на популярную в семидесятые годы модель автомобиля среднего класса компании «Фольксваген». Отметим, что эти неологиз-

мы стали общеупотребительными, с одной стороны, из-за популярности произведений, в которых они впервые появились, с другой стороны, из-за актуальности тем этих произведений в конкретный временной период и коммуникативной релевантности номинируемых авторами явлений в немецкоязычном социуме.

Однозначное авторство можно установить также для ряда слов и устойчивых сочетаний, создаваемых учеными и специалистами для номинации достижений в разных областях науки, экономики, культуры. Хотя эти слова имеют конкретных авторов, они изначально обладали потенциалом закрепиться в языке, так как создавались для номинации новых коммуникативно значимых явлений в немецкоязычном социуме. Например, создателем выражения *atmende Fabrik* – букв. «дышащая фабрика», ‘фабрика, на которой продолжительность рабочего времени устанавливается в зависимости от фактической ситуации с производственным заказом’, считается Ф. Пиех, до 2002 года председатель правления компании Volkswagen.

Кроме того, в качестве создателей слов в исследуемый период часто выступают журналисты, сценаристы, артисты разговорного жанра – то есть все те, кто в той или иной мере имеет дело с коммуникацией и воздействием на общественное мнение посредством собственной словотворческой активности. Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Слово *Dumpfbacke* ‘ограниченный, примитивный человек’ стало популярным благодаря американскому сериалу «Eine schrecklich nette Familie», транслируемому в переводе на немецком телеканале RTL в первой половине 90-х годов XX века. Автор слова, сценарист Г.-П. Кауфман, объясняет создание номинации необходимостью синхронизировать немецкую речь персонажа с движениями губ американской актрисы: «Der Kosenamen entstand nach der simpelsten und zugleich schwierigsten Regel der Synchronisation: Die Mundbewegungen der Schauspieler müssen mit den übersetzten Wörtern übereinstimmen» [Bundyology, URL]. Другим примером является слово *Warmduscher* ‘слабый, трусливый мужчина’, создателем которого считается комментатор и шоумен Г. Шмидт. В 1998 году в одном из телевизионных репортажей в ходе Чемпионата мира по футболу он использовал слово *Warmduscher* – букв. «тот, кто принимает теплый душ» для характеристики немецких футболистов Л. Матеуса и Ю. Клинсмана, показавших слабую игру. Это высказывание Г. Шмидта футболисты сочли оскорбительным, что стало поводом для судебной тяжбы. Новое слово, однако, стремительно приобрело популярность и вошло в обиход. Более того, по аналогии в первом десятилетии XXI века в немецком языке появилось

более 2000¹ окказиональных синонимичных новообразований, образованных по одной и той же словообразовательной модели (например, *Abba-Hörer, ABS-Bremser, Gesundheitsball-Hocker, Heizdecken-Lieger, Im-Bett-Frühstücker, Ist-Was-Frager, Kaffee-Puster, Kino-Weiner, Nur-ein-Bier-Trinker, Parkhaus-Parker, Regenschirm-Mitnehmer, Schlafmasken-Träger* и пр.). Вероятно, наличие у нового слова в качестве автора и/или популяризатора сильной языковой личности, пользующейся авторитетом и популярностью в социуме, а также собственной истории возникновения, своеобразной «родословной», можно рассматривать как одну из потенций распространения и закрепления нового слова в языке.

2. Коллаборативное словотворчество

Одним из важных факторов, обуславливающих активизацию лингвокреативной деятельности в современном немецкоязычном социуме, является «социальный заказ», определяемый задачами языковой политики в современном немецкоязычном социуме. Как известно, одной из специфических черт развития словарного состава современного немецкого языка является значительное увеличение числа лексических заимствований из английского языка на рубеже XX–XXI вв. Постоянный приток англицизмов в немецкий язык вызывает озабоченность филологов и филологически заинтересованной общественности и заставляет Германию и другие немецкоязычные государства пересматривать прежнюю языковую политику. При обсуждении вопроса о том, как можно ограничить влияние английского языка, немецкие филологи нередко ссылаются на пример французской языковой политики, проводимой специальной комиссией по созданию французских слов-замен для англоязычных заимствований, причем решения комиссии имеют обязательный характер [Jansen, 2005]. В Германии законов о языке не существует², однако с конца 90-х годов большую активность проявляют филологические общества, как, например, Verein Deutsche Sprache» с проектом «Anglizismenindex» [A1a, URL; A1b, URL] или Stiftung Deutsche Sprache с проектом «Aktion “Lebendiges Deutsch”» [ALD, URL].

¹ Количественные данные взяты с интернет-сайта Warmduscher-ABC [электронный ресурс]. URL: www.warmduscher-abc.ch

² В конце 2010 года рассматривался вопрос о необходимости принятия специального закона о немецком языке, что активно освещалось в СМИ. См. подробнее: Deutsch ins Grundgesetz? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6201686,00.html>; Warum Deutsch ins Grundgesetz soll [электронный ресурс]. URL: <http://www.stern.de/politik/deutschland/glosse-warum-deutsch-ins-grundgesetz-soll-647838.html>; Deutsch ins Grundgesetz [электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/cdu-vorstoss-aergert-merkel-deutsch-ins-grundgesetz-1.372377>

Основную задачу Verein Deutsche Sprache видит в сохранении самобытности немецкого языка за счет сдерживания англоамериканского влияния путем целенаправленного языкового планирования [Leitlinien, 2001, с. 234]. Члены филологического сообщества считают, что слова и выражения из англоамериканской культурной среды имеют право использоваться в немецком языке только в том случае, если они удовлетворяют как минимум двум из трех следующих условий: а) в немецком языке невозможно найти или образовать подходящее (даже если более длинное) слово или выражение; б) речь идет об интернационализме; в) употребление заимствованного слова или выражения не влечет за собой существенных фонематических или грамматических перестроек в системе немецкого языка [Leitlinien, 2001, с. 226]. Англицизмы, не удовлетворяющие этим критериям, необходимо заменять собственно немецкими словами.

По мнению члена филологического объединения Р. Погареля, существует несколько способов «онемечивания» заимствованных слов: внешняя (звуковая и графическая) и внутренняя (морфологическая) адаптация заимствованных слов к системе немецкого языка; активизация устаревших, вышедших из употребления слов и выражений; собственно индивидуальное или коллаборативное словотворчество [Pogarell, 1998, с. 29-30]. Наиболее действенным способом создания немецких слов, замещающих англоязычные заимствования, является в настоящее время коллаборативное словотворчество. Совместные интернет-проекты по созданию слов-субститутов для англицизмов реализуются, как правило, на интернет-сайтах филологических объединений. Каждый заинтересованный пользователь может добавить свой вариант слова-замены к тому или иному англицизму или проголосовать за уже предложенный вариант. Автор номинации остается, тем не менее, анонимным, что позволяет говорить именно о совместном, коллаборативном словотворчестве.

Одним из основных результатов коллаборативной словотворческой деятельности по созданию слов-субститутов стало издание словаря «Wörterbuch überflüssiger Anglizismen» [WÜA, 2004], документирующего «избыточные» англицизмы в современном немецком языке. В словник словаря включены все те англоязычные заимствования, которые, по мнению разработчиков словаря, засоряют немецкий язык и могут быть легко заменены уже существующими или вновь созданными с помощью немецкого языкового материала соответствиями. При этом предложены замены не только для непосредственных лексических заимствований (например, *Coffee-to-go* – *Kaffee zum Mitnehmen*, *Feedback* – *Rückmeldung*, *Globetrotter* – *Weltenbummler*), но и также для

немецких новообразований с участием англоязычных основ (например, *abgespaced/ abgespact – weltfremd, verlinken – verknüpfen*).

Материал вышеуказанного словаря положен в основу обновляемого онлайн-списка англоязычных заимствований «Индекс англицизмов» [Aib, URL]. Его разработчики ставят перед собой задачу выявлять «избыточные» англоязычные слова и выражения уже на начальной стадии их появления в немецком языке и совместными усилиями пользователей предлагать адекватные немецкие слова-замены, препятствуя тем самым дальнейшему распространению англицизмов и их закреплению в немецком языке. Для каждого англоязычного заимствования предлагается несколько немецкоязычных новообразований, из которых путем голосования отбираются наиболее удачные. «Индекс англицизмов» существует, таким образом, как коллаборативный словотворческий проект, позволяющий каждому пользователю предложить свой вариант замены к заимствованному английскому слову.

При сопоставлении новых заимствованных слов, зарегистрированных в словаре неологизмов немецкого языка [Herberg, Kinne, Steffens, 2004; Steffens, al-Wadi, 2013], с лексическим материалом в «Индексе англицизмов» [Aib, URL] обнаруживается целый ряд лексических единиц, которые, по мнению составителей «Индекса англицизмов», необходимо заменить новообразованными немецкими словами. Так, слова-замены предложены для более чем 80% англицизмов, зарегистрированных в словаре неологизмов немецкого языка. Для образования слов-субститутов привлекается уже имеющийся словарный материал, используются традиционные словообразовательные способы и средства немецкого языка. Новые лексические единицы, призванные заменить англицизмы, создаются в первую очередь путем словосложения, гораздо реже – посредством словопроизводства, конверсии или аббревиации, например: *Afterworkparty – Feierabendfete, Anchorman – Schlüsselfigur, Anti-Aging – Alternshemmung, Attachment – Dateinhang, Basejumping – Objektspringen, Biopic – Filmbiographie, Blog – Netzstagebuch, Bluetooth – Blaufunk, Call-in – Einwählendung, Mitmachsendung, Reinrufsendung, Carjacking – Autoraub, Casemanager – Patientenbetreuer, Casualwear – Freizeitkleidung, Catwalk – Laufsteg, Couchsurfing – Gastfreundschaftsnetzwerk, Energydrink – Energiegetränk, Extensions – Haarverlängerung* и др. Этот ряд примеров можно продолжить. Уместно вспомнить в этой связи высказывание Л.В. Щербы: «<...> языковая сокровищница является неистощимым запасом для всякого новотворчества в области языка. <...> Сокровищница эта полна всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов. <...> Но она имеет в виде этих самых шаблонов и богатый запас материалов для новотворчества,

для выражения новых мыслей и новых чувств. <...> Если мы отвергнем эту сокровищницу, то нам или придется обращаться к варягам, т. е. заимствовать слова и образы из других языков, или вернуться в первобытное состояние и начинать накопление с самого начала» [Щерба, 1957, с. 134].

Интерес представляет и тот факт, что при создании слов-заменителей сторонники языкового планирования призывают исходить не из покомпонентного перевода англицизма, а из его семантики: «Wichtig ist bei solchen Zusammensetzungen, dass *von einer wörtlichen Übersetzung abgesehen wird*. ... Man muss oft einfach nur nachfragen, welcher Gegenstand, Vorgang oder Sachverhalt mit dem englischen Ausdruck gemeint ist, um zu einer schnellen Zusammensetzung zu kommen» [Pogarell, 1998, с. 67-68] (курсив наш. – О.Н.). Причиной замены англицизма с одновременным изменением его внутренней формы может быть, по замыслу составителей «Индекса англицизмов», более четкая мотивация. Так, например, нем. *Luftkissen (букв. «воздушная подушка») в качестве замены англ. *airbag* отвергается, а предлагается слово *Prallkissen* (букв. «[упругая] подушка, о которую ударяются [в случае аварии]»), которое якобы однозначно указывает на назначение предмета. Кроме того, отмечается, что и мотивация английского *airbag* не совсем корректна, поскольку подушка надувается не воздухом, а азотом. Ср. также другие подобные примеры: *Homepage – Begrüßungsseite, Vorstellungseite; Multitasking – Parallelarbeit; windsurfen – brettsegeln, stehsegeln; Workshop – Werkstatt, Arbeitskreis* [WÜA, 2004].

Однако, как показывают наблюдения над языковым материалом, новообразованным словам, созданным посредством целенаправленного коллаборативного словотворчества, лишь в редких случаях удается стать полноправными фактами немецкого языка. Чаще всего им удается закрепиться как синонимам к уже функционирующим англицизмам. Проиллюстрируем это на конкретном примере. Англицизм *Public Viewing* появился в немецком языке в июне 2006 года во время Чемпионата мира по футболу, проходившего в Германии. Слово означает ‘совместный массовый просмотр на широкоформатном экране телетрансляции крупного (спортивного) события’, например: «Und am Mittwoch, wenn Klinsmanns Buben in Dortmund gegen die weiß-roten Polen antreten, werden sich fröhliche junge Menschen beim “*Public Viewing*.., wie *das gemeinsame Fernsehschauen* inzwischen heißt, in schwarz-rot-goldene Stoffbahnen wickeln <...>» [DeReKo: Nürnberger Nachrichten, 13.06.2006, URL]. Вскоре после заимствования данного слова в СМИ и Интернете появились многочисленные критические отзывы. По мнению журналистов и интернет-пользователей, слово *Public Viewing* означает в американском

варианте английского языка процедуру публичного прощания с усопшим. Это делает использование слова в немецком языке некорректным и характеризует заимствование как своего рода межъязыковой *faux pas*, ср.: «In der Tat denkt in Amerika keiner an eine Leinwand auf dem Marktplatz, wenn er vom “*Public Viewing*” spricht. Amerikaner denken an berühmte Leute, die nach ihrem Tod öffentlich, etwa in einer Kirche, aufgebahrt werden oder an die Großmutter, der Freunde in der guten Stube die letzte Ehre erweisen. “*Public Viewing*” ist also in der englischen Sprache die Leichenschau. Und da wir nicht hoffen, dass die Europameisterschaft zum deutschen Trauerspiel wird, sollten wir das “*Public Viewing*” beerdigen und statt dessen die “Schau-Arena” öffnen, wie es die Aktion “Lebendiges Deutsch” vorschlägt» [DeReKo: Braunschweiger Zeitung, 28.05.2008, URL]. В приведенной цитате журналист призывает заменить заимствованное слово новообразованием *Schau-Arena*, предложенным в рамках коллаборативного проекта «Акция “Живой немецкий язык”» [ALD, URL]. Среди прочих вариантов замены предлагались также новообразования *Fußballkino*, *Großbildübertragung* и *Schauarena*. В 2008 году по итогам теле- и радиоголосования в качестве альтернативы англицизму *Public Viewing* было выбрано новообразованное немецкое слово *Rudelgucken*. По своей структуре новообразование представляет собой субстантивацию словосочетания (*im*) *Rudel gucken* – букв. «глазеть толпой». Главный редактор издательства Duden М. Вермке поддержал выбор виртуальной аудитории: «Das ist eine schöne Wortbildung, die vor Selbstironie geradezu strotzt. Sie beschreibt auch schön die gute Stimmung, die beim 'Rudelgucken' während der WM 2006 überall geherrscht hat» [“Rudelgucken”, URL]. В настоящее время оба слова зарегистрированы в толковом словаре Duden [DUW, 2011]. В отличие от стилистически нейтрального англицизма *Public Viewing*, слово *Rudelgucken* носит изначально шуточный характер. Однако во втором десятилетии XXI века намечается тенденция к утрате шуточной окраски. Согласно данным корпусов электронных текстов слово *Rudelgucken* используется чаще в разговорной форме языка, в то время как сферой употребления заимствования *Public Viewing* остается преимущественно официальное общение. Часто оба слова используются совместно в одном контексте как равнозначные синонимы, например: «Das *Public Viewing* lockt zum Champions-League-Finale Zehntausende an. Im Internet wurden Tickets für das *Rudelgucken* auf der Theresienwiese und in der Münchner Arena für bis zu 90 Euro angeboten» [DeReKo: Nürnberger Nachrichten, 22.05.2013, URL].

Для того чтобы стать «действующими», новые слова-субституты должны быть освоены членами языкового коллектива. Чем большая целевая аудитория вовлекается в процесс коллаборативного словотворче-

ства, чем у большего количества носителей языка возникает ощущение причастности к созданию нового слова, тем больше у него (слова) шансов на распространение и закрепление в языке. Иначе говоря, должна состояться интериоризация результатов коллаборативного словотворчества. Распространению немецких слов-субститутов способствует их активная популяризация в СМИ и Интернете, обладающих большим потенциалом в формировании норм современного словоупотребления, а также в метаязыковых дискурсах, обеспечивающих сенсбилизацию немецкоязычного социума к проблемам заимствования. Для непосредственного введения и закрепления немецкого новообразования наиболее действенным является, по-видимому, его употребление в узком контексте с англоязычным заимствованием.

Целенаправленное коллаборативное словотворчество обусловлено, прежде всего, рефлексией носителей немецкого языка по поводу усиленного влияния английского языка и осознанием необходимости адекватного противодействия экспансии англицизмов посредством создания собственно немецких слов-субститутов. Но также в современном немецком обществе имеет место коллаборативное словотворчество и другого типа. В интерактивной интернет-среде возникают, как правило, в рекламных целях, довольно интересные по своему содержанию проекты совместного словотворчества, вовлекающие в этот процесс заинтересованную аудиторию. Одним из примеров такого коллаборативного словотворчества стала широкомасштабная интернет-акция, осуществленная в 1999 году совместно издательством Duden и концерном Unilever, владельцем торговой марки чая и напитков Lipton. Целью стало создание нового слова с изначально заданным значением – ‘не испытывающий жажды, напившийся вдоволь’. В общей сложности поступило более сорока тысяч предложений, рассмотренных специальным жюри издательства Duden. По итогам голосования победителем стало слово *sitt* по ряду причин. Во-первых, оно было предложено одновременно несколькими участниками независимо друг от друга. Во-вторых, данное слово представляет собой аналогическое новообразование к уже существующему в немецком языке фонетически созвучному и содержательно близкому слову *satt* ‘сытый, наевшийся’. В-третьих, слово *sitt* обладает специфической внутренней формой – оно образовано от латинского сочетания *sitim sidare* – ‘утолять жажду’. Все это позволяло участникам проекта и профессиональному жюри во главе с главным редактором издательства Duden М. Вермке строить оптимистичные прогнозы по дальнейшей судьбе слова в немецком языке. Однако, как показывают наблюдения над практикой современного немецкого языкового употребления, слово *sitt*, как и другие подобные ему искусственные новообразования, оста-

лось «мертвым препаратом», поскольку не было порождено реальной коммуникативной потребностью немецкоязычного социума. Все это еще раз подтверждает мысль о том, что главной движущей силой неологизации во всех языках и на всех этапах развития является ответ на социальный запрос. Словотворчество как проявление лингвокреативности языковой личности может быть как индивидуальным, так и коллаборативным, однако в язык не входит ничего, что не было бы коммуникативно востребовано и санкционировано согласием данной лингвокультурной общности.

Литература

- Ирисханова О.К. О понятии лингвокреативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. М., 2009. Вып. 5.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1984. № 4.
- Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М., 1957.
- Ala. Der Anglizismenindex. Hg. von G.H. Junker. Paderborn, 2005.
- Alb. Der Anglizismenindex. [Электронный ресурс]. URL: www.vds-ev.de/index
- ALD. Aktion «Lebendiges Deutsch». [Электронный ресурс]. URL: www.aktionlebendigesdeutsch.de
- Bundyology. Married with Children. [Электронный ресурс]. URL: www.bundyology.com/deutsch/kaufmann.html
- Cosmas II. Corpus Search, Management and Analysis System. [Электронный ресурс]. URL: www.ids-mannheim.de/cosmas2
- DeReKo. Deutsches Referenzkorpus. [Электронный ресурс]. URL: www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora
- DUW. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Hg. v. d. Dudenredaktion. 7., überarb. Aufl. Mannheim u. a., 2011.
- Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Berlin, New York, 2004.
- Jansen S. Sprachliches Lehngut im *world wide web*. Neologismen in der französischen und spanischen Internetterminologie. Tübingen, 2005.
- Leitlinien // Zabel H. Denglisch, nein danke! Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache. Paderborn, 2001.
- Pogarell R. «Sitzung» oder «Meeting»? Historische und aktuelle Fragestellungen zur Sprachreinigung in Deutschland // Schröder M. (Hg.): Beiträge zur Betriebslinguistik. Paderborn, 1998. Bd. 2.
- «Rudelgucken» als bestes Synonym für "Public Viewing" // Digitalfernsehen. [Электронный ресурс]. URL: www.digitalfernsehen.de/Rudelgucken-als-bestes-Synonym-fuer-Public-Viewing.news_329465.0.html
- Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010. Mannheim, 2013.
- WÜA. Wörterbuch überflüssiger Anglizismen. Hg. von R. Bartsch, R. Pogarell und M. Schröder. Paderborn, 2004.

ПОЭТИКА РУДАКИ

Ф.Б. Бобоев

Ключевые слова: литература на фарси, «Тафсир» и «История» ат-Табари, любовная, пейзажная и дидактическая поэзия Рудаки, мифологема возлюбленной, совмещение новых мотивов и идей, Рудаки и художественность слова.

Keywords: literature in Farsi, at-Tabari's *Tafsir* and *History*, Rudaki's love, landscape, and didactic poetry, mythologem of a beloved woman, new ideas and motifs combining, Rudaki and artistic word.

В X веке внешнее благоденствие арабского Халифата было бесспорным, царил мир, завоевательные войны приостановились, мятежи и перевороты, сопровождавшие смену халифов и династий в VII-IX веках, прекратились. Был найден новый порядок поддержания теократической власти: каждый правитель, принимая правление, с одобрения религиозно-политической аристократии выбирал себе молодого соправителя, который потом становился его преемником. А перемещение центра общественной жизни в X веке с запада в восточные провинции Ираншахра имело не только важное последствие для возрождения иранской государственности исламского модерна, но, самое главное, – для научно-культурной мысли и новой литературной линии.

Огромная заслуга в создании фундамента, на котором возникла классическая персидская литература, равно как и в зарождении феномена Рудаки, принадлежит авторам арабских прозаических сочинений, чье творчество включало многогранную тематику. Последняя находила отражение в исторических и мифологических сказаниях о персидских царях и включала отрывки на фарси.

Важно отметить, что ранняя проза на фарси, представленная, главным образом, комментированным переводом Корана и исторического свода Табари, получила развитие после смерти Рудаки. Прозаическое сочинение «История пророков и царей» [История, 2003], охватывающее всеобщую историю от сотворения мира до 302 (915) года и представляющее первый образец летописи в мусульманской литературе, пользовалось заслуженной славой среди средневековых авторов. Главное преимущество этого памятника – наличие огромного объема различных сведений о каждом событии с последовательным указанием цепочки имен авторитетных сказителей (*иснад*). Теперь, когда иранским ученым Мухаммадом Роушаном издан научно-критический текст

древнейших списков персидской версии «Истории Табари» [История, 1999], можно установить, что некоторые известия относительно древней истории и культуры Персии, якобы прибавленные при осуществлении перевода, зафиксированы именно в арабском оригинале. Табари, автор персидского происхождения, пользующийся большим авторитетом в научных кругах столицы Халифата, имел доступ к различным источникам, из которых черпал мифологические, исторические, богословско-повествовательные, аллегорические, нравственно-поучительные прозаические мотивы и сюжеты. Будучи незаурядным знатоком и комментатором коранических аятов и хадисов, он в изобилии цитировал их в своем сочинении на родном языке. Эти сведения не могли остаться незамеченными «Адамом поэтов» Абу Абдуллахом Рудаки.

Поэт знал наизусть Коран, изучал первоисточники и труды арабских авторов в подлиннике, но область литературного восприятия была для него ограничена сферой родного языка. Перенесение занимательного материала Корана на комментированную прозу послужило толчком к сознанию нового жанра в рамках изящной поэзии. При этом в творчестве Рудаки проявляется как уважительное отношение к ценностям новой религии, так и повышенный интерес к возвышению национальных традиций, а «сопоставление одной религии с другой делается только для применения научного сравнительного метода, чтобы яснее представить сущность верования и той идеи, на которой оно основано» [Бартольд, 1966, с. 182]. Прозаические произведения на религиозно-историческую тему с переходом на живые национальные языки становятся объектом бесчисленных поэтических переложений и подражаний, задают поэтической среде нужную интонацию.

Городская культура Бухары и Самарканда проявляла редкую восприимчивость к синтезу передовых идей разных народов и, мастерски переработав «их в качественно новой форме и содержании, выработала литературный язык» [Гафуров, 1985, с. 449]. Поэзия на новоперсидском языке уверенно соперничала с арабской поэзией, позже став образцом для всех народов мусульманского Востока. При дворе саманидских правителей сложилась национальная поэтическая школа, где причудливо смешались культурные арабские, греко-византийские, индийские и тюркские традиции, расцвел своеобразный феномен средневековой культуры.

В атмосфере придворной литературы нашла выражение любовная поэзия. В ходе развития новой литературы происходило смещение от социального к доминирующему моральному направлению. Поэзия на любовные темы вобрала в себя к тому же сатирический, дидактический

и политический элементы. Она была тесно связана с той новой трактовкой любви, которая утвердилась в ареале распространения средневековой мусульманской культуры. В контексте самой арабской поэзии того времени «поездки по пустыне, верблюды, плач над остатками кочевья и прочие атрибуты кочевой жизни бедуина стали нелепыми уже в начале багдадского периода халифата и повторялись только в силу инерции» [Бертельс, 1935, с. 27]. Образный строй любовной лирики вбирал в себя религиозную символику. Религиозность любовной поэзии оказалась также благоприятной и для возникновения литературного движения в неарабской среде. Важным источником сюжетов и мотивов продолжал оставаться Коран. Стихотворные упражнения на коранические темы писали очень многие поэты. Столкновение античных и коранических традиций открывало простор для самых разнообразных поэтических экспериментов. Тематика поэзии Рудаки придает «аллегорическому толкованию Корана огромное значение» [Бертельс, 1958, с. 77] и остается глубоко религиозной.

Лирическую поэзию Рудаки можно сгруппировать по трем основным направлениям – любовные, пейзажные и дидактические.

В любовных стихах поэта персонажи четко делятся на положительные и отрицательные: те, кто помогает героям, добры и благородны, а те, кто злоумышляет против них, совершенные злодеи. Если описательная часть *«васф»* в арабской поэзии была связана со спецификой бедуинской племенной жизни, то в творчестве Рудаки застольные радости и любовные приключения изображены на фоне живописной природы родного края. Поэт стремится создать образ живой, земной женщины как эталона идеальной красоты. Такой образ в дальнейшем начал доминировать во всей персидско-таджикской средневековой лирике. Поэт наделяет свою возлюбленную следующими качествами: *«нигор, сияхчаши, дилбар, сарв-и баланд, ма'шук, турк-и камарбаста, нигарин, ашик-и дилдада, дилбарак-и ман»* (красавица, черноокая, овладевшая сердцем, высокий кипарис, любимая, опоясанная турчанка, красotka, даровавшая сердце, возлюбленная моя). Опираясь на древний фольклор иранских народов, Рудаки создает мифологему *«лоларух»* (*lolarukh*) – *«тюльпаноцветкая»*, женщина-цветок.

*May hast u diram hast-u rukh-i lolarukhe hast,
Gham nest v-agar hast, nasib-i dil-i a'dost*
[Диван..., 2008, с. 21].

Вот вино и звонкая монета и личико краснощекое,
Нет печали, а если есть, то пусть она достанется врагам.
(Здесь и далее перевод мой. – Ф.Б.).

*Agar gul orad bor on rukhon-i u, na shigift,
Haroyina chu hame may khurad, ghul orad bor.
Ba zulf kazh, valekin ba qadd-u qomat rost,
Ba tan durust, vale ba chashmakon bemor*
[Диван..., 2008, с. 61].

Не удивлюсь, если ее щеки расцветут как цветы,
Поистине, когда она пьет вино, появляются цветы.
Завитки ее курчавые, но стан стройный,
Телом здорова она, но больна глазами.

Страдание от подчеркнутой холодности возлюбленной и от ее кокетливой скромности охватывает возлюбленного, позволяя ему раскрыть многообразие собственной души. Поэзия Рудаки приобрела многослойность и многозначность, «основанная на сложных аллегориях и персонификациях» [Грюнебаум, 1988, с. 81] любовной тематики, в терминах которой описывались любовные чувства и взаимоотношения поэта и женщины.

*Shukuft lola, tu zeghol bishkufon, ki hame
Ba davri lola ba kaf barnihoda beh zeghol*
[Диван..., 2008, с. 198].

Расцвел тюльпан, принеси кувшин с вином, ибо
Ходить вокруг тюльпана лучше с чашей на ладони.

*Ba navbahoron bisitoy abr-i giryonro,
Ki az giristan-i ust in zamin khandon*
[Диван..., 2008, с. 206].

Воспой плачущую тучу ранней весной,
Ведь благодаря ее слезам смеется земля.

*Moh-i tamom ast rukh-i dilbarak-i man,
V-az du gul-i surkh andar u pergola*
[Диван..., 2008, с. 210].

Моей милой возлюбленной лицо – полнолуние,
На ее щеках лепестки двух тюльпанов.

Любимая женщина превращается в поэтическую аллегория женственности, в символ почти религиозного характера. Поэт описывает любовь как «сладостную болезнь» [Жуковский, 1900, с. 6], как некое наваждение, как нечто внезапное и необъяснимое.

*Goh giryon-u gah binolad zor,
Bomdodon-u ruz to shabgir,
On zabonovar-u zabanash ne,*

*Khabar-i oshiqon kunad tafsir.
Goh devonaro kunad hushyor,
Gah ba hushyor barnihad zanjir* [Диван..., 2008, с. 75].

То плачет, то он жалобно стонет
С утра и днем до темноты.
Он говорит, но не безъязыко,
Повествует сказ о возлюбленных.
То будит сумасшедшего,
То заковывает в цепи пробудившегося.

Это был уже новый подход к осмыслению и поэтическому воплощению коранических образов и понятий; «божественное» наделялось живыми человеческими качествами, и тем самым как бы обожествлялось человеческое начало. Если «голос Рудаки звучит, прежде всего, как голос нового человека, то причину этого следует искать в том, что он черпал свое вдохновение из вечно живой стихии народного творчества» [Бертельс, 1960, с. 136]. Поэтический канон обогащается новыми кораническими идеями. Новые образы служат для поэта средством сближения человеческого и божественного. На эти черты поэтики Рудаки указывал академик В.В. Бартольд: «Он находил, что нет смысла обращать лицо к Каабе, когда сердце влечет к языческим святыням; надо удовольствоваться общей для всех вероучений любовью к Богу: «Наш Бог принимает от тебя волнение любви, а намаза не принимает» [Бартольд, 1966, с. 178]. Эти идеи изложены в следующих стихотворных отрывках поэта:

*Ruy ba mehrob nihodan chi sud,
Dil ba Bukhoro wu butoni Taroz.
Ezad-i mo vasvasa-i oshiqi,
Az tu pazirad, napazirad namoz*
[Диван, 2008, с. 80].

Какая польза от обращения лица к михрабу,
Если сердце влечет в Бухару и к красавицам Тараза.
Наш Господь приемлет страсть любви,
А не молитвы твои приемлет.

*Makki ba Ka'ba fakhr kunad, misriyon ba Nil,
Tarso ba usquf-u alawi b-iftikhor-i jad.
Fakhr-i rahi bad-on du siyah chashmakon-i tust,
K-omad padid zer-i niqob az bar-i du khad*
[Диван..., 2008, с. 49].

Мекканец гордится Каабой, египтяне Нилом,

Христианин – епископом, алавит гордится предками.
А гордость грешника – твои черные очи,
Показавшиеся из-под вуали две щеки.

Рудаки с поэтической тонкостью описывает реальные радости и горести любви, жаркий трепет объятий и печаль разлуки, особенно вынужденной разлуки с возлюбленной:

*Nama jamol-i tu binam, chu dida boz kunam,
Nama tanam dil gardad, ki bo tu roz kunam.
Harom doram bo digaron sukhan guftan,
Kujo hadis-i tu oyad, sukhan daroz kunam*
[Диван..., 2008, с. 92].

Твою красоту вижу всюду, лишь открою глаза,
Сердцем становится все тело, когда хочу признаться тебе.
Отказываюсь от общения со всеми другими,
Но как только речь заходит о тебе, то я многословен.

Человек всегда рождается чистым и совершенным, и лишь затем в несовершенном и грешном мире он погружается в грехи и преступления, растлевает свою первоначальную сущность, и может спастись, упоая только на Бога (dust – друг).

*Az dust ba har chiz charo boyad-t ozard,
K-in ishq chunin boshad: gah shodi wu gah dard...
U khashm hamegirad, tu uzr hamekhhoh,
Har ruz ba naw yor-i digar menatavon kard*
[Диван..., 2008, с. 42].

Нельзя держать обиду на друга из-за всякой мелочи,
Такова эта любовь со всеми печальями и радостями.
Он гневается на тебя, но ты прощения проси,
Ибо нельзя каждый день находит нового друга.

В этой двуплановости, взаимопроникновении земного и мистического в любовной поэзии – секрет поэтического обаяния Рудаки, которому «принадлежит секрет мудрецов Хорасана» [Диван..., 2008, с. 177]. Рудаки обычно не обращался к религиозным мотивам, мистическим образам, цитированию коранических стихов. В своих стихах он противопоставляет Любовь и Разум, опираясь на фольклорную традицию, живое восприятие природы, ощущения радостей жизни. Используя ресурсы новоперсидского языка, Рудаки смело соревновался с возможностями арабского языка и тем самым заложил перспективу для фарси, определив ему достойное место в

толковании Божьего Слова. Эта программная задача четко сформулирована в следующем стихотворном фрагменте поэта:

*Chaman-i aqlro khazoni, agar
Gulshan-i ishqro bahor tuyi.
Ishqro man payambaram, lekin
Husnro ofaridgor tuyi* [Диван..., 2008, с. 132].

Для сада разума – ты осень,
Весна – для цветника любви.
Если любовь зовет меня пророком, –
Творцом любви себя зови.

Рудаки впервые в новоперсидской литературе сделал природу объектом поэзии. Он показал человека и его духовный мир как частицу живой природы. Неповторимые картины живой, вечно обновляющейся природы поэт нарисовал в своих весенних стихах – «*bahariyu*», где ярко выражено все лучшее, что было создано поэзией предшествующих эпох в описании величественной красоты природы.

*Gul digar rah ba guliston omad,
Vora-i bogh-u buston omad.
Vor-i ozar guzasht-u shu 'la-i on
Shu 'la-i lolaro zamon omad* [Диван..., 2008, с. 44].

Вновь вернулся цветок в сад,
Настал черед сада и цветника.
Время огня и пламени прошло,
Тюльпана пламени настало время.

Любовь эта была поначалу радостной и просветленной, как весна нежная и сияющая. Тема пробуждающейся природы сопрягается с мотивом молодой торжествующей любви и ее преобразующей магической силы. Описание весеннего утра, щебета птиц, шелеста листвы становится символом и обозначением психологической ситуации, а не только и не столько картиной пробуждающейся природы. Символический и ситуационный смысл приобретали в лирике цветы и деревья, животные и птицы, страны света и часы дня. На этом условном красочном фоне появлялись еще более условные фигуры Юности и Старости, Любви и Желания, Надежды и Скорби, Доброты и Зависти, разные аллегорические хитросплетения.

Наследие поэта еще раз указывает на то, что «тема человеческих пороков была, и, увы, останется одной из актуальнейших тем в художественном творчестве писателей и поэтов всех народов и всех поколений» [Мардони, 2006, с. 69]. В мусульманской литературе

господствовали традиционные темы, сюжеты и образы, которые оставляли, казалось бы, мало места для самовыражения поэта. Однако почитатели поэзии Рудаки ждали не столько нового и неожиданного, сколько знакомого и привычного. Он смог найти удачное соотношение привычного и нового. Но подвергнутые литературной обработке, лирика любви и разума, наземно-поэтическое описание райской природы родного края «с помощью испытанного оружия аллегорической дидактики» [Иностранцев, 1909, с. 25] переплетаются и взаимно обогащаются независимо друг от друга в новоперсидском единстве. В рамках описания весны поэт не только говорит об омоложении природы материального мира, но и намекает на непостоянство земной жизни, ее изменчивость и бренность, готовность рода человеческого к превратностям судьбы:

*Omad bahor-i khurram bo rang-u buy-i tyib,
Bo sad hazor nuzhat-u oroyish-i ajib.
Shoyad ki mard-i pir bad-in gah shavad javon,
Geti badil yoft shabob az payi mashib...
Soqi guzin sabza wu may khur ba bong-i zer,
K-az kisht sor nolad-u az bogh andalib.
Harchand navbahor-i jahon ast ba chashm khub,
Didar-i khoja khubtar, on mehtar-i hasib*
[Диван..., 2008, с. 13].

Цветущая весна пришла полная благовониями,
С сотней тысяч радостей и удивительных украшений.
Вдруг может ли старец стать молодым?!
А после старости мир юность обретет ли взамен?
Выбери виночерпия, пей вино под мелодию «зир»,
Ибо с полей доносится пение скворца, из сада – трель соловья.
Хотя оживление мира прекрасно в глазах,
Но лицезренья досточтимого Господа еще прекраснее.

Дидактико-назидательная персидская литература (*andarz*) вошла в мусульманскую культуру как переводы на арабский. Многие из этих памятников, обретая вторую жизнь в переработанном виде, стали одним из источников мирового письменного басенного творчества. Основу исламского кодекса морального поведения составляют мотивы в виде поучительных сентенций (*hikma*) и афористичных притч (*masal*). Многочисленные коранические эпизоды повествовательного и притчевого характера (*qisas va masal*) вошли в важнейший жанр назидательной литературы «адаб», также в нем «заимствовалось все лучшее из

книги поучений, притч и наставлений покоренных народов» [Бобоев, 2007, с. 331].

В сфере поведенческих норм, понимания мудрости и нравственного величия Рудаки также являлся поэтом-новатором. В дидактических мотивах поэта ярко выражено религиозно-национальное самосознание. Свои афоризмы и поучения он называет наставлениями (*pand*) или мудрыми наставлениями (*pand-i azadvar*):

Zamona pande ozodvor dod maro
Zamona, chun nigari, sar ba sar hama pand ast
[Диван..., 2008, с. 25].

Времена дали мне мудрое наставление,
А если присмотреться поглубже,
то времена полны наставлений.

Совершенство стиха и высокая дидактика Рудаки более ярко проявляется в его касыдах «О старости» и «Мать вина».

Автобиографическая касыда - это не печальная повесть о старости, а гимн молодости, вечной красоты и радости жизни. Именно эта контрастность, внутренняя противоречивость, мгновенные переходы от упоения молодостью и радостных воспоминаний к скорби и безнадёжности составляют суть трагического оптимизма Рудаки. Поэт сознательно использует контрасты в описаниях места действия, построения образа, в переживаниях героя. Но в этих контрастах, как мы видим, нет противоречия, различные проявления жизни внешней и жизни внутренней не отрицают друг друга, а сливаются в многостороннем и многоплановом единстве. Мастерство владения языком зачастую сводится не столько к словесной изощренности, сколько к простоте выражения и доступности понимания. Противопоставление поэтического мотива «юности» и «старости» принимается поэтом как нормальный процесс развития каждого индивида, усовершенствования и обновления общества:

Kunun zamona digar gasht-u man digar gashtam,
Aso biyor, ki vaqt-i aso wu anbon bud
[Диван..., 2008, с. 36].

Ныне изменились времена, и сам я изменился,
Дай посох: с посохом, с сумой должны брести седые.

В блестящем образце жанра касыды «Мать вина», кроме искусных поэтических фигур панегирика, важна этическая сторона: гуманистические афоризмы о разуме и человечности. Между

панегирическими строками появляются мысли о справедливости и человеколюбии:

*Inak madhe, chunon ki toqat-i man bud
Lafz hama khub-u ham ba ma 'ni oson*
[Диван..., 2008, с. 108].

Вот восхваление согласно моим силам
И все слова красивы и смысл легко понятен.

Рудаки, как зачинатель, стоящий у истоков дидактического направления в новоперсидской литературе, также создал восемь дидактических поэм – месневи. Названия двух из них известны: «Солнцеворот» – поэтическое изложение «Синдбад-наме», нравоучительного произведения о женской хитрости; «Калила и Димна» – поэтическое переложение одноименного пехлевийского произведения, сохранившегося на арабском языке» [Нафиси, 1992, с. 76]. До недавнего времени из этого корпуса поэм был известен лишь один байт:

*Har ki n-omukht az guzasht-i ruzgor,
Niz n-omuzad zi hej omuzgor* [Диван..., 2008, с. 227].

Тех, кто, прожив, от жизни не научится уму,
Никакой учитель в мире не научит ничему.

В последние десятилетия обнаруживаются все новые отрывки его дидактических поэм на страницах различных рукописей. Последняя находка принадлежит таджикскому ученому-текстологу Саиднуриддину Шахобуддинову. В контексте одной рукописи комментария к Корану неизвестного автора под номером 1394 в Фонде восточных рукописей Академии наук Республики Таджикистан он обнаруживал следующую кит'а Рудаки:

*Sukhan ovardam-u shamsher-u qalam nawruzi,
To ba dastat buvado moya-i har piruzi.
Ba sukhan may ba zabon bosh-u ba shamsher birez
Khun-i a'do, ba tavqe'-i qalam deh ruzi*
[Диван..., 2008, с. 165].

Я принес для Науруза слово, меч и перо,
Чтобы в твоих руках они были основой победы.
Словом будь как вино в языке и мечом проливай
Кровь врагов, а пропитание дай печатью пера.

Этот стих является доказательством того, что Рудаки прекрасно знал доисламские предания и традиции иранских народов и мастерски описывал некоторые атрибуты придворного празднования Науруза. По

таким отрывкам можно убедиться в умении Рудаки одновременно воспринимать новые мотивы и использовать старое в блестящем новом колорите, переработать жанровые формы и довести их на своем национальном материале до совершенства.

Ba ando namudand vakhshurro

Bidid on saropo hama nurro [Диван..., 2008, с. 112].

Во сне показали ему Пророка,

И увидел он того полным сияния.

Показательно, что Рудаки использует образы, взятые из повседневной жизни. О ком бы ни писал, поэт всегда открывает новую грань обыкновенной человеческой личности. В его стихах много свежих мотивов и идей, простых по форме и остроумных по содержанию. Самую верную оценку творчества Рудаки дал в свое время выдающийся современник поэта Шахид Балхи, писавший на фарси и по-арабски стихи глубокого философского содержания:

Ba sukhan monad she 'r-i shu 'aro,

Rudakiro sukhane tilv-i Nubost [Поэты..., 1999, с. 35].

Стихи поэтов подобны [обычным] словам,

А слова Рудаки схожи со стихами Корана.

Таким образом, гениальность Рудаки – основоположника таджикско-персидской литературы – заключается в том, что он, отказавшись от арабского языка, стал творить на современном ему родном языке, чем приблизил литературу к народу. Если переводы «Тафсира» и «Истории» ат-Табари послужили мощным средством укрепления позиции и расширения роли языка фарси в мусульманской культуре, то поэзия Рудаки выполнила эту уникальную миссию в области художественного слова.

Литература

- Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. М., 1966. Т. 6.
Бертельс Е. Персидская поэзия в Бухаре (X век). М.-Л., 1935.
Бертельс Е.С. Рудаки и карматы // Рудаки и его эпоха. Сталинабад, 1958.
Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
Бобоев Ф. Три рубашки Иосифа // Рудаки: традиции и современность. Душанбе, 2007.
Гафуров Б.Г. Исторические связи Средней Азии со странами Арабского Востока. Изб. труды. М., 1985.
Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории (600-1258). М., 1988.
Диван поэзии Рудаки. Душанбе, 2008.

- Иностранцев К.А. Персидская литературная традиция в первые века ислама. СПб., 1909.
- История Табари: в 6-ти тт. Бейрут, 2003.
- История Табари: персидский перевод, приписываемый Бал'ами (Та'рихнамэ-и Табари: гарданида-и мансуб ба Бал'ами): в 5-ти тт. Тегеран, 1999.
- Жуковский В.А. К истории персидской литературы при Саманидах // ЗВОРАО, СПб., 1900. Т. XII, Вып. 1.
- Мардони Т. Поэзия Ибн Сина на арабском языке. Душанбе, 2006.
- Нафиси С. Жизнь и творчество Абуабдуллах Джа'фар ибн Мухаммада Рудаки Самарканди. Тегеран, 1371. Т. 1.
- Поэты эпохи Саманидов. Душанбе, 1999.

**«ЛИТЕРАТУРНОСТЬ» В ТЕКСТЕ ИСТОРИКА:
СИБИРСКИЕ ТРАВЕЛОГИ XIX ВЕКА
И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (СЛУЧАЙ
П.И. НЕБОЛЬСИНА)**

К.В. Анисимов

Ключевые слова: П.И. Небольсин, национализм, травелог, литературность, мотив, интертекстуальность.

Keywords: P.I. Nebol'sin, nationalism, travelogue, literariness, motif, intertextuality.

Проезжавший весной 1890 года по Сибири на Сахалин А.П. Чехов пронизательно увязал историческое освоение громадных территорий русского Востока с успехами национальной литературы, которая на момент его путешествия пока еще не могла похвастаться своей популярностью в крае. Уже на Урале Чехов отметил, что «в здешних краях» о Мамине-Сибиряке «говорят больше, чем о Толстом» [Чехов, 2009, с. 71], то есть «локальное» было, на взгляд писателя, популярнее «общерусского». На Амуре отчужденность повествователя от местной среды, а ее, в свою очередь, – от русской культуры достигла своего предела. «...Во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами» [Чехов, 1978, с. 42].

Впрочем, если развитие культурного потенциала отдаленного региона и казалось неопределенным по своему содержанию, а также проблематичным как таковое (в очерках «Из Сибири» Чехов сокрушенно заметил: *«спрос на искусство здесь большой, но Бог не дает художников»* [Чехов, 1978, с. 14]), то в принципе ничто не мешало самой национальной словесности, дислоцированной согласно логике протекавших в России социальных процессов почти исключительно в столицах, «вообразить» восточные окраины государства при помощи уже наработанного словаря «своих» мотивов и сюжетов. Сибирские «Патагония» и «Техас» могли интегрироваться в единое русское пространство не только через риторику политических деклараций и/или череду военных и экономических свершений, но также благодаря художественному языку – когда особую роль начинал играть перенос топики формирующейся классической традиции на историко-культурные реалии в прошлом колониального мира, а в настоящем – активно осваиваемой национальной периферии. В этом смысле читатель мог столкнуться с актом своего рода переименования: переносясь из привычного хронотопа в отдаленную географическую обстановку, тот или иной известный «русский» сюжет делал эту обстановку, ее правила, условия, бытовые декорации знакомыми. Далекое и чужое становилось близким и своим благодаря узнаванию, в котором медирующую роль играл литературный интертекст. Данную тенденцию можно противопоставить другой стратегии в геокультурном мире русской литературы XIX века. Проанализировавшие ее Ю.М. Лотман и В.И. Тюпа показали существенное семиотическое усиление концепта сибирской периферии, ассоциативно и функционально увязывавшейся с сюжетом об инициации, временном пребывании героя в подземном мире каторги, претерпеванием там ритуальных мук – залога грядущего «воскресения» [Лотман, 1997, с. 723–725; Тюпа, 2002]. Номинативный аспект этого сюжета проявился, в частности, в приведенном Ю.М. Лотманом примере того, как даже ссылка в деревню в Костромскую губернию могла именоваться представителем декабристской эпохи «сибирской» [Лотман, 1988, с. 173]. Сам факт такого рода репрессии был тривиален ввиду частотности, но вот наименование локуса наказания – отчетливо неординарным и культурно значимым. Название определяло функцию места и наоборот: назначение локуса опознавалось по его имени.

Однако безотносительно к литературному мифотворчеству идеологическим мейнстримом XIX века была территориальная интеграция земель империи в рамках гомогенизирующего национального дискурса [Ремнев, 2004]. Важную роль в этом процессе играли траве-

логи, стоящие как жанр на границе художественной беллетристики и наукообразной non-fiction. И если наукообразие этих текстов соприкасалось скорее с экзотизацией (сибирские климат, природа, общество, в котором не было дворянской усадьбы и крепостного мужика, характеризовались существенным своеобразием), то литературно-беллетристический инструментарий призван был сыграть прямо противоположную роль: дать читателю возможность установить сходство со знакомой ему Россией, *узнать* знакомое в далеком и незнакомом. То, что эрудированный русский человек не знает собственного Отечества, расположенного за пределами столиц, стало публицистическим лейтмотивом еще во времена Белинского, побуждавшего писателей создавать «физиологии» разных территориальных и социальных миров [Одинокое, 1990, с. 173-174].

Частным моментом этого буквального информационного вакуума было отсутствие путеводителей по России – аналогов распространенных на Западе печатных guides. Лакуна была крайне значима: небольшие книжки путеводителей были словно «свернутой» формой травелога; они прямо восходили к древнейшим видам жанра – периплам, периэгесам, итинерариям, соотносились с отечественными путниками, дорожниками и скасками. На это затруднение жалуются как иностранные, так и русские путешественники. Создавший масштабный рассказ о зоологической экспедиции по Сибири в 1876 году О. Финш сетовал, что немецких ученых весьма обременял излишний запас продовольствия, который они брали с собой ввиду, как им казалось, отсутствия приличных станционных трактиров. Последние, впрочем, встречались регулярно, однако прочесть о них было негде: «нет книг-путеводителей (вроде путеводителя по Норвегии Беннета), в которых было бы на это указано и обращено особенное внимание» [Финш, 1882, с. 9]. До Финша о том же писал герой этой небольшой заметки П.И. Небольсин (1817-1893), русский историк, путешественник и весьма самобытный исследователь Сибири. Выехав в Барнаул из Петербурга и встретившись в почтовом экипаже с опытным в вояжах спутником, он услышал от него раздраженную сентенцию: оказывается, не описаны даже близлежащие к столицам местности. «Помилуйте! Кто описал? и где? У нас нет ни одного “Guide”, а что и писано, так тоже под сомнением. Нет, я положил себе не верить ничему, кроме собственных наблюдений» [Небольсин, 1849, т. 63, № 4, с. 220]. На фоне провалов в описании даже окружавших столицы местностей Сибирь представлялась настоящей terra incognita.

Предваряя анализ принадлежащих перу П.И. Небольсина сочинений, скажем несколько слов о самой повествовательной стратегии,

ориентирующей читателя на процесс узнавания. Авторы XIX века здесь, конечно же, не были первооткрывателями. Они лишь модифицировали ту установку, которая повсеместно встречается в европейских записках о путешествиях в далекие земли, одной из которых было Московское государство, ставшее с XVI века постоянным предметом словесных и живописных воспроизведений многими европейскими писателями. Так, в глазах Николая Спафария, находившегося на русской службе и отправленного в 1675 году с дипломатической миссией в Китай, сибирская тайга превратилась в Эркинский лес («по-еллински “Эркиниос или”, а по-латински “Эрциниос силва”, се есть, Эркинский лес»), драгоценные собольи шкуры – в золотое руно, а Уральский хребет – в Гиперборейские горы [Спафарий, 1960, с. 40; 116; 37]. Характерной чертой таких атрибуций является невосприимчивость автора, в тексте которого они появляются, к «голосу» самой среды, несомненно располагавшей своими именами для этих реалий. Сочинитель, выступавший здесь от лица некоего общеевропейского массива знаний, представал в роли посредника, соединяющего старые книжные сведения с объектами еще «не названного» природного мира. Если рассуждать в духе М. Фуко, перед нами феномен, предшествующий открытиям рационального мышления, заменившего системой нейтральных классифицирующих признаков поиск похожестей и символических соответствий, присущий архаическим формам производства знания [Фуко, 1994, с. 85-90]. Идеальным ресурсом для поиска соответствий была классика греко-римских землеописаний: наблюдаемые реалии представляли их «эхом».

Любопытно, что словно через голову рациональной эпохи, предложившей иной тип каталогизации неизвестных эмпирических единиц – таблицу, таксономию, схему, – установка на узнавание завила о себе в беллетристических разделах травелога XIX века, в котором вместо образцов античной географии читателю предлагалось «опознать» известные ему сюжеты национальной литературной классики. Обратимся к примерам.

Интеллектуальное и эстетическое «открытие» Сибири происходило у Небольсина в рамках двух жанровых и повествовательных стратегий – художественных зарисовок собственного путешествия [Небольсин, 1849] и научных штудий о походе Ермака [Небольсин, 1849a]. Эта соотнесенность – дискурсивная и хронологическая (оба текста датируются 1849 годом) – представляется далеко не случайной. Небольсин руководствовался и обязательной в контексте натуральной школы рациональной посылкой устранить невежество чита-

ющей публики относительно восточных окраин государства¹, и романтическим стремлением к экзотике. При этом, будучи уже весьма далеким от образцов сентиментализма, достижения русской словесности этой эпохи он, несомненно, учитывал: общие призывы быть в рассуждениях «ближе» «к природе» и «откинуть немецкие теории» [Небольсин, 1849а, с. 71] подкреплены заметной связью с Радищевым как на идеологическом, так и на сюжетном² уровнях его писаний (не говоря уже о том, что первая часть маршрута – это буквальное повторение радищевского путешествия из Петербурга в Москву).

В.М. Живов недавно показал, насколько важна была для историко-политических целей социальной и территориальной интеграции чуждая, казалось бы, всякой идеологии сентиментальная поэтика [Живов, 2008]. По мысли ученого, сентиментализм в высшей степени отвечал требованиям национальной консолидации: исторически обусловленные различия образовательных и культурных бэкграундов (последствия форсированной модернизации петровской эпохи) преодолевались общностью сердечных порывов, разрушавших искусственные иерархии [Живов, 2008, с. 119; 122]. В рамках этой закономерности точно таким же способом можно было решать и проблему территориальной неоднородности громадной империи: наработанные художественной словесностью «сердечные» сюжеты о Лизе, Эрасте и их бесчисленных клонах из социального могли быть легко конвертированы в геокультурный аспект.

Вот первый пример того, как интертекстуальность, помещаемая в геокультурный контекст, служила достижению идеологических целей. К востоку от Оби путешественник остановился на станции, хозяином которой был пожилой сибиряк Архип Сысоич, живший там с женой и двадцатилетней дочерью Глашей. Сысоич совсем не похож на Самсона Вырина, он стар, кряхтит, умен, но Глаша столь же смела, как и Дуня из пушкинской повести. Встреча и беседа героя с сибирским станционным зрителем, в которой последний рассказывал путнику о беззакониях старой зауральской жизни,

¹ О поэтике травелогов 1840-1850-х годов, преобразовавших наследие научного путешествия в «физиологию» новейшего очерка см.: [Проценко, 1984, с. 6; 8; 13].

² Отметим здесь эпизод из травелога, названный «Дневник неизвестного господина», который представляет собой навеянное «Путешествием из Петербурга в Москву» вторжение «чужого» текста в свой собственный [Небольсин, 1849, т. 64, № 6, с. 185-193]. Ср. найденные радищевским путешественником «бумаги моего друга», содержащие «Проект в будущее». Кроме того, отметим влияние со стороны Карамзина, «Бедная Лиза» которого упомянута на страницах записок о путешествии [Небольсин, 1849, т. 63, № 4, с. 238].

окольцована двумя «чувствительными» сценами, в которых главную роль играет Глаша. Вначале она целует незнакомца-путешественника, а затем, после отцовских рассказов, предлагает ему побыть *«у нас денька два»* [Небольсин, 1849, т. 64, № 6, с. 184], после чего – бежать с нею на золотые прииски, куда отправлялся герой. Инвертированный пушкинский сюжет соединен здесь со стилистикой в духе Карамзина – сдержавшему себя путешественнику Глаша, которой уже подыскали жениха «гадкого-прегадкого», на прощанье говорит: *«Ты, как черствый хлеб, жесток. Но Христос с тобой! иди... скажи мне только одно слово... только одно слово... Вспомнишь ли ты хоть раз про бедную Глашу?»* [Небольсин, 1849, т. 64, № 6, с. 184]. Цель достигнута: спустя четыре года герой помнит о встреченной им в Сибири девушке. *«Да, прошло уж четыре года этому довольно обыкновенному в дороге происшествию, а все хорошенькая Глаша не выходит у меня из памяти»* [Небольсин, 1849, т. 64, № 6, с. 184].

Второй пример представляет собой более сложную амальгаму мотивов, на сей раз гоголевских, которые сложно счесть столь очевидной интертекстуальной перекличкой, как предыдущий случай. Перед нами скорее стилизация, призванная воскресить в сознании читателя общую атмосферу ранней «украинской» прозы Гоголя. Один фактор, впрочем, был у Небольсина тождествен гоголевской установке: автор травелога демонстрирует «странные» события, происходящие на экзотической периферии. Однако то, что Гоголь подавал как истинную экзотику, Небольсин подает как экзотику «знакомую», квази-экзотику, референциально отсылающую читателя не столько к неведомой сибирской «украине», сколько к хорошо знакомой ему поэтике «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Итак, в заключительных разделах «Заметок на пути из Петербурга в Барнаул» встречаем следующий эпизод.

На прииске Воскресенском, расположенном в томской тайге, во время масленичных гуляний путешественник повстречался с малороссиянином Михайлой Ковалем. Сам Михайло предстает перед читателем прежде всего как исполнитель старинных украинских песен. Фольклорность образа отсылает к системе гоголевских рассказчиков из «Вечеров» – от Рудого Панька до дьячка ***ской церкви Фомы Григорьевича и его деда. Однако сам Михайло – герой особой истории, которую узнает повествователь. Михайло женился по любви на девице Параске, вскоре у них родилась дочь Маруся, в которой оба родителя души не чаяли. Однако *«часто мать, прижимая к груди любимую дочку, смотрела на нее отуманенными от*

слез глазами. *“Дитя мое, дорогое, ненаглядное! часто думала она: что тебя ждет не сем мире? Тебе готовится несчастье!”*». Параска *«чаще и чаще задумывалась об участи дорогого ребенка, и все более и более ее смущали страшные предчувствия, что ее Марусенька будет несчастна, Марусенька забудет Бога, предастся греху и сделается ведьмой»* [Небольсин, 1849, т. 67, № 12, с. 287]. Однажды, одержимая своими страхами и предчувствиями, Параска затопила печь и бросила в нее девочку. *«Ребенок бился, но мать прижала его кочергой и выждала конца: злодеяние совершилось...»* [Небольсин, 1849, т. 67, № 12, с. 287]. Пришедшему вскоре Михайле жена во всем повинилась, началось следствие, однако на суде Михайло взялся выгораживать преступницу, в итоге он оказался в Сибири, а Параска умерла.

Безотносительно к тому, опирался ли в своем рассказе Небольсин на известные ему реальные факты, чуткий читатель не мог не опознать в этой истории гоголевского колорита. «Страшное», локализованное автором «Вечеров» на южной окраине России, здесь перемещалось на ее северо-восточную окраину, не утрачивая, впрочем, литературной «памяти» о своих малороссийских корнях. Более или менее похожие сюжетные ситуации встречаем у Гоголя в «Вечере накануне Ивана Купала», а также в «Страшной мести», где в обоих случаях жертвой колдовских сил оказывается ребенок. В первом рассказе это шестилетний мальчик Ивась, брат влюбленной героини. Его, украденного цыганами, убивает Петрусь в качестве платы нечистой силе за деньги, благодаря которым он добился разрешения жениться на своей возлюбленной. Во втором рассказе жертвой злых сил становится маленький сын Катерины, которого ее отец-колдун убивает прямо в колыбели.

Задачей фрагмента с Глашей было, очевидно, сокращение психологической дистанции между повествователем и теми реалиями, которые он описывал, что благодаря эффекту сопричастности делало его не только аналитиком, но и участником местной жизни, а затем и простого читателя вводило словно изнутри в житейскую обстановку отдаленного мира. Нарочитая же экзотика сюжета о Михайле Ковале при всей своей очевидной принадлежности корпусу мифологизированных историй о сибирских преступниках работала на создание экзотического эффекта лишь отчасти. Одновременно отсылая читателя и к «страшному» миру настоящих таежных приисков, и к вымышленному, но знакомому миру гоголевских повестей, сюжет о преступном малороссе позволял смотреть на далекую окраину как бы сквозь призму известной книги. В этом смысле про-

изнесенный Чеховым позднее приговор о том, что «Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны» заранее оспаривался литературной техникой путевых записок Небольсина: читал сибиряк Карамзина с Гоголем и Пушкиным или не читал, но сам его мир воспроизводился с учетом художественного опыта этих авторов. Если предположить, что впоследствии вдохновленный локальным самосознанием сибиряк захотел бы ознакомиться с сочинением Небольсина как имеющим прямое отношение к его краю, в описании своей жизни он бы опознал сюжеты столичной классики.

Итак, если в рамках архаической стратегии узнавания новооткрытые земли «подключались» к объяснительным схемам в качестве референтов, «взыскующих» свои знаки, если в рациональную эпоху они делались объектом описания при помощи абстрактного и принципиально «всемирного» языка науки, то в XIX веке, как показывают приведенные примеры, инструментом означивания выступает сама национальная литература, в мотивной оптике которой воссоздается образ отдаленного региона, сложно и поэтапно растающегося со своим статусом «далекой земли».

Литература

- Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти тт. М., 2009. Т. 4.
Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти тт. М., 1978. Т. 14-15.
Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.
Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.
Одинокое В.Г. В.Г. Белинский и проблема региональных литератур // Одинокое В.Г. Художественно-исторический опыт в поэтике русских писателей. Новосибирск, 1990.
Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 63. № 4; Т. 64. № 5; Т. 64. № 6; Т. 65. № 8; Т. 66. № 9; Т. 66. № 10; Т. 67. № 11; Т. 67. № 12.
Спафарий Н.М. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994.
Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849а.
Проценко Е.Г. Литература «путешествий» в России в 1840-1850-е годы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростовчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91 (3).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ «КОДЕКС» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: Достоевский, Данте, преступление, наказание, философия права, художественный кодекс.

Keywords: Dostoevsky, Dante, crime, punishment, philosophy of law, art code.

Молодой талантливый писатель, уже создавший несколько произведений судебно-криминальной тематики («Бедные люди», «Честный вор», «Хозяйка» и «Неточка Незванова»), в 1848 году совершенно неожиданно оказался «в роли без вины виноватого заключенного, смертника, каторжанина» [Бачинин, 2001, с. 46]. Его ранняя художественная криминография получила практическую проверку на основе личного опыта знакомства с юридической системой. После заключения в Омском остроге Достоевский вернулся в литературу «Записками из Мертвого дома» – произведением, полностью посвященным проблеме преступления и наказания. До этого он мог предвидеть место заключения лишь теоретически, либо по описаниям Дантова ада в «Божественной комедии». Теперь практика общения с заключенными и личный каторжный опыт заставляли задуматься о функциях наказания, его эффективности, мере соответствия преступлению, тяжести внутренних страданий для совестливых преступников и т.д.

Дантовский код может быть ключом к пониманию композиционного принципа «Записок» как движения по кругам ада, раскрывающего иерархию «греха», вины преступников в нравственно-правовой концепции Достоевского. При внешнем сходстве композиционного приема движения по кругам Ада, топографии расположения его кругов, концепции преступления и наказания у итальянского и русского классиков глубоко различны: в основе воздаяния за преступления у Данте лежит принцип изоморфизма, тогда как у Достоевского – принцип обратной пропорциональности, обнажающий ущербность российской пенитенци-

арной системы¹. В рамках статьи подробнее остановимся на проблеме наказания в «Записках из Мертвого дома».

Дантовская *иерархия воздаяния* по мере греха в реальной системе «Мертвого дома» XIX века оказывается парадоксально перевернутой. «Художественная логика «Записок» не совпала с логикой Уголовного кодекса» [Карлова, 1975, с. 35]. По ходу повествования выясняется, что самые тяжелые муки претерпевают преступники второго главного уровня – дворяне (политические заключенные), которым, кроме физических страданий, невыносимыми представляются мучения нравственные: «Вот, например, человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем. Одна боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона» [Достоевский, 1972, т. 3, с. 43]².

Достоевский предвосхищает открытия юридической психологии о влиянии психологических особенностей личности, в первую очередь, нравственного уровня человека, на восприятие наказания. Современные криминологи предлагают разграничивать в пенитенциарном воздействии на преступника понятия *кара* и *страдание*. *Карра* представляет собой объективное в своей основе соразмерное воздаяние виновному за совершенный им поступок, проявляется в необходимости претерпевания осужденным определенных ограничений, тягот; *страдание* же – это субъективное восприятие лицом такого воздаяния, и, как всякое субъективное, оно не обязательно совпадает с объективным. Одна и та же по содержанию и объему кара может одними осужденными восприниматься как нестерпимое страдание, другими – как незначительная неприятность [Ной, 1973, с. 62].

По цензурным условиям Достоевский не мог выступить прямо с критикой правосудия по отношению к преступлениям против власти, но средствами положительной характерологии раскрывает в этом случае крайнюю несправедливость высшей меры наказания: четыре тысячи палок и бессрочная каторга для такого рода преступников («особое отделение»). Бессмысленность подобного наказания заключается у Достоевского еще и в том, что эти преступники, защищавшие свое человеческое достоинство, считали себя правыми, то есть никакого «урока», кро-

---

¹ Подробнее о метафизическом – поэжном литературном жанровом коде, организующем и концептуализирующем содержание «Записок», см. в статье: [Сафронова. 2013]. Метафизический «дантовский» код в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2013. № 2.

² Здесь и далее текст «Записок из Мертвого дома» цитируется по изданию: [Достоевский, 1972]. В квадратных скобках указаны номера страниц.

ме еще одного урока несправедливости, они извлечь из наказания не могли. Вопрос о раскаянии, об угрызениях совести для такого арестанта, как заявляет повествователь, «немыслим», так как он «всегда склонен чувствовать себя правым в преступлениях против начальства» [с. 147]. При этом делается еще одно замечание, важное для презентации общей картины права, моделируемой писателем: «Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, он опять-таки знает это, его окончательно не осудит, а большею частью и совсем оправдает, лишь бы грех его был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья. Совесть его спокойна, а совестью он и силен и не смущается нравственно, а это главное. Он как бы чувствует, что есть на что опереться» [с. 147]. Поэтому и тысячи палок, и бессрочную каторгу, и смерть под розгами арестанты этой категории принимают не как наказание, а как «неотвратимый факт», «неминуемое» зло, без ненависти и протеста, как солдаты на войне принимают страдание и смерть. Отсюда следует, что модель юстиции Достоевского включает несколько институтов права: *государственная юрисдикция*; *народный суд*, защищающий права «своих», «братьев»; *суд совести*, опирающийся на народное правосудие; *Божий суд*, прощающий убийства на войне, с которой сравнивается вражда «простонародья» и «власти».

Следовательно, «небесспорные преступления» являются таковыми, так как не подлежат суду трех из четырех судебных инстанций: народа, совести и Бога. И с точки зрения этих высших инстанций по отношению к государственному суду, последний дискредитируется.

В свете собственной нравственно-правовой концепции Достоевский подробно рассматривает *систему наказания* в российском судопроизводстве. Писатель неустанно повторяет, что жестокие телесные наказания преступников, бесчеловечные условия каторжного существования устрашают, унижают, подавляют волю человека, но не вызывают ни раскаяния, ни сожаления в содеянном преступлении. Перед наказанием арестант испытывает «физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека» [с. 152], сопровождающийся «отупелостью ума» и рассеянностью. Кроме того, страх побуждает к «перемене участи» через нанесение вреда своему здоровью или совершение нового, более страшного преступления¹. Исправительная функция карательных заведений, таким образом, обесмысливается¹.

---

¹ Еще в конце XVIII века французский просветитель, правовед, философ Шарль Луи Монтескье и итальянский просветитель, публицист, юрист по образованию Чезаре Беккариа писали, что неизбежность жестоких мучительных наказаний всегда устрашает, а

Теряют смысл в этом отношении и длительные сроки заключения вследствие того, что «человек есть существо ко всему привыкающее» [с. 10], привыкающее до того, что способно «со временем пожалеть об этом угле»; мысль об этом поражает повествователя; с «ужасом» и «предчувствием» собственного поведения он думает о том, «до какой чудовищной степени приживчив человек» [с. 56]. Примером такой «чудовищной» приживчивости предстает в «Мертвом доме» дворянин Аким Акимыч, который по-домашнему обустроился в аду, превратив наказание в образ жизни, так что ни о каком раскаянии и нравственном перерождении этого убийцы из чувства долга не может быть и речи, и оттого он так антипатичен герою-повествователю.

Кроме того, карательная функция каторги, не затрагивающая нравственных оснований преступника, не имеет смысла для тех, чья жизнь на воле хуже каторги [с. 43], и для тех, кто готов принять «муку за веру» [с. 33].

Предельным выражением казенной формальности, абсурдности карательных принципов судопроизводства выступают у Достоевского факты, когда положенное по приговору число палок отпускают уже по мертвому, но все еще «виноватому» телу, или содержание в кандалах смертельно больных арестантов.

Таким образом, все функции системы наказания – возмездия, восстановления справедливости, исправления преступника, устрашения общества, предупреждения преступлений (превенция) – оказываются неэффективными.

Современный американский правовед, сторонник «смешанной» теории наказания Г. Мюллер делит цели наказания на две группы: утилитарные и неутилитарные. К первой группе относятся такие цели, как нейтрализация, устрашение и ресоциализация. Ко второй – искупление и воздаяние [Крылова, Серебренникова, 1998, с. 146]. В реальной юридической практике российской империи, как показывает Достоевский, внимание уделялось только утилитарным целям наказания, причем роль устрашения была главной². Функция превенции достигалась путем лик-

---

надежда – это дар неба, который часто заменяет нам все на свете, – всегда удаляет от нас мысль о сильнейших наказаниях.

¹ В изображении Достоевского устрашение калечит, а не вылечивает; к «возрождению» ведет не «усекновение» в элементарных правах, а живая жизнь души человеческой, если только она не погибает под тяжестью юридических установлений» [Карлова, 1975, с. 35].

² В памятниках права Древней Руси большое внимание уделялось внешнему, или материальному, возмездию за преступления по принципу талиона (по принципу «око за око, зуб за зуб»). Главной функцией уголовного наказания был устрашающий характер кары: «казнить смертью безо всякия пощады», «посадити в тюрьму..., чтобы на то смотря, иным неповадно было впредь так делати», «счинити жестокое наказание, что

видации субъекта, приведения его в физическую непригодность или возникновение у него страха перед наказанием. «Остроги и система насильственных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие» [с. 15], в которое он возвращается как «нравственно иссохшая мумия, полусумасшедший» [с. 15].

Писатель в «Записках из Мертвого дома» критикует абсолютную теорию наказания как теорию социального возмездия преступнику и теорию остракизма, состоящую в необходимости изоляции заключенных. Достоевский придерживается относительной теории наказания, настаивая на необходимости нравственного исправления преступника и его возвращении в общество.

Нельзя согласиться с утверждениями Т.С. Карловой и В.А. Туниманова о том, что «Достоевский равнодушен к реформаторским преобразованиям в тюрьме» [Карлова, 1975, с. 46], его «сравнительно мало волновали такие утилитарные проблемы, как обличение каторги и необходимость судебной реформы» [Туниманов, 1980, с. 72]. По нашему убеждению, верно противоположное утверждение. Писателя проблемы криминологии и философии права интересовали не только теоретически, он и практически пытался способствовать их разрешению, изображая действительное положение арестантов в остроге и предлагая свою художественную программу «реформы» пенитенциарной системы. Достоевский «первым решился заговорить о жестокостях российской пенитенциарной системы» [Тодд, 2002, с. 29], «первый познакомил нас с русской каторгой, с действительно Сибирью» (курсив автора. – Е.С.) [Кони, 1968, с. 419].

В «Записках из Мертвого дома» «первый раз в русской литературе телесное наказание было не только обозначено как факт, но и подробно изображено» [Параккини, 2004, с. 85]. Позволил себе пространный исторический экскурс в историю русского права. Телесное наказание является одним из самых старых наказаний, по своему сущностному назначению сходным с лишением человека жизни. По выражению профессора Кистяковского, его происхождение столь же древнее, как и смертной казни, так как оно является таким же естественным выражением стремления отомстить человеку, причинившему нам боль, воздать оком за око и зубом за зуб. От частного мстителя оно перешло к общественному как

государь укажет». По Судебнику 1497 года даже квалифицированная кража каралась смертной казнью. В Соборном Уложении 1649 года применение смертной казни предусматривалось в 60 случаях. Устрашающий характер кары сохраняется и в Артикуле воинском 1715 года и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором доминировали смертная казнь, каторжные работы, телесные наказания.

средство воздаяния и надолго заняло одно из первенствующих мест в законодательствах средних веков и даже нового времени, идя об руку со смертной казнью (цит. по: [Покровская, URL]). В России телесные наказания входят в систему карательных мер в эпоху Судебников (XV век).

Обширность применения телесных наказаний объяснялась многообразием той роли, которую они играли в уголовном правосудии. Прежде всего, самые разнообразные телесные муки являлись простым дополнением или придатком смертной казни. Все виды квалифицированной смертной казни, в сущности, представляются соединением двух наказаний: лишения жизни и причинения телесного страдания. Далее, те же телесные страдания являлись необходимым судопроизводственным условием. Пытка была центральным пунктом розыскного процесса, наиболее надежным средством получения «лучшего доказательства всего света», «царицы доказательств» – собственного признания преступника. Пытка была телесным страданием, но применяемым в уголовном правосудии не ради возмездия за вину, а ради удостоверения и раскрытия вины и виновных. Затем, причинение телесного страдания входило в область уголовного правосудия и как полицейская предупредительная мера, как средство распознавания лихого человека, бывшего в суде и приводе. Рваная ноздря, урезанный язык, выжженное на лице или на теле пятно или тавро – это были примитивные справки о судимости. Клеймение или пятнание как средство распознавания преступников встречается в русских памятниках уголовного права уже в XIV веке.

Кроме того, телесные наказания использовались и в качестве самостоятельного наказания, рассчитанного не столько на физическое страдание, сколько на испытываемый преступником позор и унижение, на причинение нравственного страдания. Телесные наказания подразделялись на членовредительные, клеймение и болезненные. К членовредительным относились: урезание языка или прожигание его каленым железом, отсечение руки или пальцев, отсечение носа и ушей, вырывание ноздрей. Клеймение заключалось в наложении каленым железом особых знаков на тело преступника (лоб, щеки, руки, спину). К болезненным наказаниям относились: битье кнутом (до 50 ударов и «нешадное»¹),

---

¹ По замечанию адмирала Н.С. Мордвинова, кнут являлся не орудием «исправительного наказания», а орудием пытки: «Кнут есть мучительное орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, мечет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение лютейшее всех других известных, ибо все другие, сколь бы болезненны они ни были, всегда менее бывают продолжительны, тогда как для 20 ударов кнутом потребен целый час и когда известно, что при многочисли ударов мучение несчастного преступника, иногда невинного, продолжается от восходящего до заходящего солнца» (цит. по: [Анисимов, 2004, с. 127]). Поскольку кнут часто назначался

батогами и плетью (число ударов не регламентировалось), «кошками», линьками, шпичрутенами (толстыми прутьями при прогоне через строй три, шесть или двенадцать раз, упоминалось в 39 случаях), розгами. К болезненным наказаниям относились также заковывание в железо, ношение на себе седла и ружья, посажение на деревянную лошадь, хождение босиком по деревянным кольям.

Хотя пытка как суровая мера, стыд и зазор человечеству наносящая, исчезла из уголовного процесса в 1801 году по Указу императора Александра I, фактически на практике она продолжала использоваться.

Важно, что Достоевский на страницах «Записок» приводит многочисленные свидетельства превышения должностных обязанностей в телесных наказаниях (поручик Жеребятников). Более того, он усиливает воздействие художественного текста «Записок» параллельным обсуждением вопросов права в журнале «Время». За 1861-62 годы (время выхода в свет глав из «Мертвого дома») в журнале был опубликован ряд материалов на злободневные юридические темы. Из 24 номеров 22 содержали 41 публикацию по вопросам права, причем 5 из них были непосредственно посвящены теме телесных наказаний: «Наш кошмар: телесные наказания» (1861, № 4), «Местные и личные черты: отрешение старшины, предложение о розге, жестокий волостной суд» (1861, № 12), «Выдержки из русского законодательства» (автор О.А. Филиппов, 1862, № 2), «Еще немного о розгах, которыми усиленно интересуются в Уфе» (1862, № 2), «Удачное решение одного волостного суда» (1862, № 2).

Подчеркнем особую превентивную роль этого журнального обрамления. Статья юриста О.А. Филиппова о смягчении наказаний при Елизавете II, Павле I и Александре I как начале гражданского развития русского общества непосредственно предшествовала в журнале главам «Записок из Мертвого дома» о телесных наказаниях. Тем самым критика практики клеймения арестантов как выражение худшего вида варварства в сознании читателя дополнялась яркими картинами истязания арестантов в Мертвом доме. Благодаря комплексному воздействию художественного и публицистического правовых дискурсов Достоевский стал инициатором перемен в пенитенциарной практике. «По мнению многих его современников, его выступление приблизило отмену телесных наказаний в 1863 году, еще до начала судебной реформы» [Паракини, 2004, с. 47].

Подчеркнем, что Ф.М. Достоевский предстает пред нами как носитель прогрессивного юридического мышления и реформатор, продолжа-

---

без счета, иногда до 300 ударов и более, смертельный исход наказания был явлением обычным. Порой в приговоре прямо – «милостиво» предписывалось: «забить до смерти».

тель традиций А.Н. Радищева, который мечтал выработать для России уголовный кодекс, положив в его основу равенство всех перед законом. Это предполагало отмену телесного наказания и пыток. К сожалению, теоретические работы А.Н. Радищева, признанного сейчас во всем мире основоположником криминологии и криминалистики, подкрепленные картинами превышения власти на всех уровнях в «Путешествии из Петербурга в Москву», не были оценены по достоинству, а сам писатель жестоко наказан за вольномыслие¹ ссылкой и доведен до самоубийства. Достоевскому удалось осуществить свои намерения, способствовать приближению судебной реформы. Отметим также, что фигуры А.Н. Радищева и Ф.М. Достоевского выделяются на фоне мировой общности. В Европе борьба против смертной казни, пытки и изувечивающих наказаний не касалась вопроса об отмене всяких телесных наказаний. Даже Ш.Л. Монтескье и Ч. Беккариа не восставали против этих наказаний вообще. «Глобиг и Густер находили, что в правомерности телесных наказаний нет сомнения, но они не должны быть жестоки; они допускали болезненные наказания до 200 ударов. Энгельгардт в своем опыте уголовного права, основанного на мировой мудрости и на началах естественного права, не отрицал необходимости даже членовредительных наказаний» [Покровская, URL].

Показывая несовершенство пенитенциарной системы, Достоевский видит меры, которые могут способствовать нравственному перерождению преступников. Нам представляется, что именно попытка писателя реализовать свою программу пенитенциарного учреждения сместила акценты с «ужасов» наказания на «действия и следствия» наказания, что повлекло упрек «Цензурного комитета, считающего, что Достоевский в своей книге не показал ужасов каторги, что читатели, после книги Достоевского, будут думать о каторге, как о недостаточном, слабом наказании» (цит. по: [Карлова, 1975, с. 46]).

Не вызывает сомнения отмечаемое исследователями признание Достоевским необходимости подобных учреждений, осуществляющих право общества на защиту от преступников, так же как и признание писателем необходимости страдания, физических и социальных лишений для арестанта, который должен вынести полную меру наказания. Еще в I веке до н.э. Марк Туллий Цицерон отмечал, что величайшее поощрение преступления – безнаказанность. Побег изображается Достоевским как предосудительное действие преступника, как попытка избежать спра-

---

¹ После многочисленных изнурительных допросов Радищев был приговорен к смертной казни и более двух недель провел в ее ожидании. По случаю мира со Швецией казнь была «милостиво» заменена Екатериной II десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

ведливого наказания за свой поступок, нежелание искупления своего греха¹. Не случайно героями «побега» (глава IX «Побег») стали доносчик А-в и цыган Куликов, «конокрад и барышник». Но страдание как часть наказания не может быть мстью царя, общества, государства отдельному человеку. Масштаб, статус, достоинство этих судебных инстанций несоизмеримы с чувством мести человека к человеку. Страдание в процессе наказания должно быть воздаянием за грех, который совершает не тело, но душа преступника («взять грех на душу»), и поэтому наказание должно быть индивидуальным [с. 55] и определяться не мерой греха, а способностью души к его искуплению [с. 55].

Сходную позицию занимал и Ч. Беккария. В его трактате подчеркивается, что цель «наказания заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление», а в том, чтобы воспрепятствовать этому человеку вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же. Поэтому следует устанавливать только такое наказание, которое, при сохранении соразмерности с преступлением, производило бы «сильное впечатление на душу людей и было бы наименее мучительным для тела преступника» [Беккариа, 2004, с. 103].

Ф.М. Достоевскому в «Записках» удалось показать сложную диалектику целей наказания. С одной стороны, наказание всегда направлено в прошлое и связано с преступлением, с другой – направлено на достижение определенных результатов в будущем.

Само по себе страдание, жестокое, бесконечное и безнадежное, как показывает Достоевский, не является условием душевной работы преступника. В качестве такового речь идет об *осознанном* желании страдания, о *смысле страдания*. В этом плане примечательны следующие примеры: «кроткий» арестант, читавший днем и ночью Библию, бросился с кирпичом на плац-майора. Умирая от последовавшего жесточайшего наказания, он говорил, «что не имел ни на кого зла, а *хотел только пострадать*. Он, впрочем, не принадлежал ни к какой раскольничьей секте. В остроге вспоминали о нем с уважением» [с. 29]. Иной тип отношения к страданию представляет уже упоминавшийся нами Орлов, который «презирал всякие муки и наказания», *торопил и желал* наказания из «жажды деятельности, мщения, жажды достичь предположенной цели» [с. 47].

---

¹ Противоположную нашей точку зрения на побег высказывает Т.С. Карлова, считая, что «за свободу надо стоять не жалея жизни, потому что «заживо Мертвый дом» невыносим» [Карлова, 1974, с. 139].

У Орлова желание наказания имеет цель сугубо внешнюю, никак не связанную с пробуждением совести и сердца: «ему уже начинали мечтаться дорога, побег, свобода, поля и леса...» [с. 153] – это не столько работа духа, сколько неукротимый инстинкт жизни дикого зверя. Когда он понял, «что я добираюсь до его совести и добиваюсь в нем хоть какого-нибудь раскаяния, <...> даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мной самым простодушным смехом» [с. 48]. «Попытки поговорить с Орловым о нравственности, добиться хоть какого-нибудь раскаяния», добаться до его совести сразу же натолкнулись на полное непонимание и высокомерное презрение преступника» [Туниманов, 1980, с. 146]. Так Достоевский наглядно показывает, что наказание тем ощутительнее, чем выше нравственный уровень наказываемого, поэтому для лиц, давно утративших сознание стыда и позора, репрессивная сила легких телесных наказаний сводится к нулю.

Примером «закоренелой привычки к ударам и наказаниям», когда «многократно битый как-то укрепляется духом и спиной и смотрит, наконец, на наказание скептически, почти как на малое неудобство» [с. 145] является калмык Александра, который перед страшным наказанием принял крещение, надеясь, что крещенного «простят», но не простили – «даже обидно мне стало» [с. 145].

В калмыке первое движение к будущему пути христианского осознания страдания жестоко подавлено формальным и безразличным к «душе» исполнением приговора, который оставил крещенного калмыка в состоянии полуживотного, тупого претерпевания бессмысленного наказания. Всепрощение как центр христианской аксиологии противопоставлено Достоевским механистическому принципу наложения наказания согласно безличной норме, без учета психологического склада, мотивов, жизненных целей преступника. Пенитенциарная система основана на истязании тела и не трогает души. Поэтому земные судьи наказывают арестанта четырьмя тысячами шпицрутенов. Писатель акцентирует психологическую боль калмыка от несбывшейся надежды на избавление от наказания («даже обидно мне стало» [с. 145]). Словом «обида» в Древней Руси называли любое преступление, в том числе и против личности. И в этом смысле «нанесение обиды» арестанту показано Достоевским как явление типичное.

Очеловеченный характер желания страдания как следствия духовного развития преступника несет только пример «робкого» арестанта, отмеченного повествователем знаком народного «уважения». Лишь такое сознание способно придать нравственный смысл наказанию. Средствами вочеловечивания преступника в условиях каторги Достоевскому

представляются труд, гуманное отношение начальства к арестантам, творчество, товарищество. Критикуя систему трудовой повинности в остроге, писатель противопоставляет формальному, бессмысленному принудительному труду арестантов [с. 13,15,16] почти идиллическую картину добровольного, заинтересованного труда в казармах [с. 17, 70].

Автор признает значение денег как важного стимула такого труда не как цели, а только как средства обретения хотя бы иллюзорной свободы: деньги выступают эквивалентом свободы. И в этом значении труд за самые ничтожные деньги приобретает смысл не животной, а человеческой деятельности: «Без труда и без законной, нормальной собственности человек не может жить, развращается, обращается в зверя [с. 16], «Работа же спасала от преступлений: без работы (на себя. – *Е.С.*) арестанты поели бы друг друга, как пауки в склянке» [с. 17].

Отсутствие личной свободы для человека усугубляется насильственным и постоянным общежитием: «на работе всегда под конвоем, дома с двумястами товарищей и ни разу, ни разу – один!» [с. 11]. Потребность человека иногда быть в одиночестве осознается Достоевским как основа психического здоровья, естественное право личности.

Человеческое обращение с арестантами Достоевский рассматривает исключительно в свете идеального проекта пенитенциарной системы, цель которой – духовное возрождение, регенерация преступника, причем возвращение в «человечество» описывается в терминах христианской риторики: «Боже мой! Да *человеческое* (курсив автора. – *Е.С.*) обращение может очеловечить даже такого, на котором уже потускнел образ божий. С этими-то «несчастливыми» и надо обращаться наиболее по-человечески. Это спасение и радость их. Я встречал таких добрых, благородных командиров <...> Несколько ласковых слов – и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они, как дети, радовались, и, как дети, начинали любить» [с. 91]. В эстетическом пафосе, венчающем эту картину отношений начальников и арестантов («стало быть, и все хорошо и красиво» [с. 91]), последняя мыслится как гармония утопии. Другими благотворными фактами, способствующими духовной регенерации преступника, являются дружеские привязанности, товарищество, театр и животные.

Заметим, что Достоевский точно и строго выстраивает свою концепцию правосудия, организуя в соответствии с ней материал на глубоких структурных уровнях повествования, кажущегося внешне фрагментарным, эскизным. Знаком продуманной концептуальной организации может служить то, что все немногие «исповедальные» сцены приходятся на моменты действия регенеративных средств: так, Луке Кузьмичу, которого «очень немногие уважали» в казарме, арестанты «позволили»

рассказать свою историю во время «длинного вечера» мирного труда: Лука Кузьмич в этот вечер шил рубашку, слушавший его Кобылин вязал шерстяной чулок [с. 89]. Именно эта исповедь и авторская характеристика Луки Кузьмича, на котором «потускнел образ божий», стали поводом для апологии человеческого обращения с арестантами.

Баклушин исповедуется после бани в преддверии ожидаемого спектакля, о котором он и принес известие. Шишков (Акулькин муж) исповедуется в госпитале в ответ на «ночной вызывающий час» и т.д. Так исповедь становится следствием благостного действия средств очеловечивания преступника, симптомом пробуждения нравственного чувства.

Таким образом, в «Записках из Мертвого дома» Достоевский ставит ключевые и для современной философии права вопросы: о бесполезности и бессмысленности наказания без «нравственного процесса признания вины и признания наказания как меры искупления» [с. 21], о способах исправления преступника без ущерба для достоинства личности. Художественный мир «Записок» позволял писателю создать уникальную пенитенциарную систему, в которой над миром материальным, социализованным надстраивается иной, духовный мир, где суд над душой преступника осуществляется по высшим принципам меры добра и зла.

Ядро философии преступления и наказания, сформированное в «Записках из Мертвого дома», сохраняется в последующем творчестве. Так, например, в письме Н.М. Каткову, излагая основную идею романа «Преступление и наказание», Достоевский подчеркивал, что «налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует. Это видел я даже на самых неразвитых людях, на самой грубой случайности» [Достоевский, 1985, т. 28-2, с. 137].

В романе «Идиот» князь Мышкин во время путешествия по России видел уголовных преступников острога, среди которых даже «самый законенный и нераскаянный убийца все-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что он нехорошо поступил, хоть и без всякого раскаяния» [Достоевский, 1973, т. 8, с. 280].

К теме отсутствия искупительного воздействия на преступника, регенетивных функций наказания в остроге писатель в предельно заостренной форме возвращается в романе «Братья Карамазовы». По словам старца Зосимы, «все эти ссылки в работы, а прежде с битьем, никого не исправляют, а главное почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает <...>. И выходит, что общество таким образом совсем не охранено, ибо

хоть и отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, но на его место тотчас же появляется другой преступник, а может и два другие. Если что и охраняет общество даже в наше время, и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 59-60]. Итак, суд совести – единственная «умиротворяющая кара» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 59-60], путь к очищению от греха и спасению души.

Литература

- Анисимов А.Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004.
- Асоян А.А. Данте и русская литература. Свердловск, 1989.
- Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна). СПб., 2001.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Л., 1972-1990.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Л., 1972. Т. 3.
- Карлова Т.С. Достоевский и русский суд. Казань, 1975.
- Кони А.Ф. Федор Михайлович Достоевский // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8-ми тт. М., 1968. Т. 6.
- Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998.
- Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов. 1973.
- Параккини Л. Вопросы юриспруденции и творчество Достоевского. СПб., 2004.
- Покровская А.Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/pokrovskaja_istorija/
- Сафронова Е.Ю. Метафизический «дантовский» код в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2013. № 2.
- Тодд У.М. III. Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, этика // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.
- Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862. Л., 1980.

КАРНАВАЛИЗОВАННЫЙ ДИАЛОГ В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. ШУКШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВЕРУЮ!»)

И.П. Шиновников

Ключевые слова: рассказ, диалог, карнавализованный диалог, амбивалентный образ, словесно-зрелищная форма.

Keywords: story, dialogue, carnivalistic dialogue, ambivalent image, word-show form.

Значение диалогического начала для поэтики рассказов В.М. Шукшина отмечено целым рядом исследователей. Так, Г.В. Кукуева выделяет в качестве дискурсивной основы рассказов Шукшина драматизированный диалог, который, «органично соединяя элементы сценичности и театральности, выполняет характерологическую функцию: высвечивает образы героев и их речевое поведение в общении» [Кукуева, 2008, с. 39]. Г.Г. Хисамова в своей монографии, посвященной данной теме, выделяет три функции, которые выполняет диалог в рассказах В.М. Шукшина (эстетико-коммуникативную, сюжетообразующую и характерологическую), и также отмечает, что диалог в рассказах Шукшина «выступает в качестве способа моделирования речевой маски, отражающей индивидуальные особенности речевого поведения автора и персонажа» [Хисамова, 2000, с. 31]. В данных работах диалогический дискурс в творчестве В.М. Шукшина рассматривается преимущественно в лингвистическом аспекте как одна из форм организации художественной речи, нам в свою очередь представляется важным рассмотреть художественные особенности диалога в шукшинских рассказах, учитывая и своеобразие сюжетного контекста, в рамках которого осуществляется реализация диалогического дискурса.

Здесь нельзя не отметить в первую очередь связь диалогического начала в рассказах Шукшина с мотивом застолья. По наблюдению В. Горна, «в застолье, по Шукшину, душа открывается навстречу друг другу, а в застольной народной песне она, душа, сближается» [Горн, 1991, с. 502]. Диалоги в шукшинских рассказах часто происходят в застольной атмосфере, сопровождаясь игровыми, сценическими эффектами, в чем проявляется связь поэтики произведений писателя с традицией народной смеховой культуры. В. Горн, говоря о пронизывающем творчество Шукшина карнавальном мироощущении, отмечает, что «произведения Шукшина буквально насыщены скоморошеством, лицедейством, отражающим одну из национальных черт русского народа» [Горн, 1991, с. 501]. Можно сказать, что творчество Шукшина по-своему продолжает литературную традицию изображения диалогического, карнавализованного слова, идущую от «серьезно-смеховых» жанров античной эпохи (сократический диалог, симпозион, диатриба и др.). При этом следует отдельно отметить жанр симпозиона (представленный, в частности, диалогом Платона «Пир»), впервые явившим литературную форму изображения диалогического слова в застольной обстановке (по словам М.М. Бахтина,

«диалогическое пиршественное слово обладало правом на особую вольность, непринужденность и фамильярность, на особую откровенность, на эксцентричность, на амбивалентность, то есть сочетание в слове хвалы и брани, серьезного и смешного» [Бахтин, 1963, с. 161]).

Однако в рассказах Шукшина карнавальнй характер диалога определяется не только его связью с мотивом застолья, но также и особенностью образов героев-участников диалога. В качестве отличительной особенности героев рассказов Шукшина (особенно поздних) исследователи творчества писателя отмечают их амбивалентность, тяготение к пограничным состояниям. По наблюдению Н.В. Ковтун, герои Шукшина «мечутся между «праздником» и «углом», жизнью и смертью, раем и адом, пытаются найти опору, но условия сцены этого не позволяют» [Ковтун, 2011, с. 151]. В том, что шукшинский герой пребывает на границе между двумя состояниями мира – обыденным и праздничным, в особенной степени проявляется его карнавальнй характер. Но в то же время эта карнавальность носит несколько драматический оттенок вследствие невозможности воплотить праздничное, смеховое действие в том виде, в каком оно когда-то существовало в народной жизни. Как отмечает С.М. Козлова, «в каждом рассказе, в каждой статье Шукшина есть присутствие, ощущение, ожидание «праздника жизни» и вместе с тем горькая досада, раздражение, злой сарказм, по поводу того, что людям не дают радоваться, что люди не умеют радоваться и забывают радоваться» [Козлова, 1999, с. 48]. В квазикарнавальнй атмосфере несостоявшегося праздника и происходит диалогическое столкновение разных точек зрения, составляющее сюжетную основу многих рассказов Шукшина.

Переходя к анализу диалогической ситуации, создаваемой в рассказе «Верую!», нельзя не отметить, что, в отличие от аналогичной ситуации в других рассказах, она носит подчеркнуто мировоззренческий характер, и сам Шукшин выделял в качестве лейтмотива данного рассказа соединение противоположных точек зрения на жизнь: «Мне нравятся крайние ситуации... сшибка совсем полярных каких-то вещей, – говорил писатель в одном из своих интервью, – В рассказе “Верую!” мне показалось заманчивым столкнуть некие представления о жизни, совсем разные» [Шукшин, 1991, с. 440]. Отталкиваясь от данного высказывания Шукшина, мы обратимся к образам героев – носителей диалогически соотнесенных представлений о жизни.

Главный герой рассказа – Максим Яриков изначально представлен как человек, страдающий душевным недугом, чувством «*нутрянной, едкой*» тоски, которая выражается им в словах: «*душа болит*».

Герой не может найти развернутую словесную форму для выражения своих внутренних переживаний: *«Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу»* [Шукшин, 1975, с. 121]. С мотивом тоски тесно связаны мотивы опьянения и безумия: *«Случалось, выпивал... Пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям и себе потом становилось нехорошо»* [Шукшин, 1975, с. 121]. Максим Яриков стремится вырваться из привычной жизненной обстановки с ее однообразием и автоматизмом, где он не может найти понимание. Открывающая рассказ сцена разговора Максима с женой демонстрирует ситуацию диалога-непонимания: Максим пытается объяснить жене причину своей тоски, хотя и признается при этом: *«Не поймешь ведь»*, и в результате разговор завершается обменом бранными репликами. Эта сцена призвана мотивировать обращение героя за поддержкой к Другому – то есть человеку, пребывающему по ту сторону обыденного круга жизни, представляющего иную, малопонятную Максиму сферу бытия. И он находит его в лице попа.

Образ «попа» маркирован как образ Другого уже чисто внешними деталям – *«самый натуральный поп – с волосьями»*, кроме того, то обстоятельство, что данный персонаж не назван по имени, с одной стороны, указывает прежде всего на его функциональную принадлежность к духовной сфере, а с другой стороны, относящееся к разговорному стилю слово «поп» позволяет снизить этот образ. Нельзя не отметить амбивалентность образа попа – в нем подчеркивается именно физическое, телесное начало, в противовес духовному, разрушающее стереотипное представление о священнослужителе: *«Никакой он не благодостный, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие...распутывать»* [Шукшин, 1975, с. 123]. При этом подчеркивание физической силы попа, *«крупного шестидесятилетнего мужчины, широкого в плечах, с огромными руками»* соединяется с указанием на его телесный недуг – болезнь легких. Данное обстоятельство также примечательно – душевный недуг Максима тем самым соотносится с физическим недугом попа.

В разворачивающейся за столом беседе с Максимом поп изначально выступает как носитель объясняющего, дидактического слова, призванного дать ответы на вопросы мировоззренческого характера: *«Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой»* [Шукшин, 1975, с. 124]. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике философских рассуждений попа, можно сказать, что они представляют собой профанацию и десакрализацию христианского учения (в словах о Христе как «воплощенном

добре» можно проследить связь с философией Л.Н. Толстого). Однако в контексте исторической эпохи, к которой относится время написания рассказа, представляется значимым то, что под маской профанации церковной истины поп позволяет себе выразить иронию в адрес господствующей атеистической идеологии: приводя высказывание «я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо», он замечает: «Так сказал один знаменитый безбожник, сказал очень верно. Несколько самонадеянно, правда, ибо при жизни никто его за бога и не почитал» [Шукшин, 1975, с. 125]. Здесь содержится намек на К. Маркса, называвшего это высказывание своим любимым афоризмом. Это скрытое осмеяние атеистической философии совмещается в речи попа с саморазоблачением, когда он прерывает свою «проповедь» словами о том, что он не знает и ему, возможно, не дано познать ту Высшую силу, «которая все это затеяла на земле». Образ попа тем самым соотносится с карнавальным оксюморонным образом «незнающего мудреца», восходящего к образу Сократа в сократических диалогах Платона.

Что касается участия в диалоге Максима Ярикова, то здесь следует отметить, что на протяжении всего рассказа он выступает как носитель вопрошающего слова. Его внутренний монолог, в котором он размышляет о смене поколений, наполнен вопросительными высказываниями: «Ну, и что?», «Что нового-то?», «А зачем?». В разговоре с попом реплики Максима, задающие ход диалога – в основном тоже вопросительные, при этом первоначально они носят стилистически нейтральный, мировоззренческий характер: «Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?», «В коммунизм веришь?», «Значит, если я тебя правильно понял, бога нет?», по мере же развития диалога они приобретают резко экспрессивную окраску и переходят на личность собеседника: «За что же мне доля такая несчастная?», «А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?». Можно отметить, что оба участника диалога прибегают к использованию различных фамильярных эпитетов в адрес собеседника, таких как «сын мой занюханный» – со стороны попа, «попьяра», «тубик» – со стороны Максима, и данное обстоятельство в значительной степени способствует введению разговора на философскую тему в смеховой контекст, его карнавализации. В конечном итоге диалог Максима с попом переходит из поиска смысла жизни в душевное взаимопроникновение, приводящее к совместному карнавальному действию.

Существенную роль в создании художественного своеобразия карнавализованного диалога в шукшинском рассказе играет пересечение двух мотивов – застолья и опьянения. Если мотив застольной

беседы способствует душевному раскрытию героев, создает снижающий контекст, приводящий к профанации дидактического слова, то мотив опьянения, связанный с мотивом безумия (что было заявлено, как мы отмечали, уже в начале рассказа), обеспечивает переход диалогического слова в карнавальное действие, скандальное и эксцентричное (одновременно процесс опьянения, в духе карнавальной традиции, уравнивается с процессом познания – как говорит поп о своих жизненных поисках: *«Я сам пытаюсь дочерпаться до дна...когда мы глотаем вот эту гадость, когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна»* [Шукшин, 1975, с. 124]). В ситуации, когда диалог на философскую тему заходит в тупик и его участники начинают обмениваться репликами личного характера, задевать друг друга, естественным завершением выступает совместное действие, призванное выразить то, что невыразимо в слове. По словам Г.А. Белой, «словесно-зрелищная форма с особым характером героя и особыми условиями его существования является доминантой творчества Шукшина» [Белая, 1983, с. 117]. В рассказе «Верую!» дается наглядный пример подобной словесно-зрелищной формы – диалог героев строится как постепенно разворачивающееся зрелище, достигающее своей кульминации, когда беседа переходит в пляску с пением «Верую!».

В этой сцене, демонстративно начинающейся с призыва попа: *«Молись!»*», наиболее зримо выражается карнавальный мотив профанации сакрального, ранее заявленный в философских рассуждениях попа. В подобной имитации церковного богослужения прослеживается связь с народной смеховой традицией, воплотившейся в том числе и в пародийных произведениях древнерусской литературы («Азбука о голом и небогатом человеке», «Калязинская челобитная», «Служба кабаку», последнее произведение примечательно тем, что в нем пародируется церковное богослужение), построенных по принципу карнавального противопоставления «правильному» миру «неправильного» антимира. По наблюдению Д.С. Лихачева, в указанных пародиях «вселенная делится на мир настоящий, организованный, мир культуры – и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир антикультуры. В первом мире господствуют благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором нищета, голод, пьянство и полная спутанность всех значений» [Лихачев, 1987, с. 353]. Разумеется, карнавальная сцена, представленная в шукшинском рассказе, не предполагает создания такой же целостной картины смехового антимира, но в ней обнаруживается та же направленность – спонтанное карнавальное действие участников диалога возникает как следствие

их выпадения в ненормальное состояние бытия из привычной жизни, когда оказывается, что они не в состоянии ее понять, логически осмыслить. Обращает на себя внимание и градация перечисляемых образов в пародийном «символе веры»: здесь наблюдается движение от образов, символизирующих достижения человеческого разума – «*в авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у!*», к образам, предельно сниженным, представляющим собою как бы чистую материальность – «*в барсучье сало; в бычий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мякоть телесную-у!*» [Шукшин, 1975, с. 127]. В этом перечне ярко проявляется карнавальная амбивалентность кульминационной сцены – с одной стороны, через выстраивание сугубо материального «антимира» подвергается развенчанию духовная сторона жизни и словно снимается мучающая героев проблема, выраженная словами: «*душа болит!*», с другой стороны, подвергается профанации, самоосмеянию материалистическое мировоззрение, неспособное дать ответ на волнующие героев вопросы, заменить сакральную сферу бытия.

В финальной сцене пляски словесная форма самовыражения почти полностью уступает место действию – речь героев становится спонтанной, напоминающей скоморошеские припевки – они целиком погружаются в движение. По наблюдению А.И. Куляпина, отмечающего, что «шукшинский герой – это, как правило, «человек пути»», в финале рассказа «Верую!» «закономерно появление мотива кругового движения» [Куляпин, 2005, с. 31, 34]. Движение героев по кругу символизирует их неспособность решить поставленную ими жизненную проблему, но в то же время идея круговорота – отличительная черта карнавального мироощущения, основанного на цикличности, повторяемости всех жизненных явлений. Примечательно, что во время пляски к попу и Максиму присоединяется не участвовавший в диалоге персонаж – Илюха Лапшин, что символизирует универсальность карнавального действия, не знающего разделения на зрителей и участников, включающего в себя всех присутствующих в доме (по словам М.М. Бахтина, «Карнавал не созерцают – в нем живут, и живут все... Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все сопричастны» [Бахтин, 1965, с. 10-11]).

Возникающая в финале рассказа карнавальная ситуация, являющаяся следствием выпадения героев из привычного ритма жизни, оказывается, однако, лишенной радостного наполнения, свойственного традиционному карнавалу. Максим и поп пляшут «*с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и стран-*

ным, что они пляшут» [Шукшин, 1975, с. 128]. В этом безрадостном зрелище, завершающем диалог Максима с попом, проявляются общие закономерности трансформации карнавальных образов и мотивов в литературе XX века. По наблюдению А.А. Гринштейна, «тема отчуждения, безусловно центральная в литературе нашего столетия, наполняет любые изображения праздника особыми, неведомыми карнавальной культуре коннотациями, превращая карнавальную противопоставленность праздника будням... из ключа постижения истины... в источник отчаянья» [Гринштейн, 1996, с. 122]. Душевное сближение героев рассказа оказывается сближением людей, утративших жизненные ориентиры, неспособных дать ответ на волнующие их вопросы, поэтому их единение в карнавальном действии не приводит к созданию подлинно карнавальной атмосферы, мотив праздника подменяется мотивом несостоявшегося праздника. А.И. Куляпин и О.Г. Левашова, указывая на проявляющийся в рассказе сакральный мотив – действие происходит в воскресный день, отмечают также, что «пляска-отчаяние... в философско-символическом плане означает несостоявшееся чудо Воскресения для героев» [Куляпин, Левашова, 1999, с. 110].

Подводя итог, мы можем выделить в качестве основных признаков карнавализованного диалога в рассказе «Верую!» включение диалога в снижающий, профанирующий контекст (создаваемый посредством мотивов застолья и опьянения), амбивалентный образ героя-носителя объясняющего слова, подмену дидактического, проповедующего слова профанирующим, бранным словом, фамильярный контакт участников диалога, подмену прямого сопоставления миро-воззренческих взглядов обменом реплик, обращенных к личности собеседника (что является специфической чертой диалога в рассказах Шукшина), переход слова в действие, имеющее площадную, балаганную окрашенность. В целом можно сказать, что результатом диалогического соотнесения объясняющего слова попа и вопрошающего слова Максима становится утверждающее слово «верую!», выступающее как слово-символ, призванное выразить одновременно и общее стремление участников диалога к осмыслению своего бытия, и неспособность познать смысл бытия и выразить его в слове. Эта неспособность героев рассказа выразить некое завершённое, готовое утверждение о смысле бытия также является яркой чертой карнавального мироощущения, которое, по словам М.М. Бахтина, «враждебно всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незыблемость и вечность» [Бахтин, 1965, с. 14].

В заключение стоит сказать, что представленная в рассказе «Верую!» словесно-зрелищная форма карнавализованного диалога может быть сопоставлена с аналогичными формами, представленными в других рассказах Шукшина, таких как «Космос, нервная система и шмат сала», «Билетик на второй сеанс», «Беседы при ясной луне» и др. В каждом из этих рассказов проявляются свои художественные особенности, касающиеся содержательного наполнения диалога, образов героев-участников диалога и зрелищного контекста, в рамках которого осуществляется диалог. Дальнейшие исследования в этом направлении будут способствовать более глубокому пониманию значения словесно-зрелищной формы карнавализованного диалога для своеобразия художественного картины мира, представленной в творчестве В.М. Шукшина.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983.
- Горн В.Ф. «Прорваться в будущую Россию» // Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Барнаул, 1991.
- Гринштейн А.А. Квазикарнавальные мотивы и образы в литературе XX века // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996.
- Ковтун Н.В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1.
- Козлова С.М. «Воля» и «праздник» в творчестве Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
- Кукуева Г.В. «Драматизированный» диалог В.М. Шукшина // Русская речь. 2008. № 5.
- Куляпин А.И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису. Барнаул, 2005.
- Куляпин А.И., Левашова О.Г. Шукшин и русская литература XIX века // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
- Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси // Избранные работы. В 3-х тт. Л., 1987. Т. 2.
- Хисамова Г.Г. Язык современной художественной прозы: диалог в рассказах В.М. Шукшина. Уфа, 2000.
- Шукшин В.М. Беседы при ясной луне. Рассказы. М., 1975.
- Шукшин В.М. «Я родом из деревни...»: беседа с корреспондентом газеты «Уни-та» // Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Барнаул, 1991.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Л.Г. Валиева

Ключевые слова: цель, причина, следствие, целевое отношение, причинно-следственное отношение, тюркские языки.

Keywords: purpose, reason, effect, target relation, cause and effect (causal) relation, Turkic languages.

В условиях антропоцентризма современной лингвистической науки исследование языковой реализации разных семантических отношений представляет несомненный научный интерес. Исследование выражения мыслительных категорий средствами синтаксического уровня языка, безусловно, является актуальным.

Понятия «цель», «причина» и «следствие» представляют собой логико-философские категории. «Цель – один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств» [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 731]. Цель – это ожидаемый результат определенных действий субъекта действия. Причина же вызывает другое явление, называемое следствием, предшествует ему во времени и является основой его возникновения. Таким образом, цель, в отличие от причины и следствия, направлена на будущее, ее осуществление требует какой-либо осознанной деятельности.

«На ранних этапах развития человеческого мышления существует определенное слияние (недифференцированность) причинных и целевых отношений...» [Маслиева, 1980, с. 26]. Древнегреческий философ Аристотель (384–322 годы до н.э.) выделяет четыре вида причин бытия, в том числе и целевую причину, определяет ее как то,

ради чего что-либо происходит [Радугин, 2004, с. 60]. Таким образом, цель рассматривается как один из видов причины. Некоторые лингвисты утверждают, что значение цели отличается от причинно-следственной семантики по модальности, связывают цель с ирреальной модальностью, а причину и следствие – реальной (Н.А. Андрамонова). Существуют исследования языковедов, в которых целевые конструкции изучаются как производные от причинных, цель определяется как желательное следствие (труды В.А. Белошапковой, С.Ж. Тажибаевой). Как утверждают другие исследователи, «цель» – толкуемое понятие, а «причина» – нетолкуемое. «Цель толкуется как раз через причину, но с другой стороны, при описании причинной лексики мы не можем обойтись без обращения к ситуации целеполагания» [Богуславская, Левонтина, 2004, с. 69]. Действительно, в понятие цели входит и семантика причины. При целевых отношениях действия совершаются субъектом, потому что он полагает, что эти действия помогут ему достичь желаемой цели.

Целевая семантика, как и каузальная, реализуется на разных синтаксических уровнях. На уровне простого предложения целевые и причинно-следственные отношения представляются с помощью обстоятельств цели и причины. Сложность разграничения этих отношений в тюркских языках связана в первую очередь с тем, что одни и те же средства связи способны репрезентировать как каузальную, так и целевую семантику. Обстоятельство цели, как и обстоятельство причины, может выражаться именами существительными в направительном падеже, зависимыми членами, подчиненными главному при помощи послелога (азерб. *үчүн*, башк. *өсөн*, карач.-балк. *ючюн*, тат. *өчен*, узб. *учун* и др.), вспомогательного слова (башк. *тип*, карач.-балк. *деб*, тат. *дип* и др.). Таким образом, смысловое содержание остается единственным способом различения целевой и причинно-следственной семантики. Сравним: тат. *Егет тә, кыз да тырышлыклары өчен уңыш бәйрәмендә булукләнәләр* (Г. Мөхәммәтшин). ‘И парень, и девушка награждаются за старательность на празднике урожая’; *Без бит монда хушлашыр өчен килдек* (Р. Зәйдулла). ‘Мы пришли сюда, чтобы попрощаться’. В обоих предложениях есть послелог *өчен*, который связывает зависимый компонент словосочетания с главным и устанавливает между ними определенные смысловые отношения. В первом предложении парня и девушку награждают за старательность, то есть награждение – результат, следствие их старательности, старательность – причина награждения, передается каузальная семантика. Во втором случае называет-

ся конкретная цель прихода, пришли, чтобы попроситься, действие направлено на будущее, между обстоятельством и сказуемым устанавливается целевое отношение. Карач.-балк. *Иги ишлегени ючюн Назифатха орден берилгенди*. ‘За хорошую работу Назифат дали орден’ [Алиев, 1972, с. 196]; *Итге арыкълыгъын билдирмез ючюн бёрю тюгюн чюйре айландыра эди*. ‘Чтобы не показать собаке свою худобу, волк шерсть свою наизнанку вывернул’ [Алиев, 1972, с. 198]. В обоих примерах видим одинаковые средства связи, однако предложения передают разные смысловые отношения. В первом предложении репрезентируется каузальность; во втором – выражается целевая семантика.

Как видим, в простых предложениях, содержащих каузальность, следственная часть выражается в основной субъектно-предикатной линии, в обстоятельстве причины заключается причинная часть: башк. *Кыйыу улдар тыузырганы өсөн Куккэ осоролган ауылдар*. ‘В небо прахом взмечены аулы за то, что породили отважных сынов’ [Грамматика современного..., 1981, с. 414]; узб. *Мен бу ерлар билан таниши бўлмаганим учун бу дарёнинг қайси дарё эканини ва исмини ҳам билмас эдим*. ‘Так как я не был знаком с этими местами, я не знал, что это за река, и даже не знал ее названия’ [Кононов, 1960, с. 383].

При выражении значения цели послелог *өчен* указывает на осознанную деятельность субъекта, который в большинстве случаев действует в чьих-то интересах. Обстоятельство выражает цель совершения действия, названного сказуемым. Например: башк. *Кеше донъяны йәмһезләү өсөн түгел, матурлау өсөн йәшәй*. ‘Человек живет для того, чтобы украшать, а не осквернять землю’ [Грамматика современного..., 1981, с. 415]; тат. *Яшьләргә комачауламас өчен, әкрәнгә чыгып киттем* (Г.Мөхәммәтшин). ‘Чтобы не мешать молодым, я тихонько вышел’; узб. *Бахт қушини ушламоқ учун бахт овига чиқинлар*. ‘Для того чтобы поймать птицу счастья, выходите на охоту за счастьем’ [Кононов, 1960, с. 303].

Одним из способов выражения каузальности в тюркских языках являются деепричастные формы в простом или осложненном виде. Деепричастия обозначают причину, которая заключается в добавочном действии. Как показал анализ языкового материала, форма деепричастия *-ып/-еп* может выражать и целевую семантику.

Наши наблюдения позволяют говорить о том, что при репрезентации причинно-следственных отношений чаще всего деепричастные формы выражают мотивы выполнения процесса, эмоционально-психическое состояние лица, совершившего действие: тат. *Баласын*

тартып алуларыннан куркып, күкрәгенә ныграк кысты (М. Хужин). ‘Испугавшись, что ребенка отберут, сильнее прижала к себе’; *Албуга уңайсызланып кып-кызыл булды* (Н. Фәттах). ‘Албуге стало неловко, и он покраснел’; *Хаксызлыкны күрәп ярсыйм, шашам, / Матурлыкны күрәп тезләнем* (Р. Вәлиев). ‘От несправедливости прихожу в ярость, преклоняюсь перед красотой’. – Сильнее прижала к себе ребенка по той причине, что испугалась; покраснел, потому что стало неловко; прихожу в ярость, так как вижу несправедливость – выражаются причины, которые привели к неосознанному, точнее, к неконтролируемому следствию. А при репрезентации цели действие совершается с определенной целью, осознанно: башк. *Рәшит, Әминәне тынысландырырга теләп, низер әйтте*. ‘Желая успокоить Амину, Рашид что-то сказал ей’ [Грамматика современного..., 1981, с. 415]; тат. *Әнкәй, бәләш пешерергә жыенып, мичкә ягып жибәрде* (Р. Вәлиев). ‘Мать, собравшись делать белиш, затопила печку’. В этих примерах выражается намерение субъекта действия.

На уровне сложного предложения целевые и причинно-следственные отношения репрезентируются с помощью придаточных предложений цели и причины. И придаточное причины, и придаточное цели присоединяются к главному предложению при помощи слова *дип*, послелога *өчен*. Например, карач.-балк.: (1) *Мен бери*, (2) *сен манга бир иги сёз айтырса деб*, (1) *келген эдим*. ‘Я приехал сюда, чтобы ты мне сказал хорошее слово’ [Алиев, 1972, с. 319]; (1а) *Сен юзюлюб кьалырса деб*, (2б) *кьарт мени кьошда бир ыйыкьны тутхан эди*. ‘Из-за боязни, что я заболею повторно, старик держал меня неделю’ [Алиев, 1972, с. 197]. По структуре оба предложения одинаковы: придаточные части (2, 1а) присоединены к главным (1, 2б) с помощью слова *деб*. В первом примере выражена целевая, во втором – причинно-следственная семантика: приехал, чтобы услышать хорошее слово; старик держал его неделю, потому что боялся. Тат. (1) *Балалар ач булмасын дип*, (2) *сату өчен икмәк пешерә, прокатка машина алып кием тегә, бәйләу бәйли* (Ә. Баянов). ‘Для того, чтобы детям не пришлось голодать, она печет хлеб для продажи, взяв напрокат машину, шьет одежду, вяжет’. В этом примере зависимое предложение (1), связанное с главным (2) при помощи вспомогательного слова *дип*, является придаточным цели, так как перечисленные во второй предикативной единице действия совершаются целенаправленно для достижения названной в первом компоненте сложного предложения цели. (1) *Жир белән Күк сугыша дип*, / (2) *йөрәгем яргаланды...* (Р. Харис). ‘Сердце оборвалось, оттого что враждуют Небо и Земля’. И в этом предложении придаточная часть (1) связана с глав-

ной (2) словом *дип*, однако между компонентами сложного предложения устанавливается каузальное отношение: сердце лирического героя оборвалось по той причине, что Небо и Земля враждуют.

Слово *деб* выступает в роли целевого и причинного союза в узбекском языке. Например: *Вақт ўтмасин деб, болтни устахонада тайёрлатдим*. ‘Чтобы не прошло (зря) время, я велел сделать болт в мастерской’; *Қурбон ота Ўрмонжон ҳали узил-кесил бир гап айтгани йўқ деб, Сидиқжонга тасалли берабошлади*. ‘Курбан ата начал утешать Сыдыкджана, так как Урманджан еще не сказал решительного слова’ [Исследования по сравнительной грамматике..., 1961, с. 157].

Одним из средств связи компонентов сложноподчиненного предложения с аналитическими придаточными являются относительные слова *шуның өчен, моның өчен*. Чаще *шуның өчен* используется в сложноподчиненном предложении с придаточным причины, а *моның өчен*, как правило, – с придаточным цели. Например: тат. *Сатлыкжанны таный алмадым / һәм күрсәттем жәпнең очын мин, / Вәждан газобының ялкынын / йотып янам шуның өчен мин* (Р. Харис). ‘Я не смог распознать предателя и выдал ему наши тайны, за что теперь мучаюсь от угрызения совести’. *Монда элек поши күп иде. Аларны усал кешеләр качып-посып ата иде, моның өчен кар төшүен кәтәләр* (Г. Мөхәммәтшин). ‘Раньше здесь было много лосей. Злые люди охотились на них, для этого ждали, когда выпадет снег’.

Цель, в отличие от каузальности, тесно связана с понятиями желать и хотеть, поэтому часто сказуемое придаточного предложения цели принимает форму побудительного наклонения с оттенком пожелания. Например: башк. *Яззарибыз яқты булһын өсөн, без теләйбез ерзә тыныслық*. ‘Мы хотим мира на земле для того, чтобы наша весна была прекрасной’ [Грамматика современного..., 1981, с. 462]; тат. *Минем нинди шәп егет икәнемне әниң белсен, әниң күрсен дип кыланам инде* (Г. Мөхәммәтшин). ‘Я стараюсь для того, чтобы твоя мама поняла, какой я славный парень’.

Связь цели с желанием субъекта действия особенно отчетлива при трансформации целевых отношений в причинно-следственные как в простом, так и в сложном предложении. Например: башк. *Қапқан һалдым қара ташқа күк бүрене алам тип...* ‘Поставил капкан на черный камень, чтобы поймать серого волка’ [Грамматика современного..., 1981, с. 415] – *Қапқан һалдым қара ташқа, сөнки күк бүрене аласым килде*. ‘Поставил капкан на черный камень, потому что хотел поймать серого волка’; тат. *Аның йөзәндә кызыллык*

китермим дил, тырыша-тырыша дәрәсләремне әзерлим (Г. Мөхәммәтшин). ‘Чтобы не заставлять его краснеть, я старательно делаю уроки’. – *Тырыша-тырыша дәрәсләремне әзерлим, чөнки аның йөзенә кызыллык китерәсем килми*. ‘Я старательно делаю уроки, потому что не хочу заставлять его краснеть’.

И придаточные причины, и придаточные цели могут присоединяться к главному предложению при помощи направительного падежа. Когда придаточное предложение обозначает причину действия главного, в большинстве случаев форму направительного падежа принимает сказуемое синтетического придаточного, выраженное причастием: башк. *Новиков үзенең фекере менән Томинканың фекере яқын булганга шатлана*. ‘Новиков радуется тому, что его мнение близко мнению Томина’ [Грамматика современного..., 1981, с. 460]. При передаче целевой семантики форму направительного падежа принимает, как правило, сказуемое придаточного предложения в побудительном наклонении: тат. *Безнең мунча янында, узган-барган машина-трактор бәрәп китмәсенгә, зур таи куелган* (З. Хөсния). ‘Чтобы не сбили проезжие машины или тракторы, возле нашей бани поставлен большой камень’.

В татарском языке целевая семантика может выражаться с помощью послелога *белән* (например, *эш белән килү* – ‘прийти по работе’), что в основном характерно разговорному стилю. Этот же послелог служит для репрезентации каузальности. Как правило, с помощью послелога *белән* указывается на то, что причиной события или состояния субъекта выступает присущее ему свойство. Например: *Яшьлеге белән беркатлы Равилә аларның кулларыннан товарны тартып диярлек ала* (Ф. Яруллин). ‘Наивная по своей молодости Равила почти что вырывает товар из их рук’.

Четкое разграничение причинно-следственных и целевых отношений в тюркских языках наблюдается при выражении этих семантик с помощью слов *нәтижәсендә* ‘в результате’ и *мақсатында/мақсаты белән* ‘с целью’: тат. *Шундый батыр сугышу нәтижәсендә жиңәргә мөмкин булмаган урыннарда да жиңеп чыгалар* (А. Шамов). ‘В результате такого самоотверженного сражения они побеждают даже там, где это невозможно’; башк. *Халықты хезмәтләндерүгә яқшыртуу мақсатында қалаларза ла, ауыл ерзәрендә лә автобустар паркы байтақ тулыландырыласақ*. ‘В целях улучшения обслуживания населения автобусный парк будет существенно пополнен как в городах, так и в сельской местности’ [Грамматика современного..., 1981, с. 415]; узб. *У ўқимоқ мақсади билан келди*. ‘Он пришел с целью/для того чтобы учиться’ [Кононов, 1960, с. 362].

В тюркских языках причинно-следственные и целевые отношения могут устанавливаться между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений. Например: азерб. *Хəзан кəлди, сојуглар дүшдү.* ‘Пришла осень, холода начались’; *Торпагы дуз басмыш, кəндлилэр дə башга јерə көчмүшлэр.* ‘Земля покрылась солью, крестьяне перекочевали в другое место’ [Грамматика азербайджанского языка, 1971, с. 377]. В данных примерах первый компонент сложносочиненного предложения содержит причину, во втором компоненте выражается следствие этой причины. А в бессоюзном сложносочиненном предложении *Мən сəни сечмишəм, əмələ гардаш, көзəl пəјтахтымыз шən олсун.* ‘Я тебя избрал, рабочий брат, пусть прекрасная столица наша ликует’ [Грамматика азербайджанского языка, 1971, с. 398] выражена целевая семантика.

Как видим, причинно-следственные и целевые отношения имеют непосредственную связь с мыслительной деятельностью человека, формальные показатели не могут служить средством их разграничения. Кроме того, эти отношения могут репрезентироваться имплицитно. Таким образом, наличие тех или иных связей определяется с помощью анализа смыслового содержания предложения либо контекста.

Литература

- Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2.
Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971.
Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961. Ч. III.
Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
Маслиева О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка). Л., 1980.
Радугин А.А. Философия. М., 2004.
Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Список сокращений

- Азерб. – азербайджанский.
Башк. – башкирский.
Карач.-балк. – карачаево-балкарский.
Тат. – татарский.
Узб. – узбекский.

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ
С ПОЗИЦИИ КАТЕГОРИЙ «ДИСКРЕТНОСТЬ»
И «КОНТИНУАЛЬНОСТЬ»**

О.В. Торопчина

Ключевые слова: гендер, пол, язык, функциональная асимметрия мозга, дискретность, континуальность.

Keywords: gender, sex, language, functional asymmetry of a brain, discreteness, continuity.

Дискретность (прерывность) и континуальность (непрерывность) являются абстрактными категориями, в рамках которых могут быть описаны свойства самых различных объектов в разных областях науки.

Философский словарь дает следующее определение данным категориям: «прерывность и непрерывность – существенные характеристики, отражающие противоположные, но взаимосвязанные свойства материальных объектов» [Философский словарь, 1991, с. 361]. Дискретные состояния характеризуются прерывностью, которая выражается в виде отдельных устойчивых элементов систем. Непрерывность находит себя в целостности систем, которая обладает бесконечностью связей дискретных элементов, и постепенном, плавном переходе из одного в другой. Согласно положениям диалектического материализма, прерывность и непрерывность могут не только противопоставляться друг другу, но и находиться во взаимосвязи и единстве.

Разработки идеи дискретности и континуальности в их соотношении с антиномией языка и мышления представлены в работах общетеоретического плана. В ряде исследований подчеркивается мысль о том, что мышление континуально (непрерывно) [Налимов, 1978, с. 287; Лосев, 1998, с. 146], в то время как язык является средством дискретизации континуального мышления [Налимов, 1978, с. 288; Звегинцев, 1982, с. 78]. В.В. Налимов считает, что язык – это дискретный способ передачи информации, с которым тесно связано континуальное мышление человека.

В.А. Звегинцев отмечает, что до момента вербализации язык бездействен, но начинает принимать активное участие на этапе вычленения концепта из континуума действительности, и восприятию предстает уже не бесформенный, лишенный границ эпизод, а некоторая структура, организованная по определенным правилам, существующим в языке [Звегинцев, 1982, с. 78].

В то же время исследователи сходятся в том, что языковые единицы имеют двойственный характер относительно дискретности и континуальности. Они обладают способностью соединяться между собой и тем самым образовывать континуум [Кашкин, 2001; Немировская, 2006, с. 212]. По мнению Э. Кассирера, «...в языке человек вновь обретает единство континуального мира, разбитое дискретным опытом. Именно язык позволяет создать синтетическое единство из дискретных интуиций. ...разделение ведет к единству, и именно язык обладает свойством объединять в той же мере, как и разделять» [Cassirer, 1969, с. 37].

На сегодняшний день в лингвистике существуют исследования, в которых проблема дискретности и континуальности языка совмещается с некоторыми положениями физики, а именно с идеями квантовой механики [Диброва, 2011]. Экспериментальные исследования квантовой механики показали, что элементарные частицы обладают как корпускулярными (прерывными), так и волновыми (непрерывными) свойствами. Опираясь на работы американского физика Г. Степпа, который рассматривает мозг в качестве самопрограммируемого компьютера, регулирующего мозговые процессы в соответствии с причинными квантово-механическими законами (прерывности-непрерывности), Е.И. Диброва считает, что квантование характерно также и для речевого мышления.

Речевое мышление выработало приемы изложения мысли в определенной последовательности и членимости, что находит свое отражение в различных типах текста. С точки зрения квантовой членимости, это дискретность, или фрагментарность повествования. Е.И. Диброва отмечает, что квантовость (дискретность) человеческого мышления и оформление его в речевых актах в виде отдельных порций определяет структуру содержания текста. Прерывистость мысли спонтанна, произвольна и проявляет себя в пространстве текста. Таким образом, текст имеет двоякую структуру, которая состоит из корпускулы (ядра) и дискретности (прерывности и расчлененности) [Диброва, 2011].

Современные нейрофизиологические данные доказывают, что у женщин мозг менее асимметричен, чем у мужчин [Вольф, 2004]. Клинические исследования асимметрии мозга с помощью регистрации электроэнцефалограммы обнаружили, что специализация правого полушария у мужчин и женщин различна, а левое полушарие функционирует одинаково независимо от пола. За регуляцию вербальной деятельности у мужчин отвечает левое полушарие, а правая гемисфера специализируется в образном, пространственном и аналоговом мышлении. У женщин речевые функции находятся во фронтальной части левого полушария, а также в немного меньшей по размеру части правого полушария, то есть в обеих гемисферах. Кроме того, еще одним, не менее важным факто-

ром, определяющим различия в организации речевых функций в полушариях у мужчин и женщин, являются выявленные неврологами половые различия в организации мозолистого тела (этот орган служит для возможности обмена информацией между правым и левым полушариями). Данные различия были обнаружены в задней части мозолистого тела. У женщин размеры мозолистого тела больше, чем у мужчин (на 30% выше количество соединений между правой и левой гемисферами). Методом ядерного магнитного резонанса было установлено, что у женщин такие способности, как продуцирование слов, начинающихся на заданную букву, подбор нескольких слов одинакового значения, конструирование предложений, напрямую связаны с величиной задней части мозолистого тела, тогда как у мужчин успешность выполнения задач, которые требуют лексического решения, отрицательно коррелирует с полушарными различиями в речевых функциях, связанных с каудальными речевыми зонами, а также размерами мозолистого тела. [Вольф, 2004].

Помимо этого, существуют данные, позволяющие утверждать, что различия когнитивных процессов у мужчин и женщин проявляются не только в успешности осуществления некоторых видов мыслительной деятельности, но и в стратегиях, на которых она базируется [Вольф, 2004].

Таким образом, факт разной выраженности функциональной асимметрии мозга, а также половые различия размеров некоторых областей мозолистого тела объясняют многие несовпадения и специфику когнитивных процессов мужчин и женщин, в том числе и вербальных.

Исходя из того, что различия в специализации мозга имеют гендерно детерминированный характер, а процессы порождения речи могут проявляться как прерывные и непрерывные, мы выдвинули предположение, что категории дискретность и континуальность могут специфичным образом отражаться в процессах порождения текста мужчинами и женщинами. Возможно, что мужчины склонны к большей континуальности и плавным, последовательным переходам в текстопорождении, так как регуляция вербальной деятельности у них осуществляется в одном полушарии. Е.И. Горошко отмечает, что «у мужчин нередко перед высказыванием происходит этап анализа, классификация, категоризация» [Горошко, 1996, с. 23], и это отражается в синтаксической структуре предложений. Женщины намного реже склонны к последовательному анализу в мышлении и предпочитают выдавать информацию частями, также для них характерным является перескакивание с одной мысли на другую. [Горошко, 1996 с. 23]. Это также вполне объясняется нейрофизиологическими данными: у женщин речевые области расположены сра-

зу в двух полушариях, поэтому механизмы вербальных функций могут перекрываться, что, в свою очередь, может вести к неоднородности и дискретности женского текста.

Мы попытались проверить данное предположение при помощи используемой в экспериментальной психолингвистике методики, которая связана с синтаксическим анализом предложения в процессе речепорождения, а именно: методика «заканчивания предложения» (sentence completion study) [Федорова, 2008, с. 5]. Смысл данной методики заключается в том, что испытуемому дается некоторая преамбула (предложение-стимул), которую им необходимо закончить первым, что придет в голову. Считается, что «время реакции отражает нагрузку на когнитивный аппарат» [Федорова, 2008, с. 6], которая возникает у человека во время анализа некоторого фрагмента языкового материала. Объектом анализа являются формальные маркеры отношений между текстом-стимулом и текстом-реакцией как репрезентанты категорий «дискретность» и «континуальность».

Таким образом, был проведен психолингвистический эксперимент, цель которого заключалась в обнаружении различий в стратегиях мужчин и женщин, по которым происходит разворачивание предложения-стимула. В эксперименте приняло участие 500 человек в возрасте от 16 до 40 лет: 250 мужчин и 250 женщин.

Необходимо отметить, что вышеописанная методика была частично модифицирована, так как в действительности информантам предлагалось в письменной форме не закончить, а продолжить стимульное предложение. Ограничений на объем (длину продолжения предложения) наложено не было, также участникам эксперимента не было сказано, как именно продолжить предложение-стимул (одним словом, одним предложением или несколькими предложениями). На написание отводилось 15 секунд, таким образом, мы пытались создать условия спонтанности продолжения предложения. В качестве предложения-стимула было взято предложение из рассказа К.Г. Паустовского «Прощание с летом»: *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения.*

В результате эксперимента было получено 500 реакций: 250 мужских и 250 женских. Все продолжения предложения-стимула условно были разделены на *дискретные и континуальные*.

Континуальное продолжение предложения представляет собой такое продолжение, которое непрерывно связано с предложением-стимулом, например, *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения счастья; Однажды ночью я проснулся от странного ощущения в животе*. В этом случае компонент продолжения выступает в качестве зависимого слова при синтаксической связи «управление» (может быть с

предлогом или без предлога). Также к *континуальным* были отнесены продолжения, связь в которых с исходным предложением осуществляется посредством подчинительных и сочинительных союзов, например, *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения, как будто часы перестали тикать, но вроде все в порядке, но чего-то не хватало; Однажды ночью я проснулся от странного ощущения и дальше лег спать*. В данных примерах союзы являются *соединительным звеном*, которое обеспечивает плавный, последовательный переход между предложением-стимулом и его продолжением.

Под *дискретным* продолжением предложения мы понимаем такое, в котором компонент продолжения не является связанным с исходным предложением формальными средствами связи, например, *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Было холодно и страшно; Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Кто-то постучал в окно*. Помимо этого, к дискретному типу мы отнесли предложения, которые характеризуются наличием формальной связи между предложением-стимулом и компонентом его продолжения, но в то же время эта связь является *прерывной* (выражается такими показателями, как местоимения, повторы слов), например, *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Я подумал, что проспал; Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. По мне кто-то ходит*.

Характеристика по указанным параметрам отдельно просчитывалась для мужских и для женских продолжений предложения-стимула.

При обработке результатов эксперимента были использованы методы факторного, количественного и сопоставительного анализа, которые позволяют описать специфику проявления выбранных параметров мужских и женских мини-текстов.

Ниже представлен количественный анализ результатов эксперимента (см. табл. 1).

Параметры	Мужские реакции	Женские реакции
Дискретные продолжения предложения-стимула	141 (56,4%)	135 (54%)
Континуальные продолжения предложения-стимула	109 (43,6%)	115 (46%)

Таблица 1. Результаты количественного анализа экспериментального исследования гендерной специфики порождения текста на материале спонтанных продолжений предложения с позиции категорий дискретность / континуальность

Таким образом, по результатам количественного анализа можно сделать вывод о том, что в условиях данного психолингвистического эксперимента спонтанные мужские и женские продолжения предложения-стимула не обнаружили каких-либо существенных различий по избранным для анализа критериям. Однако возможно, что полученный отрицательный результат может свидетельствовать о мало-значительности формальных маркеров, реализующих категории *дискретность* и *континуальность* в тексте, для установления такого рода отличий. Кроме того, с нейрофизиологической точки зрения это объясняется тем, что при использовании различных стратегий для решения одних и тех же когнитивных задач, в том числе и вербальных, мужчины и женщины не всегда приходят к разным результатам на выходе. Применяемые ими различные стратегии способствуют оптимальному использованию особенностей организации нейросетей мозга, и таким образом достигается одинаковая продуктивность деятельности.

Литература

- Вольф Н.В. Половой диморфизм функциональной организации мозга при обработке речевой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://cerebral-asymmetry.narod.ru/Wolf.htm>
- Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения : дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Диброва Е.И. Квантовость и скажность как проявление речевого мышления // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 3.
- Звегинцев В.А. Язык и знание // Вопросы философии. 1982. № 1.
- Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж. ВГТУ, 2001.
- Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления // Вопросы философии. 1998. № 8.
- Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бес-сознательное. Тбилиси, 1978.
- Немировская А.В. Интегративный подход к переводу метафоры в художественном тексте // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 3.
- Федорова О.В. Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. М., 2008.
- Философский словарь. М., 1991.
- Cassirer E. Le langage et la construction du monde des objects (1933) // Essais sur le langage. Présentés par Jean Claude Pariente. P., 1969.

**О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В
МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
ГАЗЕТЫ «ТРОИЦКИЙ ВАРИАНТ»)**

Т.А. Полтавец

Ключевые слова: научно-популярный текст, медиадискурс, стилистика текста.

Keywords: popular-science text, media discourse, text stylistics.

Академические периодические издания – один из основных способов представления результатов исследований в различных областях науки. Информация, опубликованная в них, впоследствии частично замещается массовыми изданиями, которые выпускаются большим тиражом, но рассчитаны на менее подготовленного и не столь заинтересованного читателя. Вследствие этого меняется прагматика и стилистика текста, несущего информацию, вернее – для передачи той же информации создается новый текст с иными установками, входящий в массив научно-популярного дискурса. Отправной точкой для изменения характеристик текста становится фактор адресата [Арутюнова, 1981; Чернышова, 2013] как определяющий в сфере СМИ.

В современной стилистике научный текст подробно изучен [Кожина, 1966; Салимовский, 2002 и др.], научно-популярный текст также неоднократно становился объектом изучения [Воронцова, 2012; Костяшина, 2008; Маевский, 1979]. Не меньшее внимание уделяют исследователи газетным текстам и медиадискурсу (например: [Дускаева, 2012; Клушина, 2008; Костомаров, 1971; Чернышова, 2014]). Целью данного исследования является изучение функционально-стилистических особенностей научно-популярных текстов, ориентированных на определенные социальные группы и функционирующих в медиадискурсе. Соответственно, предмет исследования – научно-популярные тексты, объект – их стилеобразующие особенности. В качестве материала для исследования взят номер газеты «Троицкий вариант», которая представляет собой профессионально ориентированное издание.

Согласно Т.А. Воронцовой, научно-популярный дискурс может быть представлен в двух разновидностях печатных медиаисточников – 1) специализированных научно-популярных журналах, освещающих одну научную отрасль, несколько взаимосвязанных или разнообразные научные отрасли и 2) массовых, «многопрофильных» газет и журналов, отражающих актуальные события в разных областях общественной жизни.

ни [Воронцова, 2012, с. 280]. Избранное нами для рассмотрения издание совмещает черты этих двух разновидностей, отчетливо тяготея к типу «многопрофильной газеты».

Целевой аудиторией «Троицкого варианта» (далее – «ТрВ») являются ученые, не только как исследователи, но и как члены социума. Как следствие, материалы, публикующиеся в «ТрВ», делятся на две группы: в первую входят научно-популярные тексты, во вторую – публицистические тексты (в основном отражающие жизнь научного сообщества как социального института).

В анализируемом номере журнала из 25 материалов 18 представляют вторую группу и только 7 являются научно-популярными текстами. Это соотношение сохраняется от номера к номеру, испытывая незначительные колебания: так, в следующем по порядку за исследуемым номером № 152 это соотношение 19 и 5, в самом свежем (на момент написания статьи) номере 170 это 17 и 5. Таким образом, публицистические тексты всегда составляют более 70% от общего количества статей, научно-популярные – менее 30%.

Во всех научно-популярных текстах исследуемого номера автор предстает как субъект более осведомленный, как профессионал, излагающий материал читателю-непрофессионалу. Эта особенность присуща не только русским научно-популярным текстам – исследователь Дж. Энгберг отмечает асимметричность отношений между отправителем и получателем сообщений в английском научно-популярном дискурсе (цит. по [Копылова, Олянич, 2013]). При формулировке гипотезы исследования мы предполагали, что специфика выбранного для анализа СМИ (а именно то, что целевую аудиторию составляют ученые) допускает появление в газете текстов, построенных по модели взаимодействия «профессионал-профессионал», характерной для специализированных научно-популярных журналов. Однако это предположение не подтвердилось – возможно, это связано с ограниченным по объему материалом исследования.

Научно-популярные тексты, представленные в газете, в целом можно разделить на две подгруппы. В первую входят тексты, информирующие о конкретном событии / достижении в мире науки («Микроб, который чуть не погубил жизнь на земле», «Лазер тушит пожары», «Гитаническое волнение», «Триллион ароматов»), во вторую – тексты обзорного типа, где даётся характеристика положения дел в той или иной научной области («Не будь ортогонален поискам в темноте!», «Я люблю звучание испанского», «Есть общая проблема знания терминологии»).

Можно выделить ещё несколько оснований для классификации текстов, позволяющих сделать предположение об их функционально-

стилистических особенностях. Представляется полезным проанализировать тексты по следующим признакам:

- по отношению к экспрессивности (нейтральность / нейтральность изложения);
- по общетекстовой модальности (объективность / субъективность)¹;
- по преобладающей функции текста в зависимости от коммуникативного задания и стилистического эффекта, на который рассчитывает автор текста (информирование, воздействие, просвещение, назидание и т.п.);

Проиллюстрируем указанные признаки несколькими примерами.

I. По отношению к экспрессивности.

1. Так, стилистическая тональность публикации «Микроб, который чуть не погубил жизнь на земле» носит в целом позитивно-оценочный характер. Экспрессивность создается за счет использования риторических вопросов (*почему экосистемам Земли пришлось так туго? Что может вызвать такие изменения?*), разговорных речевых оборотов (*вулканизм – дело обычное, и вот Дэна специально пригласили, экосистемам Земли пришлось туго*), экспрессивной лексики (*очередная порция рецензий; убийственный микроб*), апелляции к образам массовой культуры (*геофизик с внешностью доктора Шелдона Купера*).

2. Схожая стилистическая тональность – в статье «Лазер тушит пожары». Экспрессивность обеспечивается использованием риторических вопросов (*как и чем заглушить... газовую скважину?*), разговорных синтаксических конструкций (*даже в голову не могло прийти, никто и подумать не мог, пока простые граждане страны с содроганием смотрят по ТВ, применений – море*), экспрессивной оценочной лексики (*кадры ужасающих катастроф, в условиях бушующего пламени и невероятно высоких температур, эпицентр окружен грудой тяжелых искореженных конструкций, в условиях мощнейшего пламени, в сложнейших условиях*).

3. Статья «Титаническое волнение» в целом стилистически нейтральна, автор избегает экспрессивной лексики, хотя прибегает к развернутым сравнениям (*подобное можно наблюдать на Земле с самолет, пронесшегося низко над озером в сумерках*) и цитирует шутки авторов открытия (*он шутит, что серфингистам там пока делать нечего*).

¹ Под общетекстовой модальностью в статье понимается определяемая автором связь содержания текста с действительностью – текст может отражать действительность или выражать мнение автора. Мнение может выражаться с разной степенью уверенности.

4. Для статьи «Гриллион ароматов» характерна подчеркнутая экспрессивность, которая достигается изложением материала от первого лица, использованием экспрессивной лексики и экспрессивных конструкций (*путаются в показаниях; обезьяны рода Ното (вместо нейтрального люди) обрели иррациональную уверенность в рациональности своих ощущений*). Негативная оценка в материале выражается посредством иронии (*ограниченность возможностей носа в деле познания окружающего мира; надеюсь, их хотя бы отпаивали пивом в перерывах*).

5. Статья «Не будь ортогонален поискам в темноте!» характеризуется умеренной экспрессивностью, которая достигается использованием авторской иронии, образных определений (*храбро делают вид; глубоко-мысленно смотрели на пробирки; нелегкая его возьми; храбрый заяц Варшавский*), экспрессивной лексики (*ошалев от избытка впечатлений; идиллическое самооблечение*).

6. Как и предыдущий текст, статья «Я люблю звучание испанского» в целом наделена умеренной экспрессивностью, которая выражается в эпитетах – нередко «стертых», частотных (*чудовищное количество ошибок; катастрофической ошибкой; забавная вещь; яркий пример; страшные ошибки; забегаловку, сузубо пролетарскую*), разговорными синтаксическими конструкциями, парцелляцией (*Проблема – это такая мощная штука, а задача есть задача. И когда переводишь это слово, нужно понимать контекст; мы, мол, доказываем; там дело разделяется так; я заладил туда ходить*), а также с помощью авторской иронии (*без малейшего стеснения и при полном отсутствии патриотизма; порой она творит ужасные вещи*) и метафор («*гроб с музыкой*»).

7. Небольшой по объему текст «Есть общая проблема знания терминологии» в целом стилистически нейтрален, хотя в тексте присутствуют фрагменты разговорного стиля на лексическом и синтаксическом уровнях (*навскидку; глубоко ввевшееся представление; а вот только вчера мне автор разъяснил*).

II. По общетекстовой модальности.

1. Гипотеза в статье «Микроб, который чуть не погубил жизнь на земле» изложена нейтрально, безотносительно к оппозиции знание/мнение, однако, подводя итог, автор статьи неоднократно подчеркивает, что это лишь одно из многих мнений, имеющих право на существование (*возможно, перед нами действительно решение; новые гипотезы, конечно, приживаются далеко не сразу*).

2. Для статьи «Лазер тушит пожары» характерна объективность, в тексте используется фактический материал, приводятся доказательства, в лексике частотны средства выражения объективной модальности (*успешно прошёл испытания, неоднократно применялся, вполне способен, при-*

ступил к реальному тушению, с задачей справились, полевые испытания показали).

3. Статья «Титаническое волнение» характеризуется субъективностью подачи материала: гипотеза изложена как мнение группы ученых, которое в данный момент не может претендовать на истинность, это неоднократно подчеркивается на лексическом уровне (*утверждают, если информация подтвердится, уверяет, причина может состоять в том, существует ещё вероятность того, не гарантирует, намекал на возможность*).

4. В статье «Триллион ароматов», несмотря на экспрессивность подачи материала, автор доказывает свой тезис, используя верифицируемые данные экспериментов, что позволяет определить общий характер подачи материала как объективный.

5. Статья «Не будь ортогонален поискам в темноте!» значительно превосходит все предыдущие по объему, в ней затрагиваются несколько тем, в некоторых автор излагает собственную точку зрения, придавая ей форму уверенного мнения (*как не быть благодарным; мгновенность и однозначность его ответа означали, так мне говорят коллеги, я уверен, результат очевиден*), в некоторых автор оперирует фактами, маркируя их лексически (*уже известно*).

6. Для статьи «Я люблю звучание испанского» характерна объективная модальность. Хотя вопрос журналиста в зачине статьи (текст выполнен в жанре интервью): «*В чём, на Ваш взгляд, главная ошибка переводчиков?*» допускает развертывание текста в модальности уверенного мнения, текст не содержит лексических маркеров этой модальности. Впрочем, в тексте нет и специальных лексических маркеров объективной модальности, таких как *правда, разумеется, по сути, конечно*. Объективная модальность достигается констатирующим перечислением фактов – основных ошибок переводчиков, которое служит логичной и объективной аргументацией основного тезиса – качество перевода зависит от уровня понимания переводчиком исходного текста.

7. Статья «Есть общая проблема знания терминологии» является, по сути, комментарием для предыдущей статьи, в котором автор, не споря с высказанной в (6) точкой зрения, корректирует её, также придерживаясь объективной модальности изложения, причем, в отличие от предыдущего текста, объективность лексически маркирована (*разумеется, на самом деле*).

III. По преобладающей функции текста.

По этому признаку все тексты разделились на две группы. В одну вошли статьи, в первую очередь **информирующие** читателей 1) о выдвинутой гипотезе («Микроб, который чуть не погубил жизнь на земле», «Ти-

таническое волнение») или 2) о положении дел в какой-либо области науки («Не будь ортогонален поискам в темноте!», «Я люблю звучание испанского», «Есть общая проблема знания терминологии»).

Другую группу составили статьи, выполняющие, предположительно, в равной степени две функции, – **информирующую** и **воздействующую**. Так, в статье «Лазер тушит пожары» цель автора состоит в том, чтобы информировать читателя о разработке ученых и воздействовать на него, создав положительный образ изобретения. В статье «Триллион ароматов» цель автора состоит в том, чтобы информировать читателей о реальных итогах некоего научного исследования и воздействовать на их мнение, опровергнув неверные трактовки, приведенные в других СМИ.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что научно-популярные тексты газеты «Троицкий вариант» обладают следующими характеристиками.

Во-первых, они строятся по стандартной для научно-популярных текстов модели взаимодействия автора и читателя «профессионал / непрофессионал». Во-вторых, они тяготеют к экспрессивному изложению материала, причем экспрессивность ярче проявляется в информационных, а не аналитических (обзорных) текстах за счет использования языковых средств (риторических вопросов и разговорных синтаксических конструкций и др.), шуток, а также апелляций к образам массовой культуры. В исследуемом номере эта характеристика также совпадает с делением текстов по объему, возникла закономерность *малый-информирующий-экспрессивный текст* и *объемный-аналитический-объективный текст*. Расширение материала исследования подтвердит либо опровергнет это предположение. Научно-популярные тексты располагают широким спектром средств выражения экспрессивности: риторические вопросы, разговорные синтаксические конструкции, оценочная лексика, сравнения, эпитеты, ирония. В-третьих, научно-популярные тексты газеты могут быть представлены как в объективной, так и в субъективной модальности. В-четвертых, тексты выполняют информативную и воздействующую функции, что в целом характерно для газетной речи [Костомаров, 1971], однако наблюдается преобладание информативной функции, что выделяет научно-популярные тексты в масс-медийном дискурсе.

Таким образом, в рамках данной статьи выделены некоторые функционально-стилистические особенности научно-популярных текстов в масс-медийном дискурсе на примере газеты «Троицкий вариант», позволяющие сделать предположение о том, что, ввиду особых функций, коммуникативного задания автора и планируемого стилистического эффекта, в изучаемом типе дискурса функционирует особый подстиль речи, соче-

тающий в себе свойства публицистической, научной, научно-популярной и разговорной речи.

Литература

- Воронцова Т.А. Научно-популярный дискурс в СМИ: коммуникативно-прагматический аспект // Лингвистика речи. Медиастилистика. М., 2012.
- Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
- Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
- Копылова В.В., Олянич О.А. Иноязычный лингводидактический дискурс: наука или практика? (пролегомены к определению статуса и к научному описанию) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 11. Орёл, 2013.
- Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- Костяшина Е.А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306.
- Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979.
- Матвеев А.А. Модальность знания и мнения в публицистике: на материале русской и английской публицистики: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.
- Троицкий вариант. 2014. № 7 (151).
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь., 2002.
- Чернышова Т.В. Коммуникативная парадигма: актуальные аспекты изучения языка СМИ // Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник-2014. Барнаул, 2014.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2013

ПУНКТУАЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ ТЕКСТА КАК КРИТЕРИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА

Е.Н. Ищук

Ключевые слова: идиостиль, пунктуационный сценарий, пунктуационная позиция, постмодернизм, языковой эксперимент.

Keywords: idiostyle, punctuation scenario, punctuation position, postmodernism, linguistic experiment.

Индивидуальный стиль автора организуется по определенной закономерности, причем тому или иному художественному принципу подчиняется вся структура текста, тем самым обеспечивая «эстетическое единство» [Есин, 1998, с. 177]. В то же время на различных языко-

вых уровнях – фонетическом, лексическом или грамматическом – степень проявления данной стилевой закономерности, как правило, различна. По нашим наблюдениям, у некоторых авторов наиболее выразительно она может проявляться в пунктуации.

Мировая литература знает множество примеров того, как индивидуальность стиля того или иного автора формируется за счет особого пунктуационного рисунка текстов. Писатели и поэты могут также преднамеренно полностью отказываться от знаков препинания. Н.С. Валгина данный факт квалифицирует как «авторский литературный прием», «писательский эксперимент» [Валгина, 2004, с. 244]. Анализируя тексты различных авторов без знаков препинания, исследователь пытается выяснить, с какой целью писатели и поэты игнорируют знаки и какова в этом случае авторская задача. Н.С. Валгина приходит к выводу о том, что авторы, используя этот прием, могут достичь, в одних случаях, лишь оригинальности формы произведения. Этот случай касается текстов, где «слова представлены в том порядке, какой требуется традиционными правилами грамматики» [Валгина, 2004, с. 248], то есть где смыслы выражены в полной мере и при отсутствии знаков препинания, при наличии которых значения полностью дублировались бы. В иных случаях, автор, отказываясь от знаков, передает поток сознания героя или сбивчивую речь, где знаки не нужны, так как они помогают установить четкие связи в тексте, которых не должно быть при имитации потока сознания или взволнованной речи со смысловыми лакунами. Форма письма без знаков, по мнению исследователя, – это одна из разновидностей авторской пунктуации, деталь идиостиля.

Однако, чтобы отличить стиль разных авторов при условии отсутствия знаков препинания в текстах, термина «авторская пунктуация» (дефиниция которого, кстати, не имеет одинакового наполнения у лингвистов), на наш взгляд, недостаточно. Кроме того, критерий, выдвинутый Н.С. Валгиной (традиционный порядок слов в предложении или отсутствие логических связей между лексемами), нельзя рассматривать как единственный. Поскольку в сфере пунктуации в целом много нерешенных, спорных вопросов, эта область языкознания, по мнению Л.М. Кольцовой, нуждается в кардинально новом взгляде, новой терминологии. Поэтому исследователь вводит понятие «пунктуационный сценарий».

Пунктуационный сценарий – это единица пунктуации текста, которая представляет собой «совокупность всех пунктуационных позиций» [Кольцова, 2007, с. 309], то есть единиц пунктуации, относящихся к основным. Заметим, что основной единицей пунктуа-

ции является именно позиция, а не знак препинания. Между этими понятиями принципиальная разница: знак препинания всегда занимает определенную пунктуационную позицию, однако пунктуационные позиции могут обозначаться разными знаками или вовсе не обозначаться знаками препинания. Следовательно, отсутствие знаков препинания в двух разных текстах не говорит о том, что у этих текстов одинаковые пунктуационные сценарии: в текстах без знаков, несомненно, есть пунктуационные позиции, которые складываются в индивидуальный и неповторимый пунктуационный сценарий. Именно различие сценариев позволяет нам отличить своеобразный стилевой подчерк одного автора от другого.

Л.М. Кольцова выделяет следующие виды пунктуационных позиций:

- абсолютно сильные основные (начало текста, конец текста и позиция, фиксирующая единство слова);
- сильная основная (границы синтагм, предложений и сверхфразовых единств);
- слабая основная (позиция, где возможно варьирование несинхроничными знаками без изменения содержания высказывания);
- комплементарные сильные или слабые (сознательно созданные автором границы синтагм или преднамеренно стертые).

Если обратиться к текстам первого выделенного Н.С. Валгиной типа авторов, произведения которых не нуждаются в знаках вследствие своей грамматической правильности (в качестве примера исследователь приводит черновой вариант стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», написанного без знаков, и стихотворения В. Соловьева «Если желанья бегут словно тени...»), то есть поэтов реалистической традиции), то в структуре пунктуационных сценариев этих текстов можно выделить следующую закономерность: все сильные основные позиции границ синтагм заполнены периферийными элементами пунктуации – разбивкой на поэтические строки и прописной буквой начала каждой строки:

Я помню чудное мгновенье (граница простого предложения – части бессоюзного сложного предложения)

Передо мной явилась ты (граница с последующим сравнительным оборотом)

Как мимолетное виденье (граница однородных сравнительных оборотов)

Как гений чистой красоты (граница предложения).

Такая особенность связана с другой закономерностью – отсутствием комплементарных сильных или слабых позиций. Как видим, авторы не стирают пунктуационных позиций и не создают новых – иначе нарушается гармония текста и его благозвучие, что так важно для этого эстетического направления в литературе.

Иная картина наблюдается в творчестве постмодернистов. Их любовь ко всякого рода языковым экспериментам влечет за собой создание текстов с нестандартными пунктуационными сценариями. Л.С. Петрушевская, раскрывающая в творчестве «прозу жизни», в своих произведениях воссоздает «особенности живой разговорной речи современников» [Скоропанова, 2000, с. 411], чтобы выявить их душевный склад, «повернутый своей комедийной стороной, иногда абсурдируемый» [Скоропанова, 2000, с. 411]. Полифоничный стиль характерен не только для рассказов и пьес Л.С. Петрушевской, но и для ее стихотворений из сборника «Карамзин деревенский дневник», где речь людей переплетается с размышлениями автора о жизни в русском селе.

Одна из бед России и, в частности, русского села, которую затрагивает Л.С. Петрушевская в своей лирике, – это пьянство и, как следствие, бедность. В стихотворении «я все думала...» характеристика одного местного жителя Ляпы передается следующим образом:

я все думала (окончание стихотворной строки совпадает с границами сложноподчиненного предложения) – 1 строка

какая может быть (разрыв главных членов предложения, деление грамматической основы на разные стихотворные строки) – 2 строка

женщина у Ляпы (граница синтагмы совпадает с делением на строки) – 3 строка

первое (разделение на разные строки слова, указывающего на последовательность мыслей в тексте, и сказуемого) – 4 строка

сидел (отделение однородных синтаксических конструкций) – 5 строка

второе (разделение на разные строки слова, указывающего на последовательность мыслей в тексте, и сказуемого) – 6 строка

алкаш (конец синтагмы) – 7 строка

никакого (разрыв между членами словосочетания со связью согласование) – 8 строка

хозяйства (граница между обобщающим словом и рядом однородных членов) – 9 строка

одна кровать (отсутствие знаков препинания не позволяет определить, с каким словом – *кровать* или *стол* – сочетается последующая строка «в избе», однако по контексту видно, что и тот, и другой объект находятся именно там) – 10 строка

в избе – 11 строка

стол (граница однородных членов) – 12 строка

стул (граница со словом-выводом, обобщающим перечисленное выше) – 13 строка

чисто (конец строфы) – 14 строка [Петрушевская, 2000, с. 161].

В приведенном примере разрывом на поэтические строки как периферийным пунктуационным знаком заполнены не только сильные основные позиции (после первой, третьей, пятой, седьмой, девятой и последней строки, а также после десятой или одиннадцатой – вариативность объясняются вышеуказанными причинами), но и основные слабые. Например, после четвертой и шестой строк, где возможно варьировать знаки препинания (тире, двоеточие или точка), или после двенадцатой и тринадцатой (запятая, точка с запятой или точка, причем при авторской расстановке могут быть и другие, совершенно неожиданные знаки). Разрывом на стихотворные строки автор не только заполняет пунктуационные позиции, но и создает новые там, где их не было, – дополнительные, комплементарные сильные позиции: между главными членами предложения (после второй строки) или между членами словосочетания со связью согласование (после восьмой строки). Такой пунктуационный сценарий передает манеру разговорной речи жителей деревни, о которой рассказывает лирическая героиня Л.С. Петрушевской, со всеми характерными интонационными нюансами.

Обилие комплементарных сильных позиций в текстах сборника влечет за собой еще одно свойство пунктуационного сценария Л.С. Петрушевской – кратчайший пунктуационный шаг. По терминологии Л.М. Кольцовой, данное понятие обозначает явление, когда «практически каждый пробел маркирован одним каким-либо знаком препинания» [Кольцова, 2007, с. 298]. Повторим, что особенностью текстов Л.С. Петрушевской является то, что в качестве знаков препинания используется элемент периферии пунктуационной системы – деление на стихотворные строки.

Кратчайший пунктуационный шаг определяет пунктуационную стратегию идиостиля Л.С. Петрушевской – дистанцирующую, или контрадикторную, то есть направленную на разобщенность единиц текста. Разобщенность как характеристика мира постмодернистов,

видящих его дисгармоничным, контрастирует с гармонией в творчестве реалистов, в пунктуационных сценариях которых наблюдается имплицативная, или синтезирующая, стратегия. Эта закономерность иллюстрируется приведенными Л.М. Кольцовой примерами такой стратегии у А.С. Пушкина (см.: [Кольцова, 2007, с. 196]).

Л.М. Кольцова в своей работе «Художественный текст через призму авторской пунктуации» помимо таких пунктуационных единиц, как позиция и сценарий, выделяет композиционные пунктуационные единицы. Очевидно, что среди последних наиболее значимыми являются единицы заголовка и абсолютного конца текста. Читая «Де ревенский дневник», в котором начало стихотворных строк лишь за редким исключением выделялось прописной буквой и ни одно стихотворение не оканчивалось точкой или иным знаком конца текста, читатели приходят к выводу о том, что этот дневник – лишь вырванный из жизни отрывок, без начала и конца, как само бытие. И понять это помогает уникальный пунктуационный сценарий.

В названии сборника также отражена одна из закономерностей пунктуационного сценария текстов – создание комплементарных позиций там, где их не было: в середине лексемы «де ревенский». Причем это расчленение воспринимается особо остро на обложке сборника, где «де» остается на одной строке со словом «Карамзин», а «ревенский» составляет вторую строку. В данном случае Л.С. Петрушевская делает это для того, чтобы в заголовке отразить основную мысль сборника – противоречивое сочетание, казалось бы, несочетаемого: Карамзин, наподобие француза или испанца, в своем имени имеет частицу «де», а в стихотворениях, написанных неблагозвучным верлибром и затрагивающих трагизм жизни в деревне, интертекстуально вписаны античные и шекспировские образы – воплощение мысли о том, что лирическая героиня Л.С. Петрушевской, горожанка, видит в сельской жизни не только страдание, но и глубокую взаимосвязь людей с природой и искусством. Эта мысль воплощается в некоторых строках сборника, в которых не поднимаются острые социальные проблемы, а просто описывается красота окружающего мира:

облако прошло

лист расцвел и упал

ветер подул

трава полегла

спел песню далекий поезд [Петрушевская, 2000, с. 5].

В этом и других схожих отрывках, когда лирическая героиня отгоняет свои мрачные мысли, видя, слыша и ощущая мировую гармонию, пунктуационный сценарий также приобретает другие характеристики: комплементарные сильные позиции отсутствуют, сильные основные пунктуационные позиции заполнены разделением на разные стихотворные строки. Такой сценарий, напомним, характерен для текстов реалистического литературного направления, то есть у Л. Петрушевской наблюдается использование стилистического приема антитезы, когда в рамках стихотворений одного сборника сочетаются гармония и хаос, реалистические и постмодернистские черты.

Резюмируем. Пунктуационный сценарий – этот термин, помогающий исследовать понятие идиостиль. Благодаря анализу заполнения пунктуационными элементами (будь то знаки препинания или периферия пунктуации) пунктуационных позиций появилась возможность идентифицировать идиостиль автора даже в тех текстах, где отсутствуют знаки препинания. Анализ текстов различных литературных направлений, таких как реализм и постмодернизм, показал, что в реалистических текстах пунктуационно заполняются в основном сильные основные позиции, то есть позиции границ синтагм. Пунктуационная стратегия в данном случае имплицативная, или синтезирующая единицы текста. В текстах постмодернизма, ярким представителем которого является Л.С. Петрушевская, заполняются не только сильные основные позиции, но и слабые основные, а также создаются дополнительные, комплементарные позиции там, где знака не должно быть, даже в середине лексемы. Такой кратчайший пунктуационный шаг воплощает контрадикторную, или дистанцирующую элементы текста стратегию автора. Данный вид стратегии позволяет Л.С. Петрушевской передать особенности разговорной речи деревенских жителей, полифонично переплетающаяся с мыслями лирической героини, а также нарисовать в своем творчестве дисгармоничность бытия, в котором переплетаются трагизм жизни и, одновременно, красота окружающего мира.

Литература

- Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004.
- Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.
- Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации : диссертация ... д.ф.н. Воронеж, 2007.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ АВТОР–ЧИТАТЕЛЬ В ИНТЕРНЕТ-РЕЦЕНЗИИ

С.А. Медведев

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, Интернет-рецензия, Homo Loquens.

Keywords: Internet-communication, Internet-critique, Homo Loquens.

Рецензия в Интернет-коммуникации является актуальным объектом исследования. Так, в работах А.А. Чувакина рассматриваются такие вопросы, как «пространство вторичных текстов» [Чувакин, 2008] и «коммуникативная модель Интернет-среды» [Чувакин, Шмаков, 2010], что оказывается важным для познания более сложной целостности вопросов формирования жанров в Интернете и коммуникативных особенностей Homo Loquens в Интернет-среде. Вместе с этим выдвигается проблема Автор-Читатель (далее – А-Ч) в Интернет-коммуникации и в Интернет-рецензии (далее – ИР) в частности. Дело в том, что с появлением Интернета изменился сам характер взаимодействия этих участников коммуникации. Установить и зафиксировать некоторые основные тенденции развития отношений А-Ч в ИР и призвана данная статья.

Статья входит в цикл работ автора, посвященных вопросам формирования жанров в рамках Интернет-коммуникации (далее – ИК), в частности жанра ИР. Исследование выполнено на материале сайта Проза.ру (proza.ru), который является крупнейшим русскоязычным литературным порталом, посвященный современной прозе¹. Структура представления информации на данном сетевом ресурсе будет описана ниже.

Согласно замечанию Б.В. Кондакова, «история литературы по сути является историей развития отношений между Я (автора, героя, читателя) и другого Я (того же читателя, героя, автора)» [Кондаков, 2009, с. 26]. Таким образом, в рамках актов художественной

---

¹ См.: <http://proza.ru/about/>

коммуникации своеобразно реализуется коммуникативная модель, участниками которой, по версии Б.Ю. Городецкого [Городецкий, 1989, с. 5-31], являются именно Автор и Читатель. Вне Интернета (в том числе и до его появления) направление этой коммуникации в литературе было практически односторонним: Автор художественного текста ознакомился с реакцией на текст только посредством «читательской почты» (если речь идет, например, о литературном журнале) или рецензий, написанных профессиональными критиками.

Отношения между Автором и Читателем в художественной литературе мы рассматриваем в русле идей Н.Н. Михайлова (см.: [Михайлов, 2006]). Исследователь отмечает, что при создании художественных текстов Автор предполагает, что представленный им текст будет критически оцениваться Читателем. Читатель, в свою очередь, подходит к процессу чтения художественных текстов с критической стороны, так или иначе оценивая представленный текст и формируя свою реакцию. В традиционной печатной литературе эта реакция не обязательно будет находить свое вербальное отображение, если, конечно, не брать в расчет письма и устные оценки читателей, коллег, друзей. Вне ИК оценка произведений художественной литературы главным образом выражается посредством критических статей или литературных обзоров, из которых и складывается многогранное понятие рецензии (литературной, публицистической, театральной – то есть рецензии, объектом которой является художественный текст). Ее созданием занимаются квалифицированные критики, имеющие для этого специальные навыки и способности.

В рамках ИК вообще и сетературы¹ в частности Автор может гораздо ближе общаться со своим читателем и оперативно получать читательскую реакцию на текст, что зачастую недоступно вне ИК. В ИК стать рецензентом может каждый Читатель. Конкретно на сайте Проза.ру для этого необходимо только осуществить процедуру «входа» на сайт посредством собственного логина и пароля, то есть «авторизоваться». Для прочтения же представленного текста авторизация не является обязательной.

На ранних этапах исследования мы рассмотрели влияние различных сопутствующих элементов на понимание и истолкование смыслов текстов в ИК (см.: [Медведев, 2012; 2013]) и на различия в

---

¹ Согласно Г.Н. Трофимовой, «художественная литература в Интернете как многогранное и многозначное явление получила название сетературы... В широком смысле «сетература» объединяет как традиционное литературное наследие в онлайн-овом воплощении, так и новые литературные жанры, разновидности веб-литературных экспериментов» [Трофимова, 2009, с. 148].

форме выражения читательской реакции на текст, следствием чего стало установление специфики жанра рецензии в Интернете (=ИР). В соответствии с определением жанра у М.М. Бахтина, под ИР мы понимаем сообщение критического характера на художественный текст или его фрагмент, представленный в рамках ИК. Рассмотрим структуру текста на сайте Проза.ру на примере произведения Сони Никольской «Монолог неустанного сердца»¹.

Монолог неустанного сердца

Соня Никольская

Иногда я вижу себя под водой, медленно, словно по ступенькам, спускающуюся ко дну. Но дна не видно. И только рыбы странно-прозрачные сопровождают мое одинокое погружение. Да. Они прозрачны, а мои волосы выкрашены в розовый цвет, и брови, и губы... И все это кажется нереальным, игрой воображения... Но на этом причудливое видение не заканчивается, потому как вода впитывает тяжесть прожитых дней и и уносит быстрым течением, словно порывистый ветерок, обычную человеческую боль. Боль, которая находит укромные уголки в тайниках сердца... Может поэтому я часто вижу себя под водой? Чтобы отдать эту боль, эту необъяснимую тягучую грусть чудодейственной воде и проснуться полной сил и жажды жизни? Автопортрет – попытка узнать о себе нечто большее. И вот мой краткий монолог. Монолог неустанного сердца...

28 сентября 2014

На странице – фото Анки Журавлевой "Автопортрет" (2014).

Работы фотохудожника можно посмотреть здесь <http://anka-zhuravleva.com>

---

¹ <http://www.proza.ru/2014/09/28/2105>; здесь и далее приводятся тексты из раздела «мини-аторья», что обусловлено их небольшим объемом, удобным для публикации. Сохраняется авторская орфография, пунктуация, стиль и оформление текста.

© Copyright: [Соня Никольская](#), 2014

Свидетельство о публикации №214092802105

Рецензии

[Написать рецензию](#)

Спасибо, уважаемая Автор! На огонь и протекающую воду можно смотреть и почему то усталости не чувствуешь? Прекрасным слогом написана миниатюра. Понравилась. ...

[Наталья Рахматуллаева](#) 03.10.2014 06:37 • [Заявить о нарушении правил](#)

[Добавить замечания](#)

Уважаемая Наталья... посмотрела видео о вас и вашем городе... Просматривая материал местами плакала... Поражалась вашей мудрости, бескорыстности, человечности. Вы удивительная женщина... Всего вам самого доброго, исполнения желаний, творческого самовыражения! С уважением, [Соня Никольская](#) 03.10.2014 22:18 [Заявить о нарушении правил](#)

Приведенный документ («документ» – термин ИК) можно разделить на два блока: блок авторского текста и блок, образованный рецензиями и замечаниями. Авторским текстом является все пространство от сопутствующего изображения до ссылки на работы художника, являющегося автором изображения. Рецензией на художественный текст выступает сообщение пользователя Наталья Рахматуллаева, к которому автор художественного текста, Соня Никольская, оставляет свое замечание. Если в рамках коммуникативного учения о тексте (см.: [Теория текста, 2010]) модель коммуникации изменяется в зависимости от условий существования текста, то при решении нашей задачи коммуникативная модель модифицируется с учетом коммуникативного пространства Глобальной Сети. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением такой характерной черты Интернет-среды, как «бесконечность речевой коммуникации» [Чувакин, Шмаков, 2010, с. 205], заключающейся в вычленении отдельных коммуникативных актов «без фиксации начала и конца коммуникации». Структура исследуемой модификации коммуникативного акта видится следующим образом: опубликованный на сайте Проза.ру художественный текст, написанные на этот текст рецензии и замечания как к самому тексту, так и к рецензиям.

В ИР коммуникация А-Ч, на наш взгляд, «приобретает открыто диалогический характер» [Чувакин, 2008, с. 395]. Фактически коммуникация из односторонней (когда Автор практически не имел средств для прямого общения с читателями) становится взаимонаправленной и многоходовой. Вследствие того, что под текстом художественного произведения можно оставить текст рецензии, а под текстом рецензии – текст замечания и т.д., цепочка связанных между собой

текстов фактически предстает в формате диалоговых реплик. В ходе этих диалогов коммуниканты могут обсуждать содержание произведения, выявлять его сильные и слабые стороны, аргументировать свою точку зрения и так далее. Пример коммуникации между Читателем и Автором рассмотрим на материале произведения Вадима Доннерветтера «Мгновения жизни и дозы смерти»¹:

Рецензия на «Мгновения жизни и дозы смерти» (Вадим Доннерветтер)

Не ожидала от вас, Вадим, что вы можете иногда перевоплощаться в наблюдателя-художника... Вы - разный, вы - тонкий, вы - наблюдательный. У вас есть все для того, чтобы написать роман века...

Алла-Аэлита

Алла Богоева

Какие прекрасные фотографии. Глаз оторвать невозможно...

Алла Богоева

Спасибо, Алла. Не ожидал такого приятного отзыва) Не всем эта миниатюрка по вкусу. А фотографии... В контакте есть еще много, если интересно)

Вадим Доннерветтер

Читатель, Алла Богоева, рецензирует данный художественный текст, позднее делая добавление к своей рецензии («*Какие прекрасные фотографии...*»). Посредством ответной реплики («*Спасибо, Алла...*») Автор художественного текста вступает в диалог со своим читателем, в данном случае указывая на противоречивость художественных достоинств произведения («*Не всем эта миниатюрка по вкусу*»). Результатом подобного обсуждения может стать редактирование уже опубликованного текста и представление его в другом варианте. Выступая в данном случае в роли редактора, читатель может не только обозначить недостатки произведения (например, отсутствие выстроенного сюжета), но и указать на различные ошибки. Например:

Рецензия на «Мгновения жизни и дозы смерти» (Вадим Доннерветтер)

Уважаемый Вадим!

Почитав ваш стеб над классиками, хотела было высказать свое "фи". Но, знаете, эта ваша зарисовка мне, в общем, понравилась. Единственное - из-за хромающих местами пунктуации и правописания затруднено восприятие...

Ксайберия

Спасибо, уважаемая Ксайберия. (Сибирь?) Всегда приятно услышать надменное мнение граммар наци) Интересно было бы знать, над какими именно классиками я постебался, и каким образом? =)

Вадим Доннерветтер

Приведенный выше пример является демонстрацией непринуж-

---

¹ <http://proza.ru/2014/01/02/386>

денного общения между Автором и Читателем, что возникает вследствие особых свойств ИК (открытости, анонимности, свободы общения и т.д.).

При анализе отношений А-Ч на материале ИР важно отметить, что в рамках ИК художественный текст и опубликованные на него рецензии существуют в одном текстовом пространстве, то есть фактически составляют особую совокупность вторичных текстов, которая и подвергается анализу последующими читателями.

Рецензия на «Мгновения жизни и дозы смерти» (Вадим Доннерветтер)

Вадим, я здесь ниже прочла коммент Аллы Аэлиты и он в точности совпадает с моим мнением. Поэтому присоединяюсь с ее мне позволения. Пишете шикарно. Богатый слог, образно, насыщено, наполнено чувствами, эмоциями и ... Про мороз круто написано.

С ув. София Полянская

Спасибо, София, огромное. Так важно порой услышать добрые слова. А то вечно сомневаешься в том, зачем тут вообще проводишь время)

Вадим Доннерветтер

Как видно из нашего примера, рецензент София Полянская кроме прочтения представленного художественного текста ознакомилась с рецензиями, написанными другими пользователями (в данном случае – Аллой Аэлитой) и, возможно, учла их содержание при написании собственного ответного сообщения. Вне ИК художественный текст и написанные на него рецензии существуют в разных текстовых пространствах, будучи опубликованными, например, в разных номерах литературного журнала или вообще в разных изданиях. Как следствие, читатель оценивает содержание художественного текста отдельно от текстов рецензий, не опираясь тем самым при формировании собственной оценки на мнение других читателей относительно представленного произведения.

Фактический материал и его анализ показывает, как на данный момент в рамках ИК происходит развитие отношений Автор-Читатель в пространстве текстов Интернет-рецензии. Обозначенные тенденции изменения характера взаимоотношений и взаимодействия коммуникантов демонстрируют динамичную природу Homo Loquens в Интернет-среде, создавая тем самым пространство для дальнейших исследований в области ИК и электронного жанроведения.

Литература

Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24.

Кондаков Б.В., Абрамова В.С. Автор и читатель в пространстве художественного текста // Филологические заметки. 2009. № 2.

Медведев С.А. Влияние среды функционирования на развитие смыслов Интернет-миниатюры // Организация работы с молодежью. 2012. № 9.

Медведев С.А. Синтетичность применения письменной и устной речи как характерная черта интернет-речи // Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее: в 2-х ч. СПб., 2013. Ч. 1.

Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М., 2006.

Теория текста. М., 2010.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. М., 2009.

Чувакин А.А. Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8.

Чувакин А.А., Шамаков А.А. Коммуникативная модель риторики: ее специфика в Интернет-среде (к постановке проблемы) // *Ars interpretationis*. Барнаул, 2010.

РОЛЬ ИДИМАТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И.Г. Жогова, Е.В. Кузина

Ключевые слова: идиома, идиоматика, фразеологизм, медиа-дискурс.

Keywords: idiom, idiom-study, phraseological unit, media discourse.

Роль восприятия онтологического пространства является необыкновенно важной и значимой для «организации практической деятельности субъекта», а собственно «перцептивные процессы» выступают базисом для формирования сложных мыслительных операций [Величковский, 1973, с. 5]. Психофизиологическая особенность восприятия индивидом объектов действительности отражается в «существовании универсальных понятийных категорий» в языке и наличии «специфических понятий» в отдельной языковой системе [Кравченко, 2004]. Сознание индивида нацелено на поиск и интерпретацию новых связей и отношений между объектами внешнего мира и на возможность использования уже существующих языковых единиц для объективизации новой внеязыковой ситуации, образа или знания [Телия, 1990а, с. 336-337]. По мнению Г.В. Колшанского любое языковое выражение можно рассматривать как номинативную языковую единицу, то есть как единицу, которая имеет некоторое содержание, соотносимое с любым экстралингвистическим объектом [Колшанский, 1975].

Ярким примером языковой манифестации психо-эмоциональных состояний индивида или реалий окружающего мира являются идиомы – языковые сущности с «большой семантической емкостью» и «способностью нарушать первичные правила семантической комбинаторики» [Ерохина, 1999, с. 18].

Идиома являлась и продолжает находиться в центре изучения большого количества работ по лингвистике, однако, следует отметить отсутствие единого унифицированного определения указанного термина. Сложность формулировки дефиниции термина «*идиома*» обусловлена самой проблемой *значения* в лингвистике, а значение «фразеологизмов-идиом» сопряжено с тем, что их значение более сложное, чем лексическое. Идиомам свойственна функция знакового «замещения» как объекта онтологии (*big wig, bean counter etc.*), так и отношения говорящего к определенному объекту, к конкретной ситуации или какой-либо фактуальной информации об окружающем мире (*banker's hours, to corner the market, to sell like hotcakes etc.*) [Телия, 1990, с. 32-48].

Согласно позиции В.М. Савицкого, в теоретическом рассмотрении проблемы сущности и функционирования идиом можно выделить представителей англо-американского и европейского подходов [Савицкий, 2010, с. 169-175]. Проблематика рассмотрения природы идиомы в англо-американской лингвистической школе на уровне предложения связана с именем Г. Суита, который определял идиомы как «особые предложения» и подчеркивал монолитность значения целой идиоматической конструкции (цит. по: [Мочалина, 2011, с. 681]). На протяжении многих лет после лингвистических работ Г. Суита исследование природы идиом сводилось к написанию практикоориентированных пособий, словарных статей и справочников. Согласно позиции англо-американских лингвистов изучение идиом не стало самостоятельной дисциплиной, и они (идиомы) рассматривались и анализировались в рамках грамматики, стилистики, семантики и других лингвистических учений. Так, под идиомой в данном случае понимается языковое целостное образное выражение, характеризующееся ценностными, культурными и историческими ориентациями представителей определенного общества.

Серьезные теоретические исследования по идиоматике, которые явились неким фундаментом для современной фразеологии, ассоциируются с именем Ш. Балли. Впоследствии представители советской лингвистической школы (В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, В.Н. Телия, Д.О. Добровольский и др.) внесли значительный вклад в формирование науки *фразеология*, уделили внимание теоретической

разработке, анализу природы и содержания проблематики вопроса, а также систематизировали понятийный аппарат и способствовали практическому применению полученных знаний [Копыленко, 1989].

Определяя сущность идиомы, В.Н. Телия подчеркивает, что особенность знаковой функции идиом сопряжена с «механизмом их формирования, основной тенденцией которого является сохранение ассоциативно-образного представления об исходной ситуации». Используя идиомы в речи, индивид актуализирует личностное «оценочно-эмотивное отношение» к предмету или факту действительности, одновременно оказывая воздействие на эмоциональное состояние реципиентов [Телия, 1990б, с. 36]. Рассмотрим, как данная функция идиомы реализуется в дискурсе СМИ.

Масс-медийный дискурс понимается как речь участников масс-медийного общения и представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества [Иванова, 2008, с. 29-30]. Принимая во внимание то, что дискурс масс-медиа разнопланов и многообразен, объектом исследования данной статьи является медиа-дискурс политической и экономической направленности, который понимается как совокупность медиа-текстов, относящихся к политической и экономической сфере общества.

Масс-медийный дискурс особо чувствителен к языковым и культурным влияниям и мгновенно реагирует на них: *The old adage that «People are hired for their talents and fired for their behavior» is true. People often fail at work by exhibiting patterns of toxic organizational behavior* (<http://article.wn.com>. Дата обращения: 20.03.2014).

В анализируемом примере автор статьи, употребляя идиому с лексемой *toxic* (*ядовитый, токсический*) активирует в сознании реципиента некий ассоциативный ряд, который способствует формированию отрицательной оценки к ситуации. Уместно заметить, что наряду с идиоматическим выражением *toxic organizational behavior* в текстах экономической и социальной направленности также встречается идиома *toxic employer*, которая сопряжена с такими поведенческими факторами работника в офисе, на предприятии и т.д. как агрессивность, неэффективность, самолюбование, дезорганизация, недоверие.

По мнению О.С. Ахмановой идиомы – это специфичные языковые единицы, которые характеризуются необычными «стилистическими особенностями», а их употребление в контексте придает высказыванию шуточно-игривый тон [Ахманова, 1966, с. 165-166]: *London Mayor Boris Johnson has described his £250,000-a-year pay for a weekly column for the Daily Telegraph as «chicken feed»* (<http://news.bbc.co.uk>. Дата обращения: 20.03.2014).

В указанном примере некая доля иронии возникает при сопоставлении достаточно весомой цифры £250,000 и отношения говорящего к заявленной сумме. Во фрагменте высказывания отчетливо просматривается «вторичность идиом как языковых знаков», когда лексемы, задействованные в построении идиомы, теряют дефиниции, зафиксированные в словарях, и формируется новое монолитное значение словосочетания [Черданцева, 1990, с. 73-80].

Существует мнение, что идиомы создают образный фон повествования, так как построение идиоматических словосочетаний базируется на переносе значений входящих в них лексем, то есть «эмоциональной насыщенности, отходе от обычного нейтрального стиля» [Смирницкий, 1956, с. 67]. Перенос значения языковых единиц обусловлен информационной функцией идиомы: *Finding a job in Italy is hard enough, but it's only part of the battle. Many, especially the young, can find work only «on the black» - employed in the shadow economy, without a contract or the rights that go with it.* (<http://www.bbc.com>. Дата обращения: 15.03.2014).

Присутствие в представленной идиоме лексемы, обозначающей черный цвет, уже создает некое напряжение контекста, а дальнейшее объяснение значения подтверждает предположения. В медиа-дискурсе экономической направленности довольно часто употребляются следующие идиомы: *black money, black market, to be on the black*, которые придают контексту негативное, порой осуждающее отношение автора и аудитории, так как связаны с незаконными действиями и теневыми сторонами экономики.

Рассмотрим пример из политической сферы: *Nothing resonates more – many hundreds of days before the first 2016 primary contests - than the desire to know who the dark horse candidate is. Or who any of the candidates are! But definitely the dark horses.* (<http://www.huffingtonpost.com>. Дата обращения: 25.03.2014).

Речь в данном примере идет о намеченных на 2016 год президентских выборах в США. Идиома «a dark horse» происходит из конного спорта, где темной лошадкой называли неожиданного победителя на скачках. Выражение используется для характеристики политического кандидата, взгляды и намерения которого не вполне понятны и прозрачны. Таким образом, данная идиома реализует в контексте значение неожиданного, непредсказуемого результата и отражает тем самым негативное отношение автора к будущим кандидатам на выборы.

Как известно, идиомы, как средства языковой образности, являются отражением «народного духа», менталитета, типа сознания: *Tammany Hall became synonymous with all that is wrong in politics:*

corruption, wheeling and dealing, and self-interest (<http://www.economist.com>. Дата обращения: 25.03.2014).

Идиома *to wheel and deal* встречается как в деловой сфере, так и в области политики, известной махинациями, интригами и тайными маневрами. Происхождение этой идиомы идет из азартных игр: *wheel* как колесо рулетки, а *deal* – сдача игральных карт. Таким образом, становится очевидной уничижительная коннотация данной идиомы, которую мы находим и в существительном аферист – *a wheeler-dealer*.

Следует отметить, что язык СМИ насыщен идиомами, а следовательно, обладает аксиологическим, образным и эмоциональным потенциалом. СМИ – это информационное пространство, где осуществляется массовая коммуникация. Любая коммуникация направлена на достижение определенной цели и решение конкретных задач. «Четвертая власть», используя «силу» слова, влияет на социально-политические процессы социума. Интерпретируя актуальные события действительности, авторы публикаций не только информируют аудиторию, но и намеренно воздействуют на поведение адресата и манипулируют его сознанием.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Величковский Б.М. Психология восприятия. М., 1973.
Ерохина Н.В. Структура и функции идиом : на материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1999.
Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1(24).
Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка. М., 1989.
Кравченко А.В. Язык и восприятие. Иркутск, 2004.
Мочалина К.Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2 (3).
Савицкий В.М. Теория идиоматики как отрасль лингвистики // Вестник ПГСГА. Факультет иностранных языков. Самара: 2010. Вып. 10.
Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
Телия В.Н. Номинация // Энциклопедический лингвистический словарь. М., 1990а.
Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении. М., 1990б.
Черданцева Т.З. Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации. М., 1990.

- BBC news. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/london/8148899.stm Tuesday, 14 July 2009.
- BBC news. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/business-24734058> 31 October 2013.
- Economist. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com>
- Huffingtonpost [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huffingtonpost.com> 12 November 2013
- Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/>

**СТИХОТВОРЕНИЕ Э. БРОНТЕ «A REMINISCENCE»
(«YES, THOU ART GONE...»): ПОСВЯЩЕНИЕ,
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА**

С.Ф. Рябцева

Ключевые слова: романтизм, категория воображения, внутренний мир человека, аллитерация, сравнение, перевод.

Keywords: romanticism, category of imagination, human's inner world, alliteration.

Во второй половине XIX века английских писателей в большей степени привлекают психологические проблемы человека. Личность, ее внутренний мир становятся главным объектом их интереса. Эта тенденция очевидна в творчестве уникальных сестер Бронте.

Сестры Бронте были уверены в том, что писатель должен изображать лишь те жизненные явления, которые он может изучить лично, лишь те чувства, которые пережил сам [Bronte, 1980, p. 184]. Время и семейные обстоятельства жизни сестер не создали условий для полного раскрытия их личностей. Герои сестер Бронте раскрываются главным образом в сфере своего сознания, своих чувств, во взаимоотношении с природой.

Творчество сестер Бронте, а тем более Энн Бронте, в отечественном литературоведении на сегодняшний день остается малоизученным. Творческий метод поэтессы Энн Бронте обращен к традициям романтизма (явная связь с философией Т. Карлейля), к концепции природы как средства отражения эмоционального состояния лирической героини, но нет романтического конфликта с обществом, с его законами, есть приятие всего, что дано, а это уже вне рамок романтизма и даже реализма. Огромное место в мировосприятии Энн Бронте играет категория воображения. Ее лирическая героиня духовно богата, наделена

бурным воображением, присущим лишь немногим избранным. Воображение «согревает и освещает все вокруг человека, тогда как постороннему наблюдателю его жизнь может показаться лишенной света и тепла» [Бронте, 1963, с. 433]. Воображение помогает понять суть явлений, оно может стать силой, объединяющей духовно родственных людей. Воображению доступно то, что бессилён понять разум. Дар воображения являлся для писательницы не только одним из главных достояний личности, но и началом, без которого немислимо создание подлинно значительного произведения искусства. Сила воображения позволяет Энн Бронте проникнуть во множество душевных тайн человека, осознать подразумеваемое, то, что невозможно сформулировать, но что так очевидно. Возможно, она была знакома с эстетикой Дж. Рескина, как и ее сестра Шарлотта Бронте.

Литературное наследие младшей Бронте состоит из двух романов («Агнес Грей», 1847; «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», 1848) и 54 стихотворений. Из них восемь Энн посвятила Уильяму Уэйтмену: «A Fragment / Self Congratulation» («Фрагмент»), «Lines written at Thorp Green / Appeal» («Строки, сложенные в лесу в ветренный день / Зову»), «Farewell» («Прощание»), «To...» («К...»), «A Reminiscence / Yes, thou art gone» («Воспоминание / Да, ты ушел»), «Night» («Ночь»), «Oh, they have robbed me of the hope» («Надежду отняли они»), «Severed and gone, so many years» («С тобой в разлуке столько лет»).

Мы остановимся на стихотворении Энн Бронте «A Reminiscence / Yes, thou art gone».

В 1840 году в Хаурт приехал священник Уильям Уэйтмен. Он оказался дружелюбным, веселым, обаятельным молодым человеком. Его появление вызвало у обитателей женской половины дома веселое возбуждение, так как молодой человек успевал оказывать равное внимание всем девицам. Приятные беседы, прогулки по живописным полям Хаурта сделали серую жизнь сестер наполненной и яркой. Не существует прямых доказательств, что чувства между Энн и Уильямом были, но большинство исследователей творчества поэтессы утверждают, что Энн любила Уэйтмена. К примеру, Н.П. Михальская пишет: «Энн Бронте полюбила его. В ее жизни это была первая и единственная любовь, которой не суждено было завершиться счастливо, она не привела к замужеству» [Михальская, 1990, с. 8]. Причины «незамужества» также выдвигают разные. Н.П. Михальская пишет, что они не поженились из-за скоростижной смерти Уильяма (Уэйтмен скончался через два года после знакомства) в 1842 году. По другой версии, Уильям, на момент первой встречи, был уже помолвлен. Все семейство сопровождало фатальное невезение в личной жизни. Эмили ни разу не

познала радости любви. Энн, вероятно, тоже никогда не была близка с мужчиной. Лишь Шарлотта в 1854 году выходит замуж за друга семьи, Артура Белла Николсона.

Вероятно, причиной этому «невезению» стала обособленность девочек от мира. Ведь всю свою жизнь, за исключением коротких поездок в Лондон и Скарборо, сестры Бронте провели в доме своего отца.

Как уже было сказано ранее, существуют разные мнения, были ли отношения между Энн и Уильямом. Все же мы склоняемся к тому, что у младшей Бронте, бесспорно, были чувства к Уильяму, и довольно сильные, но они не были близки. Для Энн это была первая и единственная любовь за всю жизнь, и после его скоростипожной смерти она передает силу чувств, испытываемых к Уэйтмену, в своих стихотворениях.

Абсолютно все стихотворения Энн Бронте описывают ее переживания, чувства, ее интересы. Связь между художественным миром писательницы и ее собственной судьбой неразрывна, очевидна. Подлинность жизненного опыта, переданного Энн Бронте в ее произведениях, придает им особый лиризм, проникновенность звучания. Помимо скорби по Уильяму Уэйтмену, источниками вдохновения для Энн были природа, любовь к своему дому, родным местам. Для ее художественной манеры характерен элегический тон, простота и искренность.

Энн Бронте пишет в апреле 1844 года на Пасху стихотворение «Yes, thou art gone...» («Да, ты ушел...»). Это было первоначальное название стихотворения. А в 1846 в сборнике «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» опубликовано под новым названием «A Reminiscence» («Воспоминание»). Единственным отличием в рукописной версии было отсутствие пунктуации. В своем стихотворении Энн пишет о человеке, который «ушел». Мы склоняемся к выводу, что в стихотворение младшая Бронте скорбит по Уильяму Уэйтмену. И даже более того, стихотворение опровергает любые сомнения относительно чувств Энн к Уильяму.

Во-первых, согласно хронологии жизни Энн Бронте, стихотворение может быть посвящено троим: умершей от рака в 1821 году матери Энн, ее сестрам Марии или Элизабет, погибшим от туберкулеза в 1825 году, или Уильяму Уэйтмену, который умер в 1842 году от холеры. Бесспорно, мы склоняемся к выводу, что стихотворение «A Reminiscence», написанное в 1844 году, Энн посвящает Уильяму, спустя два года после его смерти ее воспоминания живы, сознательны, наполнены чувством.

Во-вторых, Уильям Уэйтмен был священником, он похоронен под Хауртской церковью. В стихотворении есть строки: «*But I may pass **the old church door**, / And pace the floor that covers thee*» («**В приделе церкви вижу я / Одну плиту среди многих плит**». – Здесь и далее перевод И. Гуровой). Бронте, несомненно, посвящает стихотворение первой любви – Уильяму Уэйтмену. Человек этот был ей близок и дорог: «*'Tis sweet to think that thou hast been*» («*Я помню ту, что спит под ней*»), «*The kindest I shall ever know*» («*Добрей [сердца] не встречу мне*»). В какой-то степени она идеализирует Уэйтмена: «*Thy sunny smile shall gladden me*» («*Улыбка ясная твоя*»), «*To think a soul so near divine, / Within a form, so angel fair*» («*Что в блеске ангельской красы / Твой дух, божественный почти*»). Возникает образ дорогого человека, представляющего глубокое одухотворение, почти обожествление, отсюда соответствующие определения: ангельская красота («*angel fair*»), дух божественный («*a soul so near divine*»), солнечная улыбка («*sunny smile*»). Чувства переполняют лирическую героиню и создают идеальный образ возлюбленного. Воспоминания связаны с мимолетными встречами. Вероятно, Энн и Уильям ни разу не оставались наедине. Но даже эти краткие часы приносят ей счастье.

Скорее речь идет о чувствах не драматических, а о тихой скорби, которая овладевает лирической героиней, когда уходит из жизни возлюбленный.

Благодаря аллитерации (преобладают шипящие глухие согласные), что использует Бронте, стихотворение ассоциируется с шелестом опадающих листьев, с осенью:

*Yes, **th**ou art gone! and never more
Thy sunny **sm**ile **sh**all gladden me;
 But I may pass **th**e old **ch**urch door,
 And **p**ace the **f**loor that covers thee,
 May **s**tand upon the cold, damp **s**tone,
 And **th**ink **th**at, **f**rozen, lies below
The lightest **h**eart **th**at I **h**ave know,
The kindest I **sh**all ever know.*

Образ мыслей лирической героини по существу пантеистический. Концепция природы Карлейля, очевидно воздействовала на поэтессу. Карлейль видел постоянно движущуюся творческую субстанцию: «...все несется вперед в бездонном, безбрежном потоке действия, и живет в постоянных метаморфозах» [Карлейль, 1904, с. 76].

Первоначальное название стихотворения «Yes, thou art gone...» («Да, ты ушел» – по первой строке) точно передает мироощущение поэтессы. В нем нет безысходности, в нем есть принятие всего как естественного процесса, как уходит лето и приходит осень, даже если нам этого не хочется. Это не смирение, а умение ценить во всем, что есть, лучшее. Он был – это счастье, есть воспоминание о нем, оно дарит силы для творчества. Он был – это лучше, чем если бы его не было, пусть недолго, мимолетно, но он был, как прекрасное воспоминание о солнечных летних днях, об увядающей красоте осени, о сияющем снеге в зиму или кратком цветении деревьев весной. Энн Бронте была не просто религиозной, она была духовно одаренным человеком, наделенным тонким чувством, ощущением быстротечности жизни, отсюда способность ценить то, что дано.

В семье Энн была любимицей. Старшие сестры и брат относились к Энн с трепетом. Младшую Бронте описывают хрупкой, болезненной (Энн страдала астмой), кроткой, немного меланхоличной и глубоко религиозной [Гражданская, 1953, с. 175]. Патрик Бронте считал младшую дочь самой красивой в семье – худенькая, с фиалковыми глазами и светло-каштановыми волосами, красиво падающими на плечи крупными кольцами. При всей нежности и застенчивости, Энн была наделена душевной силой и стойкостью. Она была натурой мечтательной и романтической, но умела проявить твердость и решительность. По словам Эдварда Читэма, она многое видела, умно судила (см.: [Chitham, 1991]).

Обособленность от реального мира, живой ум, склонность к фантазированию, развитое воображение, мечта о любви – все послужило созданию этого замечательного и светлого произведения, где в нескольких строках точно передано душевное состояние лирической героини, печальной и спокойной, естественной и достойной, простой и необыкновенной.

Стихотворение «A Reminiscence» переведено на русский язык. Для анализа мы возьмем переводы И. Гуровой, Н. Шошуна и К. Сошниковой.

И. Гурова близка к оригиналу. Она более точна и в переводе, и в передаче настроения стихотворения – «тихой скорби», «шелеста листьев». Из-за особенностей английского языка – отсутствия категорий рода и числа у личного местоимения you – трудно определить, посвящено «Воспоминание» мужчине или женщине. Вероятно, этим объясняется перевод И. Гуровой, где она обращается не к возлюбленному (мужчине), а к женщине. У переводчицы возникают, возможно, образы умерших сестер или матери. Но вряд ли это

возможно, так как сестры были совсем маленькими, а самой Энн, когда умерла мать, не исполнилось и двух лет. В стихотворении даны размышления взрослого человека, и воспоминания сознательны: «*The lightest heart that I have known, / The kindest I shall ever know*» («*Не знала сердца я светлей, / Добрей его не встретить мне*»).

Н. Шошун в своем переводе добавил надежду на то, что душа соединится с Богом, но возлюбленный будет помнить героиню: «*...твоя душа / Соединилась с Богом вновь... / И помнит про мою любовь*». Этого нет в оригинале, но содержания стихотворения не меняет, ведь Энн была самой религиозной из сестер и, скорее всего, верила в соединение душ.

В переводе К. Сошниковой размывается образ возлюбленного. В отличие от оригинала, о нем говорится, как об ушедшем, с которым утрачена связь: «*И ангел твой святой / Сомкнул путь свой тесный / Для неги неземной*». Образ неточен уже и потому, что К. Сошникова упускает деталь, что возлюбленный – священник: «*But I may pass the old church door, / And pace the floor that covers thee*» – «*Войду я в церковь через дверь, / Пройду по полу над тобой*». Переводчица немного увлекается лирической героиней, чем отстраняет ее от Уильяма. Связь между земным и небесным, которая прослеживается в оригинале, теряется. В этом смысле более точен перевод И. Гуровой. В оригинале лирическая героиня не оплакивает возлюбленного. Ощущение грусти присутствует, но печаль светлая. Героиня передает благодарность за то, что было. Вероятно, у Энн было предчувствие, что она скоро умрет, соединится с потусторонним миром. Ведь, скорее всего, младшая Бронте ко времени написания стихотворения уже знала про свою болезнь. Энн была религиозна, верила в соединение душ, светлая печаль после ухода Уильяма и ее болезнь связаны с возможными надеждами на соединение «там», в другом мире.

Литература

- Бронте Ш. Шерли. М, 1963.
Гражданская З.Т. История английской литературы. М., 1953. Т. II.
Карлейль Т. Sartor Resartus. М., 1904.
Михальская Н.П. Третья сестра Бронте // Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлدفелл-Холла. М., 1990.
Chitham E. A Life of Anne Bronte. Oxford, 1991.
Bronte Ch. The Brontes. Their Lives, Friendships and Correspondence. Oxford, 1980. V. 2.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ОЙКОНИМЫ XIV–XVII ВЕКОВ С ФОРМАНТОМ *-jь

М.А. Ююкин

Ключевые слова: древнерусский язык, русские летописи, формант *-jь, этимология, ойконим, антропоним.

Keywords: Old Russian language, Russian chronicles, the formant *-jь, etymology, place name, anthroponym.

Притяжательный суффикс *-jь является одним из древнейших славянских топонимических формантов, унаследованных из общеславянского праязыка. Он встречается в топонимии всех славянских языков. Топонимическая функция суффикса *-jь связана с обозначением принадлежности объекта конкретному лицу, отражающей формирование феодальных отношений и присущего им типа собственности. Первоначально с помощью форманта *-jь образовывались топонимы от двучленных личных имен типа *Jaroslavъ, *Voldiměrъ, позднее он стал присоединяться также к одноосновным антропонимам. Непродуктивным этот формант стал уже в феодальную эпоху [Селищев, 1968, с. 73], к XIII веку [Заимов, 1973, с. 5].

Специально славянским топонимам с суффиксом *-jь посвящена фундаментальная монография С. Роспонда, есть исследования по названиям этого типа в отдельных языках – болгарском [Заимов, 1973] и украинском [Купчинский, 1980].

В предлагаемой статье рассматриваются названия населенных пунктов, образованные с помощью форманта *-jь, которые впервые упоминаются в русских летописях в средний и поздний периоды истории древнерусского языка (XIV – XVII века); они анализируются в этимологическом, структурном, ареальном и стратиграфическом аспектах.

БЕЗДЕЖ: «къ Бездежу», Патриаршая, или Никоновская и многие другие летописи [ПСРЛ, т. X, с. 186 и др.], 1319 год и позднее, предположительно на Волге, ниже Енотаевска (в восточных источниках известен как Бельджемен; ныне Водяное городище в Волгоградской обл. [Егоров, 1985, с. 15]). От антропонима *Бездѣдъ*, ср. др.-русск. *Бездѣдъ*, ст.-чеш. *Bezďéd* (1224 год), ст.-пол. *Biezdziad* (1315 год, 1390 год) [ЭССЯ, 1974-, вып. 2, с. 16], ст.-словац. *servus Bezded* (Гонт, 1135 год) [HSSJ, 1991–2008, т. I, с. 126], а также производное *Дмитрий Бездедов*, 1534 год, Московский уезд [Веселовский, 1974,

с. 31], и относится к древнему славянскому топонимическому типу: ср. ст.-чеш. *Bezďěz*, чеш. *Bezďěz*, название замка и деревни в Чехии, *Бездъжа*, деревня, пожалованная Тихвинскому монастырю близ деревни Усть-Шемушки в Новгородской волости [ЭССЯ, 1974–, вып. 2, с. 17], *Бездеж*, бывш. Новоржевский у. Псковской губ. [СНМРИ Пск., 1885, с. 510].

ВЕЛИЖ: «Велиж(ь)», Никоновская и другие летописи [ПСРЛ, т. XIII, с. 111 и др.], 1536 год (ныне районный центр Смоленской области). Существует мнение, что этот ойконим образован лексико-семантическим способом от гидронима *Велиж (современная форма – *Велижка*), левый приток Зап. Двины [Ресурсы..., 1963, с. 64], ср. также *Велижье*, озеро, бассейн Припяти; *Велижья*, озеро, бассейн Припяти [Ресурсы..., 1963, с. 240] < а) др.-русск. *велии* ‘большой, великий’ + формант *-еж*, *-иж* (ср. *Себеж*, *Трубезж*, *Луниж* и др.) (Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая); б) связан с балт. *Veleža, *Vileja (Г.П. Смолицкая) [Поспелов, 1999, с. 63–66; Смолицкая, 2002, с. 48]. Против вычленения в названии *Велиж* суффикса (*-еж* /) *-иж*, однако, говорит тот факт, что ударение в нем исконно падает на второй слог, тогда как в приведенных выше названиях с этим суффиксом оно находится на первом слог.

Мы видим в основе этого названия личное имя *Велидь < *велии*, засвидетельствованное в древнечешском языке: *Velid* [Index...]; в словообразовательном отношении ср. основу топонима Малидово, антропонимическое производное Степан Гулидов, 1614 год [ДПП, 1994, с. 351 и сл.]). Очень близкая антропооснова сохранилась в названии села *Веледиковское*, 1504 год [ДДГ, 1950, с. 381]. В этом случае рассматриваемое название находит точную параллель в чешском топониме *Veliz*, 1037-55 годы, село и холм в 10,5 км к югу от Кршивоклата, объясняемом аналогичным образом (см.: [Profous, 1947–1951, т. IV, с. 496–497]). М. Фасмер предполагает скандинавское происхождение мотивирующего личного имени, сопоставляя его со шведским ойконимом *Vaellinge*, а также (в словообразовательном отношении) с др.-рус. *Емигъ* < др.-скандин. *Hemingr* [Vasmer, 1971, с. 832], что в чешском дало бы *Veliz [Ююкин, 2004б, с. 61-63]. Ср. также *Велижье Поле*, бывш. Демянский у. Новгородской губ. [СНМНГ Демян., 1909, с. 83], где первая часть явно является притяжательным прилагательным.

ВЕЛИЛЬ / ВЕЛИЛА, «А се имена всем городам Русским, дальним и ближним» (конец XIV — начало XV века; в составе Новгородской первой, Симеоновской, Воскресенской и Ермолинской летописей), Залесский город, недалеко от верховьев р. Полы [Тихомиров, 1952,

с. 254] (позднее погост Велилы в бывшем Демянском уезде Новгородской губернии [Неволин, 1853, с. 178]). От имени *Велильъ, производного по отношению к двучленному антропониму типа *Velimirъ, *Velislavъ (см. ВЕЛИЖ). В словообразовательном отношении ср. другие антропонимы с суффиксом *-ил-*: *Тимофей Михайлович Стромилов*, 1682 год [Восстание..., 1976, с. 142]; *Мацко Мужило* («*Mackiem Mużylem*»), Санокское староство, 1644 год [ВУР, 1954, т. I, с. 380].

ВОИНЬ (ВОИНО): «на месте, нарицаемъ подь Шишевскимъ лесомъ, на Воине», Симеоновская летопись [РЛ, 1997, с. 153], 1365 год, «Воино», «А се имена...», Рязанская земля, на р. Шиш [Тихомиров, 1952, с. 244–245] (ср. *Воиново*, с. в бывш. Данковском уезде Рязанской губернии [СНМРИ Ряз., 1862, с. 148]). Упомянут в грамоте, датируемой временем около 1356–60-х годов: «противу Воини» [АСВР, 1964, т. III, с. 314]. Антропоним *Воинъ* нередок в памятниках древнерусской письменности (см.: [Тупиков, 2004, с. 89]).

ГОСТЕНЬ: «на Гостени», Псковская вторая летопись (Синодальный список) [ПСРЛ, т. IV, с. 32], 1408 год, Псковская земля, на правом берегу р. Великой. Антропоним *Гостень или *Гостена*, ср. др.-рус. *Гостена*, 1506 год [Тупиков, 2004, с. 117], ст.-пол. *Gostin*, ст.-чеш. *Gosten*, 1052 год и др., *Hostena*, 1088 год [Морошкин, 1867, с. 62].

ДОМЛЯ: «стан(ъ) Домля», Дополнения к Никоновской летописи, Продолжение Александро-Невской летописи [ПСРЛ, т. XIII, с. 400; т. XXIX, с. 349], 1566 год, Боровский уезд. Личное имя *Домъ или *Дома, ср. др.-рус. *Ивашко Домой* (Рязань, 1616 год) [Тупиков, 2004, с. 132], ст.-пол. *Doma*, 1136 год, ст.-чеш. *Doma*, 1107–1108 годы [Морошкин, 1867, с. 75], представляющее собой гипокористическую форму двучленного антропонима типа *Domagojъ, *Domagostъ, *Domažirъ [ЭССЯ 1974–, вып. 5, с. 67–69].

ЕПИФАНЬ, Новый летописец [ПСРЛ, т. XIV, с. 76], 1608 год (ныне пгт в Кимовском р-не Тульской обл.). *Епифанъ* < греч. *ἐπιφάνης* ‘знатный, славный, отличный’.

ЗВЕНИЧ: «на Звенич(ъ, ь)», Никоновская и многие другие летописи [ПСРЛ, т. XII, с. 122], 1469 год, на Волге, между Казанью и Нижним Новгородом. От незасвидетельствованного антропонима *Звеньникъ, ср. др.-рус. *Звенець* 1) Рязань, 1462 год; 2) Устюг, 1468 год [Тупиков, 2004, с. 159]; 3) Софийская вторая летопись, 1470 год [Морошкин, 1867, с. 89].

КОЛОЖЕ (КОЛОЖ, КОЛОЖА, КОЛУЖ, КОЛУЖА): «Коложе», Новгородская первая младшего извода (Комиссионный список), Псковская первая, Псковская вторая (Синодальный список) и многие

другие летописи [ПСРЛ, т. III, с. 398; т. IV, с. 28, 32 и др.], 1404–1406 годы, «Коложе» / «Колож» / «Колужа», «А се имена...», Псковская земля (ныне городище в 12 км к югу от Опочки [ПЭ, 2003, с. 495–496]). От личного имени *Колода*, ср. др.-рус. *Остан (Остафей) Колода* (1626 год) [ВУР, 1954, т. I, с. 70, 72], *Ивань Клода* (Могилев, XVII век), *Колодка* (Любомль, 1564 год), *Колодко*, 1606 год [Тупиков, 2004, с. 189–190], а также производное *Сенка Колодинь*, 1688 год [Тупиков, 2004, с. 580] < др.-рус. *колода* 1) ‘бревно’, 2) ‘бревно с выдолбленной серединой, употребляемое для захоронения, гроб’, 3) ‘выдолбленная из бревна кадка как мера жидких и сыпучих тел’, 4) ‘застава, сторожевой пункт’ [СлД-РЯ (XI–XIV века) 1988–, т. IV, с. 242; см.: Ююкин, 2005, с. 206–207].

КОЛОЧЬ (КОЛОЧА): «въ Колочи», Никоновская и многие другие летописи [ПСРЛ, т. XI, с. 221 и др.], 1413 год, в 15 верстах от Можайска. Упомянут в форме Колоча в грамоте 1389 год [ДДГ, 1950, с. 34]. Соотносится с гидронимом *Колочь (Колоча)*, правый приток Москвы [Смолицкая, 1976, с. 112], и образован от антропонима *Колоть, ср. др.-рус. производное *Степанъ Колотовъ*, 1473 год [Тупиков, 2004, с. 581]. В пользу первичности ойконима свидетельствует употребление этого названия с предлогом *въ*, тогда как для отгидронимических ойконимов характерна сочетаемость с предлогом *на*.

МСТИСЛАВЕЧ: «Мьстиславеч» / «Мстиславецъ», «А се имена...», Смоленский город (ср. *Мстиславльская Слобода*, бывший Дорогобужский уезд Смоленской губернии [СНМРИ Смол., 1868, с. 476]). *Мьстиславьць*, ср. др.-рус. *Мстиславецъ Крыштоф*, 1567 год [Тупиков, 2004, с. 315].

ОРКАЖ: «въ Оркажи», Новгородская четвертая летопись [ПСРЛ, т. IV, с. 94], 1386 год, Новгородская земля, близ Новгорода. *Оркадь* ‘Аркадий’ < греч. *Αρκαδιος* ‘житель Аркадии’, ср. др.-рус. *Оркадь*, новгородская берестяная грамота № 672, середина 50-х – середина 90-х годов XII века [Зализняк, 1995, с. 303].

ОСТРЕЕ: «Острѣе» / «Стрѣе», «А се имена...», Литовский город. От имени *Острѣи < *остр(ыи)*, ср. др.-рус. производное *Острѣченокъ*, Киев, 1552 год [Тупиков, 2004, с. 681].

ПЕРЕМЕРЬ (ПЕРЕМИРЬ): «на Перемѣрь», Симеоновская и многие другие летописи [РЛ, 1997, с. 202 и др.], 1390 год, близ Твери. Двучленный антропоним *Перемѣрь, ср. *Перемышь* (см. ниже) и *Володимѣрь*.

ПЕРЕМЫШЛЬ: «въ Перемышлѣ», Никоновская летопись [ПСРЛ, т. XI, с. 14 и др.], 1371 год, на Оке (ныне с., районный центр

Калужской обл.). Упомянут в Духовной грамоте Ивана Калиты около 1339 год [ДДГ, 1950, с. 7, 9]. От незасвидетельствованного имени *Перемысль (А.М. Селищев) [Селищев, 1968, с. 50], ср. ст.-чеш. *Prěmysl* [Index...] и др. Ср. аналогичный ойконим (ныне пол. *Przemysł*), упомянутый в летописях под 981 годом.

ПРИБУЖ: «Прибужь», Дополнения к Никоновской летописи, Продолжение Александро-Невской летописи [ПСРЛ, т. XIII, с. 395; т. XXIX, с. 344], 1565 год, Псковская земля (ныне деревня в Гдовском р-не Псковской обл.). *Прибудъ (С.Е. Мельников) [Мельников, 1984, с. 145–146], ср. срх. *Pribud*, а также луж. *Přibuz* (*Priebus*), топоним [Rospond, 1983, с. 112].

РАДОНЕЖ: «в Радонѣжи», Никоновская и многие другие летописи [ПСРЛ, т. XI, с. 20 и др.], 1374 год и позднее, на р. Паже, в 14 км от Троице-Сергиева монастыря (ныне с. Городок в Дмитровском р-не Московской обл.). *Радонъгъ или *Радонъга [Селищев, 1968, с. 51; Rospond, 1983, с. 117 и др.], ср. серб.-хорв. *Radonega* [Svoboda, 1964, с. 68], а также др.-рус. производное «Радонежь воноуке», новгородская берестяная грамота № 688, середина 50-х – середина 90-х годов XII века [Зализняк, 1995, с. 372].

РОЗНЕЖ: «на Рознѣжи», Симеоновская и многие другие летописи [РЛ, 1997, с. 304 и др.], 1469 год, на Волге, в 60 км ниже Нижнего Новгорода (позднее с. *Разнежье* в бывшем Макарьевском уезде Нижегородской губернии [СНМРИ Ниж., 1863, с. 178]). Упомянут в грамоте 1438 года [АСВР, 1964, т. III, с. 294]. *Рознъгъ*, ср. др.-рус. *Рознъгъ*, новгородская берестяная грамота № 119, 1116–1134 годы [Арциховский, Борковский, 1958, с. 51–52]. Предположение о связи современной формы с рус. диал. *разнежить* (землю) ‘разрыхлить, распушить’ [Смолицкая, 2002, с. 281] ошибочно.

ХОРВАЧ (ХОВРАЧ): «Хорвань», Лаврентьевская летопись [ПСРЛ, т. I, с. 533] / «Ховрачь», Никоновская и другие летописи [т. XI, с. 10], 1368 год, Смоленская земля, на р. Угре (отождествляется с позднейшим с. Погорелое городище, близ которого протекает ручей *Хорвач* (Н.Д. Квашнин-Самарин) [Кучкин, 1984, с. 148], но ср. также села с таким названием в бывших Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губернии [СНМРИ Смол., 1868, с. 505]). Антропоним *Хорватъ*, ср. влахо-болг. *Харват* 1) 1491 год, 2) 1577 год [Морошкин, 1867, с. 199], ст.-чеш. *Charvát*, 1422 год [Staré letopisy české, 1937, с. 40], а также болгарскую фамилию *Хърватов* [ЭССЯ 1974–, вып. 8, с. 149], <др.-рус. (*белые*) *хорваты*, название народа (под 942 годом).

ХОТМЫШЛЬ: «Хотмышль»/«Хотмысль», «А се имена...», Киевский город (ныне *Хотмыжск*, с. Борисовского р-на Белгородской обл.). **Хот(ъ)мысль* (С. Роспонд) [Rospond, 1969, с. 91] <праслав. *Хотимыслъ: чеш. стар. *Chocomysl*, сюда же производное *Chocěmyšl*, *Chocomyšl*, местное название [ЭССЯ 1974–, вып. 8, с. 85].

ХОТУНЬ: «Хотунь», Новгородская четвертая и другие летописи [ПСРЛ, т. IV, с. 148], 1462 год и позднее, на р. Лопасне (ныне с. *Хатунь* в 27 км от Серпейска [ВП, 1967, с. 314]; еще в XIX веке имело форму *Хотунь* (см.: [СНМРИ Моск., 1862, с. 260]). Упомянут в грамоте около 1401–02 годов [ДДГ, 1950, с. 46]. *Хотунь*, ср. *Хотунь*, имя предводителя славян, осаждавших Селунь около 678 года [Морошкин, 1867, с. 201].

Все рассмотренные ойконимы имеют антропонимическое происхождение. С точки зрения словообразовательного оформления мотивирующих основ среди них представлены названия с непроемными на уровне древнерусского языка (Домля, Епифань, Коложе (Колож, Коложа, Колуж, Колужа), Колочь, Оркаж, Хорвач (Ховрач), суффиксальными (Велиж, Велиль (Велила), Воинь, Гостень, Звенич, Острее, Хотунь), префиксальными (Бездеж, Перемерь (Перемирь), Перемышьль, Прибуж, Рознеж) и двучленными (Мстиславеч, Радонез, Хотмышль) основами. Это резко контрастирует с ранним древнерусским периодом, в который большинство топонимов этого типа были образованы от двучленных основ (см.: [Ююкин, 2003, с. 163–166]).

Наибольшее количество топонимов этого типа локализуется на бывшей кривичской племенной территории, в границах Смоленской (Велиж, Мьстиславеч, Хорвач) и Псковской (Гостень, Коложе, Прибужь), а также в бассейне Протвы (Домля, Перемышьль, Хотунь). Почти все названия с архаичным суффиксом *-jь в восточной части русских земель расположены на Волге: Перемерь, Бездеж, Звенич, Рознеж, обозначая, таким образом, главный путь ранних русских миграций в регионе.

Стратиграфия первых упоминаний названий отражает тот факт, что в рассматриваемый период этот словообразовательный тип уже не был продуктивным: от века к веку количество впервые фиксируемых ойконимов неуклонно снижается (в XIV веке упомянуто 10 названий, в XV – 7, в XVI – 3, в XVII – 1).

Всего в период с XIV по XVII век в летописях упомянуто 20 ойконимов с суффиксом *-jь, что составляет 2,4% от общего числа летописных названий населенных пунктов (для сравнения: до XIV века фиксируются 82, или 11,7% топонимов (см.: [Ююкин, 2003, с. 178]).

Литература

- АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси: в 3-х тт. М., 1952–1964.
- Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
- Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
- ВУР – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х тт. М., 1954.
- Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М., 1976.
- ВП – Все Подмосковье. Географический словарь. М., 1967.
- ДПП – Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Займов Й. Български географски имена с *-јь. София, 1973.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Купчинский О.А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности. Киев, 1980.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Мельников С.Е. О чем говорят географические названия. Л., 1984.
- Морошкин М. Славянский именослов. СПб., 1867.
- Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853 (Зап. Императорского Русского географ. о-ва. Кн. VII).
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. [Электронный ресурс]. URL: <http://psrl.csu.ru>.
- Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 1999 (Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 15–16).
- ПЭ – Псковская энциклопедия. Псков, 2003.
- Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. Л., 1963. Т. 5.
- РЛ – Русские летописи. Т. I. Рязань, 1997.
- Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
- СлД-РЯ (XI–XIV вв.) – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10-ти тт. М., 1988.
- Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- СНМНГ Демян. – Списки населенных мест Новгородской губернии. Вып. II. Демянский уезд. Новгород, 1909.
- СНМРИ Моск. – Списки населенных мест Российской империи. XXIV. Московская губерния. СПб., 1862.
- СНМРИ Ниж. – Списки населенных мест Российской империи. XXV. Нижегородская губерния. СПб., 1863.
- СНМРИ Пск. – Списки населенных мест Российской империи. XXXIV. Псковская губерния. СПб., 1885.
- СНМРИ Ряз. – Списки населенных мест Российской империи. XXXV. Рязанская губерния. СПб., 1862.
- СНМРИ Смол. – Списки населенных мест Российской империи. XXXVIII. Смоленская губерния. СПб., 1868.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1952. Вып. 40.

Туников Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–.

Ююкин М.А. Древнерусская ойконимия IX–XIII вв. Воронеж, 2003.

Ююкин М.А. К происхождению названий некоторых русских городов: Боровичи, Бронницы, Буй, Велиж и Лух // *Onomastica. Rocznik*. XLIX, 2004.

Ююкин М.А. Этимологические заметки по древнерусской ойконимии // *Onomastica. Rocznik*. L, 2005.

HSSJ – *Historický slovník slovenského jazyka*: в 7-ми тт. Bratislava, 1991–2008.

Index slovníku J. Svobody «Staročeská osobní jména a naše příjmení». [Электронный ресурс]. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz>

Profous A. *Místní jména v Čechách*: в 4-х тт. Praha, 1947–1951.

Rospond S. *Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -j-*. Wrocław, 1983.

Rospond S. *Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ysk-*. Wrocław, etc., 1969.

Staré letopisy české. Praha, 1937.

Svoboda J. *Staročeská osobní jména a naše příjmení*. Praha, 1964.

Vasmer M. *Wikingerspuren in Rußland* // Vasmer M. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Bd. I. Berlin, 1971.

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ: ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.А. Галиева

Ключевые слова: миф, фольклор, диалог культур.

Keywords: myth, folklore, dialogue of cultures.

Чрезвычайно показательным в отношении взаимодействия фольклора и литературы является пласт древнерусской литературы, которая, на первый взгляд, «отрицает» само явление фольклора, не примиряется с его мировосприятием, системой ценностей. Именно на этом часто основывается мнение ученых, даже самых видных, идущих путем сопоставления устного творчества и древнерусской литературы. Так, Д.С. Лихачев отмечает: «Фольклор и литература противостоят друг другу не только как две в известной мере самостоятельные системы жанров, но и как два различных мировоззрения, два различных художественных метода» [Лихачев, 1979, с. 67], В.П. Адрианова-Перетц также подчеркивает существенное различие между этими системами: «Проблема взаимоотношения в Древней Руси литературы и фольклора – это проблема соотношения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей

принципиальной непримиримости» [Адрианова-Перетц, 1974, с. 8]. Рассмотрение данной проблематики в рамках древнерусской литературы кажется уместным, так как вопрос о «заимствованиях» и «влияниях», всегда поднимаемый относительно классической литературы, остается актуальным и не разрешенным относительно и древнерусской словесности, которая, заметим, стоит намного ближе (хронологически) к фольклору, чем литература XIX–XX века. Сплав языческих и христианских элементов значим для всей русской культуры, народного мировоззрения [Рыбаков, 1974]. В связи с этим важно замечание В.Я. Проппа о взаимодействии двух систем: «Ранняя, первая литература сплошь или почти сплошь есть фольклор. <...> Правда, это не просто фольклор, а фольклор в отражениях и преломлениях. <...> То, что происходит с фольклором и литературой на этой стадии развития, полно величайшего значения для понимания истории духовной культуры вообще» [Пропп, 1976, с. 31]. В данной статье нас интересует именно это «преломление» фольклорной традиции в литературе и возможные формы этого «преломления». Так, например, обращаясь к «Повести о Петре и Февронии Муромских» XVI века, «далекой от канона жития» и «близкой к народной сказке» [Кусков, 1982, с. 19], по замечаниям специалистов по древнерусской словесности, действительно, находим в ней отголоски не только фольклорной традиции, но и глубинных архетипов, связанных с женским культом. Заставляют обратить на себя внимание следующие детали: князя Петра исцеляет от недуга женщина, которая «благословляет палки», ставшие на утро большими деревьями. Обращаясь в рамках сравнительной парадигмы, с одной стороны, к греческой, римской (наиболее близкие нашей культуре) традициям, обнаруживаем в них Деметру, Персефону, Диану и прочих животворящих богинь Земли, а с другой стороны, например, к севернорусской вышивке, встречаемся с вышитым деревом на полотенце, которое известные этнографы и фольклористы понимают через целую систему зашифрованных сакральных символов, связанных с Великой Богиней, с *животными-тотемами*: лосем, лошадью, змеей, медведицей. Более того, в отечественной и зарубежной литературе (в трудах С.Н. Замятина, А.П. Окладникова – у нас, Дж. Фрезера, Р. Грейвса – за рубежом) давно закрепилось мнение о сакральной связующей роли женщины как «магической помощницы в охоте (будущей хозяйки зверей в развитых мифологиях) и как прародительницы в тотемических сообществах, объединенных родством с животным тотемом» [Белова; Петрухин, 2008, с. 140–141]. Исследователи орнамента севернорусской вышивки пришли к выводу, что расшитые полотенца, особенно те, где изображено Мировое Древо, составляют целую семиотически значимую систему, в которой запечатлен образ мира, каким он представлялся

древнему человеку [Русакова, 1987, с. 99–124]. Нельзя всего этого не учитывать, исследуя и средневековую повесть, которая вызвала и до сих пор вызывает множество споров в литературоведении: вопрос датировки (XV–XVI век), вопрос о жанровой природе, вопрос о столкновении и синтезе двух традиций – фольклорной и житийной. Так, М.О. Скрипиль уже в первой половине XX столетия написал о сложном взаимодействии этой повести с фольклорными жанрами, вывод ученого был следующим: в повести объединены два сюжета – сказание об огненном змее и мудрой деве [Скрипиль, 1949, с. 131–167]. Уже это одно наблюдение может натолкнуть исследователей на мысль о жанровой природе повести и о присутствии, особенностях трансформации фольклорной традиции в тексте древнерусской книжности, а также о возможности рассмотрения поэтики всего произведения с точки зрения «ритуального» элемента, обрядовой действительности. Последнее в своей работе «Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики» осуществила Ю.Г. Фефелова. Исследователь выделяет в повести несколько обрядовых элементов, реальностей, связанных со свадебным и земледельческим культом [Фефелова, 2005, с. 428–483]. Итак, обращаясь к тексту повести, к первому ритуально значимому эпизоду, к убиению князем змея, находим сначала одну важную деталь: *«И являлся он ей в своем естественном облике, а людям, приходящим к князю, являлся князем, сидящим с женою своею. В таком наваждении протекло немало времени. Жена этого не таила и рассказала обо всем князю, мужу своему»* [Повесть, 1982, с. 333]. Змей, важно отметить, является в двух ипостасях – в человеческой и животной, поэтому можно поставить вопрос о змее-тотеме, таящем в себе женское (мужское) начало, об эволюции, архетипической модификации. Именно сравнительно-типологический метод помогает проследить стадийное развитие архетипа змеи и мотивов, с ним связанных. Мотив змеборчества – или просто «змеиная» символика – на разных стадиях его развития и бытования претерпевал изменения [Жирмунский, 1962, с. 11] не в лучшую сторону – Змея / змей воспринимались на определенном этапе развития отрицательно. Если обратиться к исследованиям по культуре Запада и Востока В.М. Жирмунского, то увидим из наблюдений ученого, что разные мотивы претерпевали изменения на разных стадиях их развития и бытования. В работах рассматриваются германские эпические сказания и русские, а также тюркские и косвенно многие другие. Видимо, древнерусская литературная традиция в определенные моменты своего развития вступила в «спор» с древними мифологическими представлениями, однако при этом не смогла полностью опровергнуть сакральность и семантическую значимость, в высшем ее смысле, образа Змея. Важность типо-

логии, какова бы ни была отдаленность этнографических и литературных параллелей, выводит нас на связь змеиной символики с космогоническими мифами, культурами предков. Как отмечают специалисты, «хозяйева» (то есть духи природы, высшего мира) «часто принимают человеческий облик, когда вторгаются в мир людей, обычно в качестве чудесных супругов» [Белова; Петрухин, 2008, с. 145]. *«И взяв Агриков меч, пришел в покой к снохе своей. Там увидел он змея в облике брата своего и, твердо убедившись, что это не брат его, а прельститель змей, ударил его мечом. И явился змей в своем подлинном облициии <...>»* [Повесть, 1982, с. 334]. Заметим, что «во времена первотворения в таком обличье являлись к женщинам и первопредки (дема), но события эти имели отношение прежде всего к актам творения», и здесь же фольклористы отмечают: «Духи, настоящий облик которых, как правило, змеиный, фигурируют уже в текстах типа быличек, близких волшебным сказкам о чудесном супруге» [Белова; Петрухин, 2008, с. 145]. Если бы в повести не было этого мотива змеборчества, то не было бы и мотива чудесной встречи – князя с Февронией. Только убив Змея, находясь в состоянии между «здесь» и «там», Петр приобщился к сакральным знаниям через смерть (ритуально), омывшись его кровью. Русский героический эпос, былина о Добрыне и Змее иллюстрирует нам сложный мотив, с одной стороны, змеборчества, а с другой стороны – поединок / брак / приобщение героя к силе Земли.

Обращаясь к греческой мифологии, находим три ипостаси богини плодородия Артемиды: лань, медведица и змея. Можно с уверенностью говорить, что данные воплощения женского архетипа приобрели мировое культурное распространение, о чем свидетельствуют исследования в области славянских древностей Б.А. Рыбакова [Рыбаков, 1981, с. 82–89]. Поцеловать змею означало приобщиться к ее силе и мудрости [Смирнов, 1988б, с. 83]. По мнению М.Б. Плюхановой, рассмотревшей «Повесть о Петре и Февронии Муромских» в контексте времени создания, существующей макариевской агиографической школы [Плюханова, 1995], данное произведение наполнено деталями, которые ритуально маркированы и последовательны. При учете этого суждения не может не остаться не замеченным сюжет, связанный с Агриковым мечом. Меч находится в «непривычном» месте, в храме: *«И показал ему в алтарной стене в нише между двумя глиняными плитами лежащий меч»* [Повесть, 1982, с. 334]. Прояснить «темное» место с сюжетом о мече поможет параллель с западноевропейским «бретонским» куртуазным романом XII века. С одной стороны, казалось бы, далеки между собой светский роман и древнерусская повесть, однако Е.М. Мелетинский в своей монографии о средневековом романе Запада и Востока XI–XII веков показал, что сред-

невековый роман наполнен разными мифологемами, генетически связан с ирландскими мифами, культурными героями: «Все эти мифы “вычитываются” из дошедших до нас эвгемеризованных ирландских мифов, принявших вид псевдоисторических преданий о заселении Ирландии, и из ирландской героической сказки с мифологическим фоном (циклы Кухулина, Финна и т.д.), разумеется, при соответствующем освещении сравнительным материалом» [Мелетинский, 1983а, с. 68]. Обращает на себя внимание «копье Луга, меч Нуаду и кричащий под ногами законного короля камень Фал – их талисманы» [Мелетинский, 1983а, с. 68]. В таком контексте точность описания местонахождения Агрикова меча в древнерусском тексте не вызывает сомнения, и «недоумение» относительно неправдоподобности совмещения *меча* с храмовым топосом отпадает, ведь меч находится между двумя глиняными плитами и предназначен он исключительно для князя Петра. Воин должен добыть себе меч, чтобы приобщиться к сакральным знаниям – былинный мир и древнейшие культы, которые лучше всего сохранились в кеннингах скальдической поэзии, демонстрируют нам этот ритуальный жест. Такая неожиданная этнографически далекая параллель необходима нам в силу того, что у варягов существовал *культ коня*, смежный в ритуальном смысле *культу змеи* и характерный обряд воинского посвящения, в котором определяющим элементом всего действия было нахождение / добывание себе меча [Мелетинский, 1968б, с. 255–257].

Перенося все это на древнерусский текст, конечно, с определенными оговорками, следует сказать, что литература XV–XVII веков отличалась особым мировоззрением, становлением и выработкой *миропонимания* с личностным началом в системе ценностей, по мнению известного специалиста этой культуры А.Н. Ужанкова [Ужанков, 2011, с. 258–260]. Таким образом, обнаруживаем продуктивность типологического метода, позволяющего более глубоко понять всю сложность взаимодействия двух культурных платформ, христианской и фольклорной (языческой, мифологической), на которых зиждется «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

Литература

Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

Белова О.В., Петрухин В.Я. Книжность и фольклор: сюжеты и образы. Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры // Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.

Жирмунский В.М. Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.

- Кусков В. Литература высоких нравственных идеалов // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Мелетинский Е.М. Западноевропейский «бретонский» куртуазный роман XII в // Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983а
- Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968б.
- Повесть о Петре и Февронии // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
- Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Русакова Л.М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1.
- Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. VII.
- Смирнов В.А. «Сказка о медведихе» // Смирнов В.А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе 19 – начала 20 века). Иваново, 2001а.
- Смирнов В.А. «Софийный эйдос» в поэме М. Цветаевой «Переулочки» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1988б. Вып. 3.
- Ужанков А.Н. Генезис литературных формаций (Развитие мировоззрения и русской литературы XI – первой трети XVIII века) // Ужанков А.Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М., 2011.
- Фефелова Ю.Г. Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. СПб., 2005.

МОДЕЛИ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ДОЛИНА МЕЧТЫ»

М.А. Камратова

Ключевые слова: утопический проект, научно-техническая утопия, социально-политическая утопия.

Keywords: utopian project, scientific-technical utopia, socio-political utopia.

Основные виды утопий можно представить антиномичными парами. Литературовед Б. Егоров предлагает такие антиномичные пары: массовые (рассчитанные на группу лиц, сословие или человечество в целом) – личные утопии (рассчитанные на одного человека); теоретические (без конкретной практики) – практические (рассчитанные на

ближайшую реализацию); современные (настоящее время) – отдаленные во времени (утопии в прошлом или в будущем или без регламентации времени); чудесные (основанные на вере в чудо) – трудовые (реализуемые упорным трудом); социально-политические (отдельно социальные, отдельно политические, совместные) – не имеющие социально-политических элементов (подразделяются на научно-технические, материально-бытовые и т.д.); автономные (внутренние, «для себя», закрытые) – агрессивные (навязывающие свои принципы другим) [Егоров, 2007, с. 6–8].

Для нашего исследования наиболее релевантна пара – социально-политические утопии – утопии, не имеющие социально-политических элементов (научно-технические).

В повести Бориса Акунина «Долина Мечты» можно выделить четыре типа утопических проектов: научно-технический и три варианта социально-политических.

1. Научно-техническая утопия.

Действие повести происходит в 1894 году. Конец XIX – начало XX веков характеризуется очень бурным развитием наук и их практическим применением: активное использование электричества, изобретение радио, замена паровых машин двигателями внутреннего сгорания. В этот период времени особенно популярными становятся научно-фантастические романы с утопическими чертами, самым знаменитым писателем данного направления является Г. Уэллс («Машина времени», 1895, «Война миров», 1898).

Главный герой повести «Долина Мечты» Эраст Петрович Фандорин и является выразителем научно-технической утопии. Важной темой его внутренних монологов становится технический прогресс: «Глядя на желто-зеленую степь, которую американцы называют «прерией», Эраст Петрович размышлял не про полковника Стара и его «загадочное дело», а про технический прогресс» [Акунин, 2011, с. 278]. Фандорин считает прогресс залогом духовного совершенствования человека: «Главный смысл прогресса не в удобствах и даже не в безопасности. Развитие цивилизации дает человеку возможность сконцентрировать духовную энергию не на унижительных тяготах бытия, а на его глубинной сути» [Акунин, 2011, с. 279].

Особенно ярко предпочтения Эраста Фандорина проявляются в начале повести: «Мысли Фандорина повернули в более интересном направлении. Настоящая жизнь была там, в инженерно-механической лаборатории Массачусетского технологического, где ковалось светлое и разумное будущее человечества, а копеечные тайны Дрим-вэлли – чушь и глупости» [Акунин, 2011, с. 355]. Автор прозрачно намекает на

утопичность воззрений своего любимого героя, заимствуя выражение «ковалось светлое и разумное будущее» из советской риторики.

В финале произведения, попав под чары юной соблазнительницы Эшлин, поборник прогресса и мастер логических умозаключений Фандорин отказывается принимать решения, руководствуясь доводами разума: «Ты что?! – взвился Разум. Уходи, пока цел! Эта хищница в самый разгар объятий перегрызет тебе горло. За триста-то тысяч? <...> Но Эшлин припала к нему, от ее упругого тела исходили жар и трепет. На эту волшебную вибрацию немедленно отозвался третий из Поводырей (то есть Тело. – *М.К.*), растолкавший и заслонивший двух остальных. В голове мелькнула истинно российская, абсолютно не конфуцианская максима «эх, была не была!», и Фандорин бесстрашно ринулся навстречу самому рискованному приключению всей своей жизни» [Акунин, 2011, с. 46].

2. Социально-политическая утопия № 1.

Морис Стар, удачливый американский предприниматель родом из России, решает нанять детектива Эраста Фандорина для расследования таинственного дела. Сразу же выясняется, что полковник Стар – страстный почитатель утопических идей Н.Г. Чернышевского и его романа «Что делать?»: «<...> будто про меня написано. Как Лопухов в Америку уехал, помните? А про “разумного эгоиста”? Я для себя эту формулу еще будучи студентом вывел. Что хорошо житья на свете мне будет только тогда, когда вокруг не станет сырых и обездоленных. И нужно это не им, а мне самому. Для морального комфорта» [Акунин, 2011, с. 289].

Морис Стар гордится устройством своего производства, основанном, как он утверждает, на принципах социализма: «Вот смотрите. На меня работает пять тысяч человек. Я – капиталист? Да. Эксплуататор? Нет. Двадцать процентов прибыли трачу на расширение производства, десять – на личные нужды, это по-честному. А все остальное идет на оплату труда и улучшение жизни моих работников. У меня каждый получает по труду, по заслугам. Так что, считайте, я на своих предприятиях воплотил основной принцип социализма» [Акунин, 2011, с. 291].

Швейная мастерская Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» устраивалась по тому же принципу: «Я завела мастерскую затем, чтобы эти прибыльные деньги шли в руки тем самым швеям, за работу которых получены. Потому и раздаю их вам; на первый раз всем поровну, каждой особо. После посмотрим, так ли лучше распорядиться ими, или можно еще как-нибудь другим манером, еще выгоднее для вас» [Чернышевский, 1957, с. 131]; «Вере Павловне положили такое жалованье, как другой закройщице. Деньги,

которые прежде откладывала она из прибыли, теперь были приняты назад в кассу, по ее просьбе, кроме того, что следовало ей как закройщице; остальные пошли на устройство банка» [Чернышевский, 1957, с. 133].

В личном распоряжении Мориса Стара есть уникальный железнодорожный вагон, напоминающий загородный особняк, представленный в четвертом сне Веры Павловны: «<...> сразу за локомотивом было прицеплено нечто невообразимое – лакированный, сверкающий хромом шедевр железнодорожного зодчества, *настоящий передвижной особняк*¹. Парчовые портьерки на окнах, *хрустальные фонарики, на ступеньках – пушистый ковер*, а вдоль всей стенки, под сверкающей золотой звездой золотые же буквы: Maurice Star of Crooktown <...> В диванной (так назывался первый салон) *стены были сплошь зеркальные*, диваны – тисненого бархата, а пол – инкрустированного паркета. Далее располагалась столовая, где уже был сервирован стол, слепивший глаза блеском полированного серебра. По стенам висели картины малых голландцев – как сразу определил опытным глазом Фандорин, подлинные» [Акунин, 2011, с. 277].

Карета Полковника Стара является уменьшенной копией вагона-дворца: «При первом взгляде на него Эрасту Петровичу показалось, что, подобно фениксу из пепла, возродился загубленный салон-вагон. Та же золотая эмблема со звездой. Сияющие лаком стенки, *хрустальные фонари по углам*. Лишь размер чуть поменьше, да спереди не паровоз, а четверка першеронов. Зато кучер в цилиндре и белых перчатках» [Акунин, 2011, с. 298].

Основные черты железнодорожного вагона и кареты Мориса Стара заимствованы у хрустального дворца из романа «Что делать?»: «Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, – или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рош. <...> Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и *все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу!*» [Чернышевский, 1957, с. 287–288]. Важной особенностью хрустального дворца из четвертого сна Веры Павловны было электрическое освещение: «Как ярко освещен зал, чем же? – Нигде не видно ни канделябров, ни люстр; ах, вот что! – в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, – конечно, такой он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, ну да, это электрическое освещение» [Чернышевский, 1957, с. 292]. Дом капиталиста Мориса Стара по тех-

---

¹ Здесь и далее курсив мой. – М.К.

нической оснащённости превосходит самые смелые надежды Н.Г. Чернышевского: «Дом был хоть и скромн убрaнством, но очень умно спланирован и оснащён всеми современными удобствами. Электричеству, телефону и телеграфному аппарату Фандорин не удивился, но в ванной имелся настоящий *douche* с горячей водой. Это на диком-то Западе!» [Акунин, 2011, с. 292].

3. Социально-политическая утопия № 2.

Русские последователи Н.Г. Чернышевского и Ш. Фурье создали в горной долине Дрим-вэлли общину «Луч света», основанную на заветах всеобщего равенства и братства: «Первоначально поселенцев было двадцать человек: четырнадцать мужчин и шесть девушек. Они хотели основать ячейку нового жизнеустройства, которое жидилось бы на честном и здоровом труде. Без эксплуатации, без семейного рабства. Все общее: земля, скот, инструменты, дети. Из личного только одежда, обувь и предметы интимного туалета» [Акунин, 2011, с.292–293].

Русские переселенцы пытаются выглядеть и вести себя как обычные крестьяне, но неспособность до конца слиться с придуманной ролью создает эффект театральности, обмана: «На маленькой площади, за составленными покоем столами сидело несколько десятков людей, на первый взгляд – обычных русских крестьян, разве что принарядившихся ради торжественного случая <...> Однако при более внимательном рассмотрении крестьяне оказались странноватыми. Многие в очках или пенсне, да и лица преобладали тонкие, непростодушные – признак, по которому на Руси безошибочно отличают интеллигента, даже если он наденет лапти и поддевку» [Акунин, 2011, с. 346].

Особенности административного и социального устройства общины несут в себе характерные черты жизни Советского Союза. Например, явно заимствовано из советского официоза обращение «*Дорогие товарищи!*» [Акунин, 2011 с. 348]. Община носит название Collective Farm «Luch Sveta», то есть *коллективная* ферма (англ.) – вариант *коллективного* хозяйства (колхоза), а его руководитель Кузьма Луков является *председателем*. Словосочетание «луч света» взято из названия статьи критика Николая Добролюбова «Луч света в темном царстве», известной каждому советскому школьнику. Упоминаются *рабочасы* («<...> она в прошлом квартале по рабочасам победительница, ей от правления награда полагается» [Акунин, 2011 с. 344]) – по аналогии с *трудоднями* в СССР. Воспитательное учреждение именуется *детским огородом* («Тут у нас детский огород, где малюток воспитывают. Все деточки вместе, как редисочки на грядке, потому и огород» [Акунин, 2011 с. 346]), что отсылает, разумеется, к дошколь-

ному воспитательному учреждению *детский сад*, которое обрело свою социально-идеологическую значимость именно в Советском Союзе.

Свою общину русские переселенцы считают земным раем: «– Вот она, матушка, – прочувствованно воскликнул Луков. – Где рожь и луга – наша половина. Обустроенная, слезами и потом политая. Рай земной. Луч света в темном царстве!» [Акунин, 2011, с. 345]. Но не все однозначно определено в русской общине. Например, переселенцы верят в доктрину Л.Н. Толстого о непротivлении злу насилieм и не берут в руки оружие, однако годовщина Бородинского сражения для них – настоящий праздник: «В знаменательный день осчастливить изволили. По нашему русскому стилю нынче двадцать шестое августа, День Бородина. Будет пир, песни с танцами. А как же иначе? Триумф русского *оружия*» [Акунин, 2011, с. 346].

4. Социально-политическая утопия № 3.

Соседи русских по Дрим-вэлли – религиозная община мормонов. Хотя общество мормонов построено на религиозной основе, определяющей "утопической" чертой общины является ее социальное устройство. Изолировав себя от внешнего влияния, мормоны создают свой собственный идеальный мир: «На треугольном пространстве, зажатом между тыном и обрывом, стояли семь основательных домов в два этажа, около каждого – хозяйственные постройки. В стороне – амбары, большой коровник, свинарник, кузница, корраль. Повсюду горели масляные фонари, и было видно, как любовно, тщательно обихожен здесь каждый клочок земли. Посередине поблескивал черной водой идиллический прудик. На клумбах благоухали цветы. Через аккуратно выложенный камнями ручеек был перекинут кукольный мостик» [Акунин, 2011, с. 359–360].

Устройство общины мормонов выглядит слишком идеальным, кукольным, чтобы всерьез считать его жизнеспособным проектом. Фандорин, оказавшись у мормонов, чувствует себя попавшим в сказку: «Я с ними тут, будто Белоснежка с семьей гномами» [Акунин, 2011, с. 362]. Другая «сказочная» аллюзия поддерживает идею невозможности создания рая на земле: «Стелющийся над травой туман поднялся ему сначала до колен, потом до пояса, и казалось, будто он (Мороний. – М.К.) переходит вброд *молочную реку*» [Акунин, 2011, с. 399]. (Ср. «молочные реки и кисельные берега» в русских народных сказках).

Русские переселенцы и мормоны живут на одной территории под названием Дрим-вэлли (Долина Мечты). В самом названии подразумевается оппозиция реальной жизни. При описании Долины Мечты Б. Акунин использует образы, аналогичные сказочным «молочным

рекам и кисельным берегам»: «Отсюда она (Долина Мечты. – М.К.) была похожа на огромную миску щавелевого супа, в которой яичным желтком плавало ржаное поле общины «Луч света». Эраст Петрович остановил свою рыжую на самой кромке, чтобы полюбоваться этим шедевром природной кулинарии» [Акунин, 2011, с. 380].

Из четырех предложенных утопических проектов, кажется, только один представляется Борису Акунину желательным для осуществления. Научно-техническая утопия не идет ни в какое сравнение с живыми человеческими чувствами, а изолированное от внешнего мира существование русской общины и общины мормонов имеет налет театральности и противопоставлено реальной жизни. Обе эти утопии разрушаются. Только предприниматель Морис Стар смог воплотить в жизнь утопические идеалы Н.Г. Чернышевского, не потеряв при этом связь с реальным миром. Данный тип социально-политической утопии совмещает признаки капиталистического и социалистического устройств общества и представлен в повести «Долина Мечты» как самый жизнеспособный. Однако Акунин уходит от идеализации и Мориса Стара: щепетильный Фандорин разрывает сотрудничество с предпринимателем, разочаровавшись в его моральных качествах.

Литература

- Акунин Б. Нефритовые четки. М., 2011.
Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007.
Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1957.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ (ИНО)СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Разные виды семантического структурирования языковой системы, которые предлагаются современной наукой, могут быть эффективно использованы при преподавании иностранного языка. В данной работе продемонстрированы возможности применения в иноязычном обучении принципов логико-семантического подхода к группировке синтаксических структур.

Традиционная вузовская подготовка студентов бакалавриата по основному (ино)славянскому языку в Санкт-Петербургском государственном университете включает, помимо теоретических курсов, набор общепринятых аспектов изучения иностранного языка: грамматика (1-5-й семестры), аудиторное чтение (1-2-й семестры), разговор и домашнее чтение – в течение всего периода обучения, перевод (5–7-й семестры) и, в последние годы, «коммуникативная грамматика» (в первые семестры обучения), дополняющая начальный этап обучения разговору и грамматике.

Очевидно, что на более высоком уровне обучения (на старших курсах) требуется осуществить функционально-коммуникативную перегруппировку имеющихся у студента знаний, предложить новую систематизацию языковых средств (от смысла, от функции), что позволило бы применять имеющийся у студента языковой багаж, полученный на разноаспектных занятиях по языку, и расширять его функционально.

Занятия по разговору в том виде, в котором они традиционно преподаются в вузе, не могут выполнить эту задачу в полной мере, так как строятся не по функциональному, а по тематическому принципу (напр. «Моя семья», «Магазин», «Библиотека», «Поликлиника», «Путешествие»). В то же время такие тривиальные ситуации, как сообщение об имени лица, практически никогда не являются специальным предметом обучения, кроме как на первых занятиях по разговору. Между тем студенту необходимы системно организованные знания о группе именуемых предикатов в изучаемом языке и правилах выбора именуемой структуры.

Так, при общности набора именуемых моделей в русском и болгарском языках наблюдаются не только значительные расхождения в функциональной значимости каждой структуры и ее употребительности, но и дифференциация моделей в зависимости от типа именуемого объекта (лицо, предмет, животное, абстрактное понятие), от характера приписываемого имени (первичное или вторичное имя). Различается и количество ядерных (стилистически нейтральных и общеупотребительных) предикатов именованности. Так, если в русском языке такими нейтральными предикатами являются только глаголы ряда *звать, называть*, то в болгарском языке в ядро входит не менее 5-6 лексем (*казвам, викам, наричам, кръстя* и др.). Более того, при изменении онтологического типа объекта именованности (лицо, предмет, животное, абстрактное понятие) те же предикаты в болгарском языке перераспределяют «сферы влияния», поэтому при выборе модели и включенного в них глагола необходимо учитывать весь комплекс упомянутых выше факторов. Этому осознанному алгоритму выбора модели надо специально обучать.

По какому принципу осуществлять искомую функциональную переориентацию знаний, полученных на первых курсах обучения практическому языку? Вообще говоря, можно использовать любую хорошо обдуманную семантическую типологию предложений, при условии тщательного соблюдения известных этапов коммуникативного обучения (знания → умения → навыки).

Здесь будут представлены основные принципы авторского курса «Функционально-коммуникативный синтаксис болгарского языка» [Иванова, 2006], который читается в СПбГУ для студентов болгарского и болгаро-английского отделений.

Теоретико-методическая установка курса состоит в том, что обучение коммуникативным навыкам производится через призму логико-семантического синтаксиса, предполагающего группировку синтаксических структур в соответствии с основными способами формирования смысла [Арутюнова, 1976]. Напомним, что эта классификация показывает, как в структуре предложения отражаются особенности «динамики» формирования мысли с опорой на возможные связи тех сущностей, которыми оперирует человеческое мышление, – это вещи (предметы), свойства (понятия) и имена – вершины известного «семантического треугольника». Логико-семантический анализ, учитывающий коммуникативную перспективу предложения и референциальные характеристики компонентов, позволяет определить вектор соединения вершин «семантического треугольника» и таким образом выявляет, какой тип мысли выбирает говорящий, формируя связь между темой и ремой. На основании этого Н.Д. Арутюновой были выделены 4 основных (наиболее частотных) «логико-грамматических начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности; 2) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина, 3) отношения номинации, или именованности, 4) отношения идентификации, или тождества.

Четыре названных вида отношений соотнесены с особыми логико-синтаксическими структурами: предложениями бытия, характеристики, именованности, тождества. Предложения каждой группы объединены тем, какие сущности являются отправной точкой формирования предикации и в каком

направлении движется мысль: 1) хотим ли мы заявить о существовании объекта в определенном фрагменте мира (связь «понятие → предмет»): *В этом городе есть университет; У него нет друзей; У меня на душе печаль; На деревьях иней,* 2) сообщаем ли мы признаки предмета, статические или динамические («предмет → понятие»): *Маши умница; Море сегодня спокойно; Ребенок читает,* 3) называем ли его имя («предмет → имя»): *Этого мальчика зовут Коля,* 4) или указываем на идентичность предмета другому, уже известному нам («предмет → предмет»): *Это и есть твой брат Николай; Пострадавший – Иванов.*

Несмотря на универсальность основных способов построения мысли, сопоставление на логико-семантических основаниях даже родственных языков, в частности славянских, убеждает, что при общности основных классификационных типов: 1) оказывается различным набор логико-синтаксических структур, реально представляющих те или иные логико-семантические отношения, 2) наблюдаются стилистические, прагматические, функциональные особенности при реализации одинаковых по форме моделей. Таким образом, данная классификация оказывается эффективной не только для сопоставительного изучения языков (см., напр., ряд наблюдений в [Иванова, 2010]), но и удобной в методическом аспекте: три из четырех семантических групп предложений (именующие, бытийные, идентифицирующие) целенаправленно не изучаются при преподавании славянских языков.

Так, выше уже говорилось об именующих предложениях, которые редко получают комплексное освещение в курсе иностранного языка. То же касается и бытийных предложений. Различия в построении бытийных предложений русского и болгарского языков связаны прежде всего с зонами активности предикатов *habere* и *esse*, при этом в болгарском языке предикат *habere* участвует не только в формировании посессивных построений с личной формой глагола *има* (*Имам кола*, ср. рус. *У меня есть машина*), но и предложений о существовании: в болгарском возможны модели как с безличным глаголом *има*, так и с глаголом *съм*: *В града има университет; Наоколо бяха лозя; При него е майка му.* Это определяет сложную структуру бытийного типа предложений в болгарском языке, где центральной (прототипической) моделью являются предложения с безличным глаголом *има*, а предложения с глаголом *съм* находятся на периферии поля бытийности, так как их употребление связано с рядом ограничений – семантических, прагматических, референциальных. Не менее сложна ситуация с распределением бытийных предикатов и в других славянских языках [Соболев, 1997].

Идентифицирующие конструкции реже других логико-семантических типов предложений попадают в сферу изучения при любой иной выбранной методике обучения иностранному языку. Это объясняется тем, что основной структурой идентификации является бисубстантивное предложение, внешне, казалось бы, не представляющее никаких сложностей для обучения, ср. рус.: *<Ну что ты машешь? – брюзгливо спросил большой и довольно упитанный человек в черных очках... Снял очки и повернулся.> Это был Огурцов*

(А. Волос) и болг. *Отначало не бях напълно сигурен, че младият мъж, когото видях в цюрихския хотел, е Пашов* (И. Петров).

Однако эмфатическая идентификация обычно оформляется специфическими для каждого языка средствами. Так, в русском языке это предложения с эксплицитным и акцентированным *есть* в рамках бисубстантивных предложений: *Та женщина в красном и есть Катерина Ивановна* или разноструктурные предложения с акцентным выделением ремы, указывающей на конкретное лицо – производителя действия, особенно при поддержке идентификатора *это*: *Это не я сделал, – ответил Володин, – это Колян. Это он нас туда затащил* (В. Пелевин). В языках с более строгим порядком слов, в частности в болгарском, действуют ограничения на перестановку компонентов даже при их коммуникативном выделении. Для эмфатической идентификации активно используются болгарские клефтовые структуры, то есть «расщепленные» предложения.

Существуют и многообразные иные, требующие системного представления, средства подчеркивания разных аспектов идентифицирующих ситуаций в болгарском языке: использование конклюдивных глагольных форм для подчеркивания «выводного» знания, имперфектных форм для выражения припоминания, сохранение связочного компонента при неполных реализациях идентифицирующих предложений (см., напр., результаты диссертационного исследования [Прасолова, 2009]).

Характеризующие (в широком смысле, то есть приписывающие устойчивый или временный признак) предложения, имеющие многообразные семантические подвиды, особенно нуждаются в семантической и функциональной группировке для успешного выхода в коммуникацию. Наиболее эффективным представляется их изучение через призму семантических типов предикатов. Эти семантические подвиды (свойства, качества, состояния, процессы, события и их многообразные разновидности и реализации) требуют целенаправленного внимания, так как понимание принципов их формирования облегчает возможности функционально-коммуникативной ориентации студента.

Коммуникативная направленность данного курса реализуется на этапе речевого расширения, сопровождающего каждый из изучаемых логико-семантических типов предложений. Этап речевого расширения предполагает постановку коммуникативных задач, которые решаются в рамках тех или иных речевых ситуаций. Коммуникативно-ориентированная форма обучения способствует выработке активных речевых навыков общения в определенных коммуникативных ситуациях, обучает правилам языкового поведения, учит правильному выбору модели из ряда синонимических вариантов в зависимости от условий и целей коммуникации.

Отработка речевых ситуаций начинается с демонстрационного текста. Грамматическим ядром его служит изучаемый тип предложения, а в качестве рамкового окружения выступают речезкетные единицы и другие коммуникативно значимые языковые выражения (ср. при идентификации *Нямаше да те позная*, при именовании *Пропуснахме да се запознаем, Май не се запознахме*), которые тоже таким образом функционально группируются. При

необходимости в рамках речевых ситуаций предлагаются лексические задания на расширение тематического словаря и грамматические задания на новом лексическом материале. Заключают тему творческие задания, предполагающие использование полученных коммуникативных умений и навыков в рамках видоизмененной речевой ситуации. Например, после изучения способов формирования именуемых моделей можно не только предложить привычные коммуникативные задачи «Представление и самопредставление», «Сообщение/уточнение официального имени» и др., но и уделить больше времени способам введения неофициальных (вторичных) имен и наименований, ср. образцы представления сокращенных имен: а) *Името ѝ е Катерина, но всички ѝ викат Рина*, б) *Казва се Веселин, но чух, че му викат Веси*, в) *Казвам се Антоанета, за по-кратко – Тони*, г) *Можете да ме наричате Дани, иначе името ми е Даниела*.

Этой же цели послужат и разного рода задания, которые обычно разбросаны по разным разделам курса иностранного языка, при том что они хорошо группируются именно по логико-семантическому типу предложений, напр. при именуемом типе: 1) сообщения о присвоении или причинах появления прозвищ, кличек, псевдонимов (для чего в болгарском языке имеются специальные конструкции); 2) выявление полных имен, соответствующих сокращенным типа болг. *Венче, Теди, Стефи, Рени, Ози, Радо*; 3) выявление сокращенных вариантов для соотносительных пар имен мужского и женского рода: *Цветан и Цветана, Александър и Александра, Иван и Иванка, Петър и Петра, Даниел и Даниела* и под.

Разумеется, для выполнения предложенных заданий требуется ввести и отработать не только многочисленные формулы и вопросы именования, но и обсудить социальную ситуацию с системой присвоения и формирования личных имен в Болгарии (причины разнообразия сокращенных, кратких и уменьшительных имен и совпадение образованных или исходных форм; процесс «обновления» и «модернизации» имен, различие в формулировках вопросах об имени в официальных анкетах и бланках и т.д.). На этом функционально ориентированном фоне студент лучше усвоит и такие не всегда очевидные языковые факты, как существенное различие объема понятий лексических единиц: болг. *име* и рус. *имя*, болг. *собствено име* и рус. *имя собственное*.

Предлагаемый курс является **методически открытым**, он может быть эффективен при обучении и другим иностранным языкам. Это обеспечивается: а) общностью логико-семантических отношений в разных языках, б) укрупненностью семантических группировок предложений, что дает возможность разнообразного внутреннего дробления языкового и речевого материала, в) введением речевого расширения, открытого для самых разнообразных добавочных материалов и лингвистических вопросов, которые представляются важными работающему по этой системе преподавателю. Это касается как выбора коммуникативных задач и речевых ситуаций (они хоть и конечны, но все же достаточно многообразны для каждого семантического типа), так и, разумеется, всего того лексического, фразеологического, грамматического

материала, который составляет «языковое сопровождение» ядерных семантико-синтаксических моделей в каждой речевой ситуации.

При ведении такого курса можно отрабатывать материал **разных языковых уровней и разных аспектов изучения иностранного языка.**

Так, практически не ограничено при данном подходе внедрение новых тематических, семантических или словообразовательных групп лексики. Например, подраздел идентификации «Предложения о тождестве имен и значений», обучающий построению предложений номинативного и сигнификативного тождества, позволяет включить любые желаемые группировки лексики непосредственно в задания на поиск лексического эквивалента (номинативное тождество) или на толкование понятия (сигнификативное тождество). Приведем примеры заданий на сигнификативное тождество: а) введите понятие по образцу: *Човек, който дава стая под наем, се нарича хазаин; Този, който живее на квартира и плаща наем, е квартирант*; б) дайте толкование понятию по образцу: *Гратисчия — Гратисчия е човек, който умее да влиза без билет, или пътник без билет. / Така наричат човек, който умее и обича да се снабдява с гратиси и др.*; в) знаете ли вы, кого называют в болгарском языке *кафеджия, купонджия, рушетчия, келепирджия, вицаджия, покерджия, циркаджия, майтапчия, сметкаджия, катаджия, чейнчаджия, компютърджия*. Дайте толкования этим существительным. Сформулируйте два значения суффикса *джиј-/ чии-*; г) какие новые значения появились в современном болгарском языке у следующих слов? Сформулируйте эти значения, используя формулы сигнификативного тождества: *капанче, маймунка, вирус, трепач, връх, октопод, жабка, джоб, мутра, чадър, парче, верига, сапунен, жесток, задръстен*.

В рамках данного курса возможно повторить (и, конечно, расширить) многие классические «предметные» разговорные темы: «Магазин», «Почта», «Библиотека», «Поликлиника», «Университет», «Театр» и др. Конечно, привычная структура подобных тем при этом трансформируется. Вот, например, как может выглядеть повторение темы «Библиотека» с максимальным использованием изучаемых бытийных предложений: *На первом этаже находятся журнальный зал и столовая, а на втором этаже – пункт записи. Еще выше – зал гуманитарных и социальных наук, а также каталог. Около каталога – столики для работы с выдвигаемыми ящиками. Тут же и заявки на литературу. Справа – зал открытого доступа, где находятся книги из подручного фонда*. При передаче на болгарский язык студенту потребуется для каждого предложения решать вопрос о выборе между двумя бытийными предикатами *има* и *съм* и определять необходимость артиклевой маркированности вводимого объекта бытия.

Широки возможности обращения к вопросам словообразования, прежде всего в разделе «Предложения характеристики»: семантическое расширение изучаемой оценочной лексики позволит включить вопросы не только именного и адекватного словообразования, но и глагольного.

Почти все семантико-ситуативные группы единиц речевого этикета могут быть освоены в разных вариантах речевых ситуаций при каждом из типов предложений, напр. для раздела «Предложения идентификации» отрабаты-

вается речевой этикет в ситуациях «Телефонный разговор», «Встреча со старым знакомым», «Припоминание: Мы где-то встречались...» и т.п.

Стилистическое разнообразие подобранных текстов позволит расширить все виды стилистической работы с языковым материалом. Некоторые задания могут (и должны быть) дополнены актуальными лингвистическими и внелингвистическими сведениями.

Вообще говоря, речевое расширение предполагает, что любая необходимая для изучения лингвистическая или страноведческая проблема может быть извлечена из выбранного преподавателем текста, в котором, однако, ведущую роль должны играть изучаемые семантико-синтаксические структуры. Так, одна лишь ситуация телефонного разговора (необходимым этапом которого всегда является идентификация) может быть развернута в самых разных тематических направлениях. Напр. телефонный разговор в ситуации плохой слышимости, когда бывает необходимо назвать себя по буквам (болг. *буква по буква: А – като Ангел*), дает возможность повторить еще раз правила произнесения букв в алфавите (которые в русском и болгарском различаются), и, конечно, основания, по которым выбираются в данном сообществе диктуемые при плохой слышимости буквы (по имени городов? стран? людей?). Обсуждение темы «Навязчивые звонки» или «Дружеский телефонный розыгрыш» позволяет максимально отработать вопросно-ответные реплики идентификации, вопросы идентификации и разнообразные средства выражения предположения.

Функционально-коммуникативное представление языковой системы в вузовском преподавании инославянского языка позволяет активизировать имеющиеся у студента знания по всем аспектам практического языка на новом обучающем витке и дополнить их другими, функционально однородными, что способствует более высокому уровню владения изучаемым языком.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Иванова Е.Ю. Славянские языки через призму логико-синтаксической типологии предложения // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск, 2010.

Иванова Е.Ю. Болгарский язык. Функционально-коммуникативный синтаксис. СПб., 2006.

Прасолова Н.В. Биноминативные предложения в болгарском языке (на материале художественной прозы): автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Соболев А.Н. Заметки о парадигмах бытийных конструкций с предикатами *esse* и *habere* в балканославянском // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1997. Вып. 3.

Е.Ю. Иванова

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РЯДО

Введение

Современная методика преподавания иноязычного общения представлена в современной литературе двумя традициями: (1) с опорой на психолого-педагогический потенциал гуманитарного знания и (2) с опорой на лингвистический потенциал. *Первая традиция* характерна для восточно-славянского менталитета, для которого важны рефлексия на личность обучаемого, специфика его развития в таких контекстах как: социальный, интеллектуальный, деятельностный, а также учет особенностей развития процессов познания обучаемого субъекта и специфики его включения в социальное взаимодействие. *Вторая традиция* отражает в себе уровень развития лингвистической науки, а значит, актуальным для нее становятся те единицы языка, внимание к которым привлечено лингвистическими работами. Так, в разные периоды такими центрами внимания были слово, предложение, текст, высказывание, речевой акт, дискурсия, дискурс. Соответственно, центром внимания на уроке иностранного языка были языковые, речевые, речедеятельностные и, наконец, дискурсивные единицы анализа. Последние вобрали в себя как специфику речевой репрезентации событий, так и специфику их социальной и ментальной, прагматической и когнитивной репрезентации. В принципе, обе традиции так или иначе пересекались в *практике* преподавания иностранных языков, однако организационно работы по *теории* (методике) преподавания иностранного языка попадали либо в поле психолого-педагогических дискуссий, либо в поле лингвистических дискуссий.

Посмотрим на данную область знаний в контексте конкретных университетов, а следовательно, и стран. Так, сегодня, можно увидеть как минимум две парадигмы репрезентации методической науки, причем в каких-то случаях они могут мирно соседствовать в рамках одной страны и даже одного университета. Так, например, и в Польше, и в Беларуси актуальны оба направления, но любопытно, что выбор зависит от места будущей деятельности студента. Для будущих учителей средних школ безусловно приоритетным остается психолого-педагогическое направление. И в Латвии актуальны оба направления – и психолого-педагогическое, и лингвистическое, хотя последнее выводит вопросы методики преподавания в поле изучения академического дискурса.

В России (на примере ГосИРЯ им. А.С. Пушкина в Москве) также четко просматриваются обе традиции в их взаимодействии. Институционально методика преподавания РКИ привязана к психолого-педагогическому блоку. Но тот факт, что именно в этом Институте работал основатель психолингвистического направления в русскоязычном пространстве Алексей Алексеевич Леонтьев, способствовавший детальной разработке деятельностного подхода в преподавании иностранного языка [Леонтьев, 1969, 2005], не мог не сказаться на особом внимании лингвистов к этой области знаний. Достижения лингвистов России в области лингвокультурологии также подняли удельный вес лингвистики среди преподавателей РКИ в целом и РЯДО в частности (см. работы

Ю.Е. Прохорова, В.И. Карасика и др.: [Прохоров, 2004, 2009; Карасик, 2002]). Впрочем, и другие направления лингвистики речи сыграли свою роль в данном контексте.

Психолингвистика с ее теорией речевой деятельности, *лингвокультурология* с фокусом внимания на языковые картины мира изучаемых языков, *прагмалингвистика*, актуализировавшая теорию речевых актов, а значит, значимость ситуации общения, *когнитивная лингвистика*, актуализировавшая фреймы и иные ментальные схемы коммуникации, *этнолингвистика* с ее вниманием к речевому поведению коммуникантов и другие направления лингвистики речи явились значимыми вехами для развития методики преподавания иноязычной коммуникации.

Мы полагаем, что следующим шагом, продемонстрировавшим значимость лингвистической традиции в методической науке, стала *лингвистика дискурса*. В основании лингвистики, работающей с макротекстовыми пространствами, оказался дискурс-анализ – интердисциплинарное направление, рожденное в середине прошлого века во Франции и активно развивающееся сегодня. Именно Франция и стала инициатором актуализации термина «лингвистика дискурса». Она и институционализовала лингвистику дискурса, включив этот термин в обиход европейских лингвистов, издав словарь дискурс-анализа [Charaudeau и др., 2002] и описав терминологический потенциал этого нового, но уже весьма актуального направления [Ухванова-Шмыгова и др., 2013].

В сегодняшнем контексте дискурс-направление представлено в лингвистической науке с разных позиций, в том числе:

- с позиции деятельности – практической, речеповеденческой, языковой, но главным образом деятельности по обретению (языкового) опыта [Leszczak, 2010];
- с позиции аналитических практик - когнитивной, прагматической (идеологической), текстологической и собственно дискурсивной [van Dijk, 1983; Wodak, 2011; Fairclough, 2003 и др.];
- с позиции интеграции деятельностного и аналитического подходов [Ухванова-Шмыгова, 2013].

Остановимся на дискурс-подходе, представленном в интегративном направлении дискурс-исследований несколько подробнее. Интегративное направление, представленное школой каузально-генетического моделирования содержания дискурсов, интегрирует в себе теоретическое и практическое знание. Соответственно, и дискурс-подход, исходящий из этой теории, также имеет и теоретическое обоснование, и практические наработки. Практический подход здесь сфокусирован на анализе реальных дискурсов – текстах (письменная коммуникация) и на устной коммуникации (представленной в учебных материалах в форме скриптов (термин принят в социолингвистике, социологии) или сценариев (термин общепринят в методике преподавания иностранного языка) [Шляхов, 2010].

Что стоит за словом «интегративность»? Понятно, что в текстах, понимаемых как дискурсы, составляющих чуть ли не открытое множество: и социаль-

ная, и языковая, и речеповеденческая и другие составляющие. Согласно каузально-генетическому подходу (КПГ) можно выбрать любой фокус внимания, но при этом помнить, что это все равно лишь одна из возможных перспектив (точек зрения) для понимания коммуницируемого содержания. Относительность и неокончателность выводов, то есть открытость коммуникации – вот что важно помнить. Увидеть же специфику реализации всех одновременно в синтезе, в балансе или дисбалансе их отношений – значит, понять не просто эту конкретную дискурсию, а этот тип дискурса, вскрыть механизм его функционирования.

Такое видение, сведенное воедино в КПГ, позволяет понять, почему в каких-то случаях дискурс трактуется как деятельность (социальная, кросс-культурная, профессиональная...), а в других – как событие (результат деятельности); в каких-то как текст (результат языковой деятельности), или же как дискурсия (результат единения разнообразных видов деятельности в едином текстовом пространстве). Иначе говоря, многозначность понятия дискурс лишь указывает на многоаспектность дискурса как явления и как деятельности. Данный подход лег в основу дискурсного подхода в преподавании иностранного языка.

Почему мы полагаем, что именно интегративный подход может быть оптимальным в преподавании РЯДО? Язык (языковая система) в его функциональной данности (язык в использовании), помогающий увидеть систему речи, – основа обучения общению. В этом случае потенциал общающегося не только в знании системы языка, но и в знании системных составляющих речи и в умении грамотно ею распоряжаться. Включая эти знания в социальную деятельность, в том числе – профессиональное общение, коммуникант должен видеть еще и то, как организовать социум (социальную систему). Текстопорождение и текстовосприятие, таким образом, выходя в коммуникативную деятельность в социуме, вбирает в себя уже три системы. Соответственно и навыки общения разумно формулировать с учетом этих трех базовых систем. Вот почему смысловая и целевая наполненность сообщений в РЯДО дополняется профессиональной составляющей. Все они актуализируются в деловом общении, а значит «оживают» в субъектной ситуации общения. Взаимодействие коммуникантов скрепляется формой репрезентации и оживляется риторическим компонентом. Все это актуально для преподавания РЯДО.

XXI век – век, определивший социальный контекст в качестве ключевой составляющей коммуникации, «вписал» интеракционную составляющую в парадигму общения, потеснив тем самым информационное начало текстопорождения и текстовосприятия. Так, внимание от адресанта коммуникации постепенно переходит к вниманию на аудиторию коммуникации, которая лишь относительно недавно перестала называться в теоретической литературе объектом, а стала равноправным субъектом коммуникативной деятельности. Лингвистика дискурса добавила фокус внимания на взаимодействие общающихся (дихотомия «адресант–адресат»). Появляется новый термин – коммуникативный кортеж [Супрун, 1985], а затем и термин «кортежное содержание» [Ухванова, 1992], что указывает на взаимозависимость общающихся, а значит и на актуальность симметрии коммуникативных ролей в процессе общения. Иницируя общение, адресант берет на себя ту или иную роль и соответственно отводит ту или иную роль адресату. Вопрос в том, принимает ли адресат свою роль и роль иницилирующего

общению, или предлагает иное распределение ролей. Эффективность обучения общению, таким образом, напрямую зависит от того, уделяет ли преподаватель внимание только предмету разговора (информативная составляющая), или также коммуникативной ситуации и, шире, социальному контексту (интерактивная составляющая). Внимание к интеракции как равному партнеру информации определяет по-новому и содержание, и процесс обучения иностранному языку.

Современный учебник по РКИ: принципы, подходы, реализация

Оставляя в стороне многочисленные дискуссии на тему организационного построения учебника, языковеды и методисты согласны в одном: учебник является главным средством обучения, основой систематического индивидуального труда студента [Митрофанова, Костомаров, 1990, с. 251], так как наличие учебника регламентирует значительную часть деятельности учителя и учащегося.

В современной методике, как российской, так и польской, общепризнано, что учебник является важнейшим средством оптимизации учебного процесса; в обучении он используется в качестве основного средства обучения. Так, Т.В. Матвеева в статье «О диалогичности современного учебника» [Матвеева, 2013] отмечает, что методическая тенденция последнего времени заключается в том, что современный учебник не только дает некоторый объем систематизированных знаний (информационная составляющая), но и направлен своим материалом и заданиями на развитие коммуникативно-речевой компетенции обучаемого. Об эффективности обучения свидетельствует то, насколько свободно обучаемый как коммуникант может обсуждать с другими участниками общения представленную в учебнике или задаваемую преподавателем проблему теоретического, а чаще практико-ориентированного плана. Причем реализация этого стала возможна только в последние десятилетия. Мы вслед за Т.В. Матвеевой полагаем, что новый фокус внимания стал возможным благодаря развитию в первую очередь риторики (появление неориторики) и акцента на диалогичность. Это и привело к идее диалогизации учебного текста. Мы полагаем, что сегодня можно говорить о переводе термина «диалог» в термин «полилог». Развитие теории коммуникации, интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку и лингвистики дискурса с их вниманием к взаимодействию и условиям коммуникации стало не менее значимым фактором изменения взгляда методистов на содержание учебника, а значит, и учебного процесса в целом. Отсюда и внимание к обсуждению проблемных ситуаций в современном учебнике.

Аналогичный интерес к интерактивной составляющей учебного процесса демонстрируют и наши литовские коллеги. Так, по мнению Е.М. Бразаускаене [Бразаускаене, 2013], современное университетское сообщество переживает период изменений в характере взаимодействия «учитель–ученик». Возрастает роль студентов в управлении процессом обучения. Дискурсный подход, включающий в себя ориентацию на взаимодействие «адресант-адресат», позволяет более эффективно подготовить студента к новой деятельности в аспекте социализации ее участников.

Понятно, что это весьма важно и для учебников по иноязычному общению, в том числе и для РЯДО. Такой учебник будет интегрировать в себе многое. И 170

это автоматически означает трудность его составления. Написание такого учебника – это дело коллективов, причем, каждый из авторов должен обладать своим уникальным опытом не только работы в качестве преподавателя иностранного языка, но и опытом социализации в разных областях жизни. Уникальный опыт написания такого рода учебников по коммуникативным наукам собрал конкурс на лучшую книгу на русском языке по коммуникации и образованию, который с 2006 года начала проводить Российская Коммуникативная Ассоциация [сайт РКА, URL]. За этот период многие авторские коллективы получили возможность услышать отзывы на свои работы, понять тенденции, которые актуальны сегодня. Очевидно, что на этот опыт следует обратить внимание и тем, кто работает в поле РЯДО.

Материал и результаты исследования

В данной статье мы хотели бы привлечь внимание к учебнику «Менеджмент и коммуникации...», А. Железник и И. Поляк (Кельце, 2012). Данный учебник, а чуть ранее, в 2006 году, учебник «Biznesmeni mówią po rosyjsku...» Л. Фаст и М. Зволинской (Варшава, 2006) стали первыми ласточками среди учебников по РЯДО для студентов продвинутого уровня владения языком специальности. До этого выходили в свет лишь учебники по РЯДО для студентов среднего уровня владения языком специальности (поясним, что в преподавании РЯДО принято делить уровни владения профессиональным языком не в цифровом исчислении, а вербально: базовый, средний и продвинутый уровни). Первый из упомянутых учебников (2012 года издания) прошел длительную апробацию (в течение семи лет) в Университете Яна Кохановского в г. Кельце в Институте иностранной филологии (на русском отделении).

Непосредственным материалом нашего исследования, представляемого данной статьей, стали тексты заданий, включивших в поле своего внимания интерактивную составляющую учебного коммуникативного процесса.

Итак, перед нами учебник «Менеджмент и коммуникации...». Открываем первый тематический блок учебника – «Стратегический менеджмент» и смотрим на первую из трех частей этого блока – «Менеджмент и предпринимательство». Учебник настраивает студента на работу с текстами (дается представление о лексическом разнообразии текстовой реализации). Тексты задают тон общению в формате письменной и устной речи. Задания по говорению становятся первой степенью интерактивной деятельности студента. До этого учебник фактически помогал студенту собрать предметную информацию, знание которой позволяет осмысленно выйти на этап интеракции. И уже в первом задании по говорению – акцент на категорию «роль». И пусть это – роль менеджмента как явления в предпринимательской деятельности, но уже здесь задание настраивает на то, что все информативные составляющие играют ту или иную роль также, как и субъекты. Интеракция задается и жанровым разнообразием текстов – большинство текстов представлены в привязке к субъекту – участнику бизнес-коммуникации. Так, в общение вовлекаются как бы реальные персонажи – генеральные директора разных предприятий и фирм. Важно отметить, что студентам предлагается озвучивать такие тексты в лицах. Среди примеров также и образцы письменного взаимодействия. Здесь – репрезентация бланков досье

компаний и другие документы, адресованные будущим и настоящим партнерам, введенным в общение. Студентам предлагается их заполнить или составить, и тем самым включиться в общение в уже иной модальности. Такой же направленности и тексты по аудированию. Все они репрезентируют субъектов бизнеса, и студенты из первых рук получают информацию, но также (что в нашем контексте особенно важно), получают готовые модели общения, функционирующие в данном профессиональном поле.

По той же схеме построена и вторая часть данного тематического блока с той только разницей, что актуализируется с позиций интерактивной составляющей также и задание по чтению. Так, студентам предлагается проследить логические связи, актуализируемые участниками бизнес-совещания топ-менеджмента одного из предприятий, где значим факт включения в полилогическое общение. Повторяется просьба озвучить полилог в ролях. И это еще одна тренировка интерактивного взаимодействия в бизнес-коммуникации, которая позволяет студентам продолжить накопление необходимого им опыта взаимодействия. И задания по письму в данной части расширяют знание жанровой специфики интеракции. Студенты, заполняя текст договора финансирования (инвестиционная деятельность), делают это уже как бы от себя, придумывая названия предприятия (конструируя свое бизнес-поле), выбирают себе и банк, выходные данные которого необходимо актуализировать в контексте письма; видят и заполняют другие необходимые компоненты. Так, они собирают воедино свой кортеж – всех составляющих данный вид бизнес-деятельности с учетом осознания места и роли каждой из сторон, актуализируют время и пространство, иначе говоря, порождают дискурсии, соответствующие бизнес-коммуникации.

Просьба о переводе (очередное задание учебника) включает студентов в проработку еще одного необходимого звена бизнес-коммуникации – переводческого: студент принимает на себя роль переводчика, проецируя свое знание в пространство международного коммуникативного бизнес-поля. Понятно, что и другие виды профессиональной деятельности получают здесь свое интерактивное развитие, как, например, стратегическое планирование, включающее вопросы товарооборота, конкурентоспособности и др. Все это многообразие деятельности, а значит и субъектов деятельности, уплотняет профессиональное поле, придавая ему необходимый в реальном общении объем.

Разнообразие жанров дополняется разнообразием форматов общения. Так, в последней – третьей – части данного тематического блока мы видим по-иному названные ситуации общения. Здесь студенту предлагают провести в одном случае *диалог*, а в другом случае – *беседу* с опорой на обсуждаемый предмет, значимый для поля бизнеса. Но и не только для поля бизнеса. От узкоспециальных вопросов наблюдается переход к социально значимой стороне профессиональной деятельности. Это обеспечивается тем, что добавляется взаимодействие профессионалов бизнеса с профессионалами коммуникативного пространства – журналистами. Причем, выход в медийное пространство проходит и с учетом Интернет-пространства. От выбора коммуникативных медиа меняется стиль взаимодействия участников общения, что также способствует расширению и углублению опыта обучающихся, уже не говоря о 172

том, что все это дает возможность обучаемому увидеть возможность своего включения в дальнейшем в два поля деятельности – поле бизнеса и поле бизнес-переводчика.

Добавим здесь, что формулировка заданий лаконична по форме, но каждое задание – это как минимум три, но чаще четыре, а иногда и пять строк, уточняющих и **форму** учебной деятельности: «*Прослушайте запись интервью*» (жанр) участников – *генерального директора американско-российского СП General Motors–Автоваз Джона Милонаса и Светланы Французовой, корреспондентки газеты «Презент Центр»*. Задание также называет вторую часть учебной деятельности, которая в то же время является и мотивом первой (составьте письменный конспект). Здесь студент переходит от одного вида деятельности (прослушайте участников бизнес-поля) к другому виду деятельности, которая является не только учебной, но и профессиональной (рабочий конспект). Здесь же и третий вид учебной деятельности (перескажите его содержание по плану), который также является профессиональной деятельностью, ибо взаимодействие предполагает опору на предыдущую информацию, а значит в каких-то случаях и ее интерпретацию, чтобы понять, отталкиваются ли субъекты коммуникации от одинакового понимания обсуждаемых проблем и насколько одинаково.

Итак, мы видим здесь (в первой части) следующие интерактивные модели: бизнес-профессионал – бизнес-профессионал, бизнес-профессионал – журналист-профессионал, бизнес-профессионал – переводчик бизнес-поля, субъект в профессиональном – непрофессиональном поле, профессиональный текст – субъект бизнеса, профессиональный текст – будущий субъект бизнеса. Составляющие этих моделей наполняются в анализируемом нами учебнике такой ключевой интерактивной категорией как роль. Студенты выступают в ролях: директора, топ-менеджеров, обычных рядовых сотрудников, клиентов, покупателей, партнеров по бизнесу, переводчиков. Преподаватель также может взять на себя одну из профессиональных ролей, чтобы контролировать и оценивать каждый из создаваемых дискурсов изнутри. Это порождает такие характеристики ситуаций общения, как: естественность, спонтанность и саморегулирование дискурсов.

Подводя итоги можно сказать, что в учебнике актуализирована информация языкового плана (с акцентом на профессиональную лексику и регистр, а также оптимальные ситуативные, грамматические и стилистические формы), текстового плана (с учетом жанровой специфики бизнес-поля); дискурсного плана (с учетом *форматирования* общения в режиме профессиональной деятельности). Знание о специфике взаимодействия и компетенции – социальные и профессиональные, актуализируемые в работе с данным учебником на занятиях по РЯДО, таким образом, могут и должны носить также и интерактивное наполнение. Наш пример – это лишь один из возможных примеров реализации дискурс-подхода в преподавании иностранного языка для специальных (профессиональных) целей.

Второй вышеназванный нами ранее учебник по РЯДО на продвинутом уровне имеет свою специфику в аспекте интерактивной составляющей, описание которой – это уже материал другой статьи.

Литература

- Бразаускене Е.М. Академический дискурс и славянский контекст: новые тенденции // *La Table Ronde*. Минск, 2013. Вып. 2.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, 2005
- Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 1990.
- Матвеева Т.В. О диалогичности современного учебника // *La Table Ronde*. Минск, 2013. Вып. 2.
- Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2009.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
- Супрун А.Е. Стратификация сообщения в крупном кортеже общающихся // Материалы VI Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1985.
- Сайт РКА. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russcomm.ru/rca_office/index.shtml
- Уханова И.Ф.В поисках реалий семантического ядра текста // *Веснік БДУ*. Серья 4. 1992. № 3.
- Уханова-Шмыгова И.Ф., Гуренчик Е. Терминологический потенциал лингвистики дискурса (на материале французского словаря дискурс-анализа «*Dictionnaire d'analyse du discours*») // *La Table Ronde*. Минск, 2013. Вып. 2.
- Уханова-Шмыгова И.Ф. Лингвистика дискурса и теория познания: кластерные контент-контекстная и практико-деятельностная теории дискурса // *La Table Ronde*. Минск, 2013. Вып. 2.
- Шляхов В.И. Речевая деятельность. Феномен сценарности в общении. М., 2010.
- Шляхов В.И. Сценарная основа речевого общения. Технология обучения. М., 2010.
- Charaudeau P., Maingueneau D. *Dictionnaire d'Analyse du Discours*. Editions du Seuil 27 rue Jacob, Paris VI, 2002.
- van Dijk Teun. *Macrostructures. An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum; *Strategies of Discourse Comprehension*. with Walter Kintsch. New York, 1983.
- Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual* (2nd revised edition). Basingstoke, 2011.
- Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. Boston 1995.
- Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, 2003.
- Fast L., Zwolińska M., *Biznesmeni mówią po rosyjsku*. Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень. Warszawa, 2005.
- Leszczak O. *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. Toruń, 2010.
- Želežik A., Rolak I. *Менеджмент и коммуникации. Русский язык бизнеса. Продвинутый уровень*. Kielce, 2012.

И.Л. Роляк

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РИТОРИКА¹

Примерная программа учебной дисциплины²

1. Цели освоения дисциплины: получить представление о современной риторике как коммуникативной дисциплине; овладеть умениями эффективного коммуникативного воздействия и взаимодействия с целью формирования успешной коммуникативной личности, способной к продуктивному общению в профессиональной педагогической сфере.

2. Место дисциплины в структуре ПООП

Данная учебная дисциплина входит в раздел «Б.2. Общепрофессиональный цикл. Вариативная часть» ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700– Филология.

Для изучения педагогической риторики необходимы знания, умения и компетенции, полученные обучающимися в средней общеобразовательной школе и в процессе изучения основ филологии, введения в теорию коммуникации, основного языка / языков, введения в профильную подготовку («Преподавание филологических дисциплин (с указанием основного языка / языков и литературы / литератур)»), лингвистического анализа текста в школе, литературоведческого анализа текста в школе, философии, культурологи.

Данная учебная дисциплина входит в систему дисциплин гуманитарного цикла, изучающих человека в разных аспектах; в набор дисциплин общепрофессионального цикла, ориентированных на изучение коммуникативной составляющей филологических наук и практики общения.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Данная дисциплина способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700 Филология:

а) общекультурные (ОК):

– владение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);

---

¹ Редакция продолжает публикацию примерных программ учебных дисциплин, вводимых в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 032700 Филология (бакалавриат). См.: «Филология и человек». 2011. № 2; 2011. № 3; 2012. № 1; 2013. № 3; 2014. № 3. Программы разработаны на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета и в лаборатории коммуникативистики и риторики университета по заданию Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, одобрены Советом по филологии и размещены на его сайте: <http://www.philol.msu.ru/~umo/>. Редакция и авторы публикации считают материал полезным и в современных условиях, когда Приказом Минобрнауки России от 07.08.2014 N 947 (зарегистрирован в Минюсте России 25.08.2014 N 33807) утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (бакалавриат). В настоящей публикации текст документа подвергся редакционной правке.

² Авторы-составители: А.А. Чувакин, д.ф.н., проф.; Н.В. Панченко, к.ф.н., доц. / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

- готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-3);
- осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности (ОК-8);
- умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9);

б) профессиональные (ПК):

- способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК-1);
- владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);
- владение основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4);
- способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5).

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: основные положения и концепции в области педагогической риторики и иметь представление о сущности, правилах и нормах общения, о требованиях к речевому поведению учителя в различных коммуникативно-речевых ситуациях;

Уметь: применять полученные знания в профессиональной педагогической и других видах деятельности в области риторической коммуникации;

Владеть: основными методами и приемами практической работы в области целенаправленной, эффективной, результативной и оптимальной коммуникации в сфере педагогической деятельности.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы, или 72 час. Ее изучение заканчивается зачетом.

Введение (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 8 час.; практические занятия – 2 час.). Риторика и ее задачи. Риторика как теория эффективно-воздействия. Риторика как теория эффективной коммуникации. Риторика как теория оптимизации речи. Риторика как теория аргументации. Риторика теоретическая и практическая. Задачи и основные понятия практической риторики. Эффективность и целенаправленность речевой коммуникации; проблемы ее оптимизации. Аспект результативности в речевой коммуникации. Осознанность / стихийность в речевой коммуникации. Оптимизация речевой коммуникации как проблема актуализации благоприятности взаимодействия говорящего и слушающего. Риторическое в условиях межкультурной коммуникации.

Риторика общая и педагогическая: основные законы и принципы взаимодействия (лекции – 4 час.; самостоятельная работа – 12 час.; лабораторные занятия – 4 час.). Основные категории общей и педагогической риторики. Концепция гармонизирующего педагогического диалога. Риторический и педагогико-риторический идеал. Педагогическая риторика и принципы эффективного речевого общения. Гармонизирующий диалог. Вербальная агрессия и специфические формы речевого поведения в детской и молодежной субкультурах. Вербальная агрессия в педагогическом общении. Пути преодоления вербальной агрессии. Основные принципы контроля над вербальной агрессией. Речевой этикет как средство преодоления вербальной агрессии. Общая и педагогическая риторика в сферах обучения родному и неродному языку.

Риторическая деятельность учителя. Слушание в профессиональной деятельности учителя (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 8 час.; лабораторные занятия – 4 час.). Цели слушания; предварительная ориентировка в ситуации слушания, восприятие устного текста и его осмысление; контроль и оценка в процессе слушания. Виды слушания (глобальное, детальное, критическое). Способы слушания (рефлексивное, нерефлексивное, эмпатическое). Умение слушать как профессионально значимое умение. Учебно-речевые ситуации слушания: опрос, проверка задания, беседа, оценка ответов, разрешение дискуссионных вопросов и др.

Риторическая деятельность учителя. Чтение в профессиональной деятельности учителя (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 8 час.; лабораторные занятия – 2 час.). Чтение как процесс извлечения смысла из текста. Специфика понимания текста различного характера. Этапы работы с письменным текстом в процессе осмысления. Типы чтения (просмотровое, ознакомительное, изучающее). Роль графических компонентов в процессе чтения. Шумы в процессе чтения. Приемы запоминания прочитанного, формы и приемы воспроизведения прочитанного. Учебно-речевые ситуации чтения: проверка и оценка письменных текстов учащихся, подготовка к объяснению нового материала, подготовка к анализу художественной литературы, подготовка к дискуссии и т.п.

Риторическая деятельность учителя. Говорение и письмо в профессиональной деятельности учителя (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 8 час.; лабораторные занятия – 2 час.). Общее и различное в природе письменной и устной речи. Механизмы, обеспечивающие создание устных и письменных высказываний. Риторический аспект создания устных и письменных высказываний. Риторический канон: инвенция, диспозиция, элокуция, мемория и акция. Коммуникативно-речевые ситуации, связанные с созданием письменных и устных высказываний: беседа, педагогический диалог, оценочные высказывания, подведение итогов, обобщение; общение с коллегами, родителями и др.

5. Образовательные технологии

Рекомендуемые **образовательные технологии**: лекции, практические и лабораторные занятия, самостоятельная работа студентов.

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых

игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, коммуникативного тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями учебных учреждений, государственных и общественных организаций, мастер-классы педагогов-риторов, экспертов и специалистов в области коммуникативистики и общей и педагогической риторики (одна – две встречи: на 7-ой и 13-ой неделях).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др. Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических и лабораторных занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Ипполитова Н.А. Педагогическая риторика. М., 2001.

Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М., 1998.

Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М., 2001.

Педагогическая риторика: Практикум / под общей ред. Н.А. Ипполитовой. М, 2003;

б) дополнительная литература:

Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.

Беркли-Ален М. Забытое искусство слушать. СПб., 1997.

Васильев Н.Н., Васильева Е.А. Технологии профессионального общения. Ярославль, 2000.

Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996.

Ипполитова Н.А., Оршанская Е.Г. Культура речи учителя иностранного языка (Педагогическая риторика). М., 2004.

Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2007.

Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1999.

Ладыженская Т.А., Михальская А.К. Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М., 1998.

Основы общей риторики / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2000 (2-е изд., 2013).

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. М., 2005;

в) программное и коммуникационное обеспечение

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с ответственными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура (все – в стандартной комплектации для лабораторных занятий и самостоятельной работы); доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки и на лабораторных занятиях).

Программа составлена в соответствии с требованиями ФГОС ВПО с учетом рекомендаций и ПООП ВПО по направлению подготовки 032700 Филология, профиль «Прикладная филология».

Разработчики: профессор Алтайского государственного университета А.А. Чувакин; доцент Алтайского государственного университета Н.В. Панченко / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

Рецензент: профессор Нижегородского государственного университета Г.С. Зайцева.

А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

УЧЕНЫЙ – ПЕДАГОГ – ПАТРИОТ (К юбилею доктора филологических наук, профессора А.П. Сковородникова)

Вся жизнь и деятельность Александра Петровича Сковородникова, незаурядного человека, талантливого и скрупулезного ученого, замечательного педагога, – наглядный пример служения высоким идеалам науки, заботы о русском языке, являющемся национальной ценностью народа.

Александр Петрович Сковородников – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, советник ректора Сибирского федерального университета по вопросам гуманитарного научно-образовательного процесса. Его путь в науку впечатляет: рабочий мукомольного комбината, счетовод этого же заведения, студент медицинского техникума, охранник одной из частных фирм и только потом (после освоения трехгодичной программы подготовки учителей) – ассистент преподавателя русского языка в Институте иностранных языков в Харбине (Китай). После переезда в Россию, в город Красноярск, он сначала работал сметчиком в «Конструкторско-технологическом бюро крайпромсовета», потом завучем в школе рабочей молодежи. Окончание «с отличием» историко-филологического факультета Красноярского педагогического института предоставило ему возможность поступления в аспирантуру по русскому языку [Копнина, Фельде, 2009]. В 1967 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Безглагольные эллиптические предложения в современном русском языке», а в 1983 году – докторскую диссертацию «Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования».

Понять личность этого лингвиста невозможно без хотя бы краткого обзора его основных научных исследований, в каждом из которых тонко проявляются черты характера русского человека, человека-патриота, обеспокоенного состоянием современного гуманитарного образования в целом и русского языка в частности и, как следствие – судьбой подрастающего поколения.

Научная деятельность А.П. Сковородникова многообразна. В сферу его научных интересов входят прежде всего культура речи, стилистика, риторика, лингвистическая прагматика, генристика, лингвистическая экспрессиология,

лингвоэкология. Все эти научные направления связаны с изучением языка в функциональном аспекте, с исследованием возможностей речи. Большое внимание в работах А.П. Сковородников уделяет вопросам взаимодействия речи с окружающей действительностью, что входит в проблематику эколлингвистики – относительно нового лингвистического направления, одним из первых российских разработчиков которого он является. В 1992 году он дает следующее биполярное определение экологии языка (лингвоэкологии, эколлингвистики): «Это такое направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения» [Сковородников, 1992, с. 105]. Таким образом, практическую деятельность в области эколлингвистики ученый видит, с одной стороны, в сохранении и развитии лучшего, что есть в речевой практике, а с другой – в защите языка от всего, что наносит вред его развитию и функционированию.

Не менее значимой является разработка А.П. Сковородниковым понятийно-терминологического аппарата лингвоэкологии. На страницах своих работ он предложил терминопонятия, которые стали использоваться другими учеными, а именно: языковая аллергия, лексическая эрозия, лингвоцинизм и др. (см., напр.: [Сковородников, 1996, с. 7]).

В 1990 году при Красноярском государственном университете А.П. Сковородников создает Лабораторию лингвоэкологии и речевой культуры, которая с 1996 года получает статус подразделения Красноярского научного центра Сибирского отделения Международной академии наук высшей школы. В 2013 году Александр Петрович открывает первый, и пока единственный, журнал, посвященный вопросам лингвистической экологии, под названием «Экология языка и коммуникативная практика». В первом же номере журнала ставятся задачи, ориентированные на сохранение «чистоты» русской речи, и отстаивается гуманистический принцип общения без языкового насилия.

Направление, связанное с теорией и практикой эффективной речи, столь же плодотворно развивается в научных трудах Александра Петровича и его учеников. Он неоднократно подчеркивал в публикациях культурную ценность красноречия и необходимость преподавания риторики в средней школе и вузе. Исследователи пишут о существовании красноярской школы риторического образования и о том, что А.П. Сковородников много сделал для возвращения риторики из исторического прошлого в современную научную и научно-педагогическую практику [Курцева, 2011].

В 1987 году он создал и возглавил первую в постперестроечной России кафедру, в названии которой было слово «риторика», – кафедру общего языкознания и риторики. Заметным вкладом в развитие риторической теории и культуры речи стало изучение системы выразительных средств и риторических приемов современного русского литературного языка, что нашло отражение в энциклопедических словарях-справочниках «Культура русской речи», «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» и словаре-справочнике «Эффективность речевого общения (базовые компетенции)». Словари, идеологом и одним из авторов которых является А.П. Сковородников, уже можно счи-

тать лингвистическими бестселлерами. Об истории серии словарей см. заметку: [Шмелева, 2013].

Все научные работы А.П. Сквородникова отличаются междисциплинарным подходом к исследуемому материалу. Так, философские идеи используются им в осмыслении понятия «национальный риторический идеал» и разработке методики его представления [Сквородников, 1997; 1999].

За годы продуктивной деятельности красноярской научной школы эффективной речи было проведено множество мероприятий, объединяющих единомышленников, увлеченных совершенствованием речевой культуры: около двадцати международных, всероссийских и региональных научных конференций, совещаний и семинаров, призванных консолидировать усилия, направленные на изучение современного языкового состояния, на сохранение чистоты и богатства русской речи. Накануне своего юбилея Александр Петрович принял активное участие в организации и проведении международной конференции «Экология языка и коммуникативная практика» (Красноярск, 2–4 октября 2014 года): он возглавил одно из пленарных заседаний и круглый стол по актуальным вопросам эколлингвистики.

Разработанное А.П. Сквородниковым понятие культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения [Сквородников, Копнина, 2009] имеет непосредственную значимость для современного образования, ориентированного на компетентностный подход. По инициативе Александра Петровича, при его непосредственном участии и курировании в учебные планы всех факультетов Красноярского государственного университета (с 2007 года – Сибирского федерального университета) была введена учебная дисциплина «Русский язык и культура речи», а также факультативы «Основы риторики», «Стилистика и литературное редактирование», «Деловая коммуникация», разработаны соответствующие рабочие программы. Компетентностный подход в преподавании русского языка и культуры речи нашел отражение в учебном пособии «Русский язык и культура речи», редактором которого ученый является [Русский язык..., 2013]. При этом Александр Петрович постоянно оказывает информационную и научно-методическую помощь учителям Красноярска и других городов края по проблемам внедрения риторики и культуры речи в школьную практику.

Названный выше круг научных тем нашел отражение на страницах научно-методического бюллетеня «Теоретические и прикладные аспекты речевого общения», редакторскую работу которого возглавил А.П. Сквородников. Решением 3-ей Международной конференции по риторике (г. Москва, январь 1999 года) «Бюллетеню» присвоен статус «Вестника Российской риторической ассоциации». Позже издание было переименовано в специализированный вестник «Речевое общение», который издавался на протяжении 12 лет.

В докладе «Роль гуманитарного образования и науки в современной России» [Сквородников, 2009] А.П. Сквородников предлагает концепцию гуманитарного образования в университете инновационного (предпринимательского) типа. На наш взгляд, позиции, пять лет назад высказанные ученым, не только не потеряли свою актуальность, но и приобрели еще большую остроту в свете современных социально-экономических и

политических катаклизмов. Доклад Александра Петровича организован посредством метода «комментированной цитаты». Этот метод предполагает прямое цитирование высказываний представителей самых разных профессиональных сфер – политиков, социологов, юристов, журналистов, учителей и др. – с последующим комментированием этих цитат. Подбор цитат позволил ученому представить анализ современной действительности в России и доказать, что в современных условиях «...было бы непростительной ошибкой ограничиваться только профессиональной подготовкой студентов и проигнорировать аспект их общекультурного, этического и гражданского становления, которое, увы, оказалось неосуществленным (по крайней мере – незавершенным) в лоне семьи и школы». Он говорит о необходимости развивать гуманитарную сторону образовательного процесса в вузе и важности патриотического воспитания: «Мы должны понимать и чувствовать Отечество как абсолютную ценность. <...> Фундаментом любого мировоззрения является система ценностей, <...> поэтому же проблеме ценностей наше педагогическое гуманитарное сообщество должно уделять самое пристальное внимание. <...> Вернуть России, в первую очередь ее молодому поколению, национальных героев могут и должны гуманитарии, прежде всего – историки, филологи, философы. <...> Именно филология в содружестве с историей и философией обеспечивают освоение ценностно-смысловых ориентиров, ментальных структур, гарантирующих целостность данного общества и государства». В докладе А.П. Сковородников, не умаляя значимости изучения иностранных языков, предлагает обратить внимание на тот факт, что в ряде государственных вузов России приветствуется и материально поддерживается преподавание разных курсов, в том числе гуманитарных, на иностранном языке, в первую очередь – английском. Между тем невозможно представить себе изучение русского языка и литературы российскими студентами на английском языке.

Концепция культурно-речевой компетенции носителя полнофункциональной речевой культуры, предложенная А.П. Сковородниковым, представлена моделью, состоящей из четырех базовых компетенций: общефилологической, языковой, коммуникативной, эстетической – с соответствующими наборами субкомпетенций, эксплицирующих их содержание. Особенностью этой модели является то, что она дает возможность каждому конкретному учебному заведению выработать собственный вариант ее реализации с учетом условий и специфики тех направлений и специальностей, которые в нем преподаются [Сковородников, Копнина, 2008; 2009].

Александр Петрович как личность не просто привлекает внимание эрудированностью, виртуозным владением многими жанрами устной речи, а притягивает к себе своим энтузиазмом, энергией, готовностью поделиться научной идеей, житейской мудростью. «Учиться надо не до старости, а до смерти», – любит повторять конфуцианское изречение Александр Петрович. Его организаторские способности, творческая энергия и научная деятельность вызывают огромное уважение и искреннее восхищение. Для нас он великолепный ученый, замечательный педагог и, безусловно, настоящий патриот своего Отечества.

Литература

- Копнина Г.А., Фельде О.В. Академик слова. К юбилею выдающегося красноярского филолога А.П. Сковородникова // Новая университетская жизнь. 2009. № 19.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.
- Курцева З.И. Коммуникативно-нравственный аспект риторического образования: автореф. дис. ... докт. педагог. наук. М., 2011.
- Русский язык и культура речи (базовые компетенции). [Электронный ресурс]. URL : http://catalog.sfu-kras.ru/cgi-bin/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe#page-title
- Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Красноярск–Ачинск, 1996. Вып. 1.
- Сковородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6.
- Сковородников А.П. Роль гуманитарного образования и науки в современной России. Красноярск, 2009.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement. 2009. № 2.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. О формировании речевой культуры студента высшего учебного заведения (в аспекте компетентностного подхода) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4.
- Шмелева Т.В. История словаря // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. Март 2013. [Электронный ресурс]. URL : <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/462>
- Экология языка и коммуникативная практика: сетевое научное издание. [Электронный ресурс]. URL : <http://ecoling.sfu-kras.ru/>
- Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.
- Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012.
- Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014.
- Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск–Ачинск, 1997. Вып. 5.
- Сковородников А.П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Вестник Красноярского государственного университета. 1999. Вып. 1.

И.В. Евсеева, А.Н. Сперанская

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

М.Н. Крылова. Сравнительные конструкции современного русского языка в аспекте гендерной лингвистики. В статье отмечается, что сравнительные конструкции, создаваемые мужчинами и женщинами, имеют ряд значительных отличий, связанных с различиями полов и гендерными стереотипами. Отличаются образы сравнений: женщины чаще апеллируют к объектам мира моды, косметики, кулинарии, телесериалов, мира природы; мужчины – к объектам из сферы истории, политики, прецедентным феноменам, новым явлениям. Сравнения, создаваемые женщинами, более эстетичны, мягки, в них чаще используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Мужские сравнения более конкретны, реалистичны, более разнообразны по форме, им часто свойственна грубость, с их помощью нередко выражается отрицательная оценка. Однако анализ сравнительных конструкций позволяет выявить не только гендерные различия, но и глубинное эмоциональное единство мужчины и женщины. Объединяет оба гендера при создании сравнений высокая степень экспрессивности, эмоциональности, свойственная, по нашему мнению, функционально-семантической категории сравнения как категориальный признак.

M.N. Krylova. Comparative Constructions of Modern Russian Language in the Aspect of Gender Linguistics. The article points that comparative constructions created by men and women have a number of significant differences related to gender differences and gender stereotypes. Images of the comparisons are different: women are appealing more to the objects of the world of fashion, beauty, cooking, television series, the natural world, and men – to objects to the sphere of history, politics, precedent phenomena, new phenomena. Comparisons created by women are more aesthetically pleasing, soft, the words with diminutive suffixes are using in them more often. Comparisons started by men are more concrete, realistic, more varied in form, they are often characterized by rudeness, can express a negative assessment. However, the analysis of comparative constructions allows to reveal not only gender differences, but also deep

emotional unity of man and woman. The high degree of expressiveness unites both genders when making comparisons. This emotionality is peculiar, in our opinion, as the categorical sign of functional-semantic category of comparison.

Л.Р. Дускаева, Ю.М. Коняева. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария. Статья посвящена проблеме речевого развертывания в тексте творческого портрета «звездной персоны». Вводится понятие коммуникативного сценария как комбинации коммуникативных действий, упорядоченной в соответствии с принятыми в профессиональной культуре алгоритмами речевого поведения. На основе анализа журналистских текстов выделяется несколько коммуникативных сценариев оценки персоны – юбилейное посвящение, некролог и посвящение «герою события». Отмечается, что внутри каждого из сценариев возможны варианты. В коммуникативных сценариях выражен частный способ реализации типового авторского замысла совокупностью коммуникативных действий. Интенциональность каждого типа текстов включает осведомление о биографических данных, портретное описание, объяснение эстетической оценки этапов «звездного» пути, социальную оценку роли персоны в искусстве. Рассматриваются стилистико-речевые особенности презентации в тексте каждого коммуникативного действия. Высказывается мысль, что в некрологе и юбилейном посвящении статус каждого коммуникативного действия и порядок их следования зависит от характера эмотивности текста.

L.R. Duskaeva, Yu.M. Konyaeva. «Star Person» in Art Journalism: Stylistic and Speech Representation of Communicative Script. The article considers the problem of speech deployment in the text of a creative portrait of «star person». We introduce the notion of a communicative script as a combination of communicative actions, ordered in accordance with the algorithms of speech behavior. Based on the analysis of journalistic texts there explored several communicative scripts for assessing the person – anniversary dedication, obituary and dedication «to the hero of the event». It is noted that in each of the scripts modifications are possible. The particular way of implementing the model of the author's intention are expressed in communicative scripts by the sum of communicative actions. Intentionality of each type of texts includes information about biography, portrait description, explanation of aesthetic evaluation of «star» way, social assessment of a person in the art. Stylistic and speech features of presentation of each communicative action in the text are considered. It has been suggested that in the obituary and dedication to the anniversary the status of each

communicative action and their order depends on the nature of the text emotiveness.

Л.С. Чикилева. Прагматический аспект предвыборных выступлений. В статье рассматривается прагматический аспект предвыборных выступлений. Уделяется особое внимание коммуникативным стратегиям, стилистическим и лексико-грамматическим средствам, используемым в предвыборных обращениях для оказания речевого воздействия на избирателей. Чтобы быть убедительной, предвыборная речь должна быть хорошо структурирована, иллюстрирована интересными примерами, должны быть тщательно отобраны языковые средства, использованы связки. Целью речи является изменение ценностей слушателей. Аудитория должна сделать свой выбор. Оратор должен хорошо понимать, какую именно информацию он хочет донести до слушателей и какой язык использовать в зависимости от речевой ситуации и фактора адресата. Очень важно хорошо произнести речь. Для этого необходимы следующие умения: донести информацию понятными для слушателей словами; говорить так, чтобы было интересно; реагировать на реакцию слушателей. Автор считает, что предвыборные обращения играют значительную роль в оказании воздействия на электорат.

L.S. Chikileva. Pragmatic Aspect of Pre-election Public Addresses. The article deals with a pragmatic aspect of pre-election public addresses. Special attention is given to communicative strategies, stylistic and lexicogrammatical means used in public addresses to influence the electorate. To be persuasive, a pre-election speech should be well-structured, with interesting supporting materials, well-chosen language, smooth transitions and fluent delivery. The speech target is to change the audience's beliefs and values. The audience is asked to make an explicit choice. The speaker must be very clear about what information he wants to get across and what language to use in regards with speech situation and the audience involved. Effective performance is of great importance. It comprises the following skills: putting information in words that others will understand, speaking skillfully to be understood and to be interesting, responding to the listeners' reactions. The author considers that pre-election public addresses play a great role in the manipulation of electorate.

Л.А. Козлова. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте. Статья относится к области этнолингвистики, которая сегодня активно развивается в общем контексте когнитивно-ориентированных исследований с их интересом к проблеме роли человеческого фактора в языке и культуре и обусловленной этим необходимостью изучения тесной взаимосвязи между языком и

культурой. В статье рассматривается один из аспектов общей проблемы этнокультурного потенциала языковых единиц разных уровней и его манифестации в тексте. Объектом исследования статьи служит метафора в аспекте ее когнитивной сущности, а предметом исследования – ее национально-культурная специфика и способы ее манифестации в тексте. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что именно в метафоре более, чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют свою неразрывную связь, что позволяет говорить о ее национально-культурной специфике, имеющей различные способы манифестации. Как показано в статье, национально-культурная специфика метафоры находит свое отражение в разной степени эмоциональной и экспрессивной насыщенности коммуникативных стилей в разных культурах, в выборе объектов метафорического описания, в специфике образов сознания, служащих в качестве сферы-источника метафор в разных культурах, а также в наличии т.н. культурных коннотаций в именах одних и тех же реалий в разных языках, что следует учитывать в межкультурной коммуникации и переводе.

L.A. Kozlova. The National-Cultural Specificity of Metaphor and the Means of its Manifestation in the Text. The article refers to the sphere of ethnolinguistics which is being intensely developed today in the context of cognitively-oriented studies majoring in the issues of the role of human factor in language and culture and thus the importance of studying the interrelation between language and culture. The article addresses one of the aspects related to the issue of ethnocultural potential of language units of different levels and the means of their textual manifestation. The object of study is the metaphor in the aspect of its cognitive essence, and the subject matter of analysis is its cultural specificity and the forms of its representation in the text. The analysis undertaken in the article enables to conclude that metaphor more than any other form of symbolic representation reveals close bonds between language and culture, which find various forms of their manifestation in the text. As the article shows, the national-cultural specificity of metaphor finds its reflection in the different degree of emotional and expressive load of national communicative styles, in the choice of target domain for metaphorical representation, in the difference of culturally specific images which constitute the source domain of metaphors and the difference in the so called cultural connotations present in the names of the same realia in different languages. All this is worthy of consideration both in the process of cross-cultural communication and in the process of translation.

О.А. Никитина. Словотворчество как проявление лингвокреативности современной немецкой языковой личности. В статье на примерах немецких неологизмов конца XX века – начала XXI века рассматриваются два вида словотворчества, характерные для современного немецкоязычного социума, – индивидуальное и коллаборативное словотворчество. Под индивидуальным словотворчеством понимается процесс порождения новых слов и сочетаний в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Под коллаборативным словотворчеством понимается целенаправленное создание новых слов в рамках совместных проектов, реализуемых в немецкоязычном социуме под эгидой филологических объединений в соответствии с «социальным заказом» и целями языковой политики. Рассматриваются проблемы создания и распространения в современном немецком языке новых слов, призванных заменить англоязычные заимствования, выявляются факторы, обуславливающие популяризацию и последующую стабилизацию употребления англицизмов или конкурирующих с ними немецких слов-субститутов.

O.A. Nikitina. The Word Creation as a Manifestation of Linguistic Creativity of Modern German Language Personality. The article deals with the example of German neologisms of the end of the 20th – the beginning of the 21st century with the two types of word creation in the modern German-speaking society – the individual and collaborative ones. The individual word creation is understood as a process of building new words and phrases according to a particular communicative situation. The collaborative creation of new words means the intentional word creation in some collaborative projects in the German society under the aegis of philological associations in accordance with the «social requirements» and the aims of language policy. The article reveals the problems of creation and distribution of words-substitutes in modern German, which are to replace English borrowings, and the factors, which cause stabilization of usage (i.e. incorporation into the vocabulary system) either of Anglicisms or corresponding German words-substitutes.

Ф.Б. Бобоев. Поэтика Рудаки. В статье рассматриваются предпосылки возникновения ранней прозы и поэзии на фарси. Персидской версии «Комментарии» и «Истории» Табари, а также поэзии Рудаки принадлежит особая заслуга в этом вопросе. Из содержания прозаических произведений ат-Табари осуществляется перемещение коранической духовности мифологического, аллегорического и нравственно-поучительного содержания в поэтическую среду. Поэтому сведения «Истории пророков и царей» в арабском оригинале не могли остаться незамеченным «Адамом поэтов» Абу Абдуллахом Рудаки. В его творчестве прозаический материал поэтизируется иногда в пересказе, иногда в

связном риторическом обрамлении, а в редких случаях – в подлинном виде. Лирическая поэзия Рудаки вобрала в себя сатирический, дидактический и политический элементы, а ее описательная часть, в отличие от арабской пустыни, происходит на фоне живописной природы родного края. В лирической поэзии Рудаки прослеживаются три основных направления – любовные, пейзажные и дидактические стихи. В любовных стихах поэт стремится создать образ живой, земной женщины как эталона идеальной красоты. Он, опираясь на древний фольклор иранских народов, создает мифологему любимой женщины; Рудаки впервые сделал природу объектом поэзии, показал человека как частицу живой природы, и ее неповторимые картины нарисовал в своих весенних стихах – «*bahariyya*»; в системе исламского кодекса морального поведения, понимания мудрости и нравственного величия Рудаки являлся также поэтом-новатором. В дидактических мотивах поэта ярко выражено религиозно-национальное самосознание. Свои афоризмы и поучения он называет наставлениями (*pand*) или мудрыми наставлениями (*pand-i azadvar*). Таким образом, Рудаки в контексте своей лирической поэзии находил удачное совмещение новых мотивов и идей. Если переводы «Тадфисира» и «Истории» ат-Табари послужили мощным средством укрепления и расширения роли языка фарси в мусульманской культуре, то поэзия Рудаки выполняет эту миссию в области художественного слова и тем самым способствует приближению литературы к народу.

F.B. Boboev. Poetics of Rudaki. The article examines the prerequisites of early poetry and prose in Farsi. Persian version of the Tabari's *Comments and History* and Rudaki's poetry has a special merit in this matter. There is transferring of the Quran spirituality of mythological, allegorical, moral and instructive content into poetic medium within content of prose books. Therefore, the information of *History of Prophets and Kings* in the Arabic original could not go unnoticed by "Adam of poets" Abu Abdullah Rudaki. In his work the prosaic material sometimes poeticizes in the retelling, sometimes in a coherent rhetorical frame, and in rare cases – in the truest form. Rudaki's lyric poetry absorbed satirical, didactic, and political elements, and its narrative in contrast to the Arabian Desert takes place against the backdrop of scenic beauty of his native land. The lyric poetry of Rudaki has been three main areas – love, landscape, and didactic. In love poems the poet seeks to create an image of a living, earthly woman as an ideal standard of beauty. Based on ancient folklore of the Iranian peoples, he creates the mythologem of a beloved woman; Rudaki was the first to take the nature as an object of poetry, he showed a human as a part of wildlife and painted its unique picture in his spring poems – *bahariyya*; in the Islamic code of moral conduct, wisdom and understanding of the moral grandeur Rudaki also was a poet-

innovator. The religious and national identity was clearly expressed in poet's didactic motifs. His aphorisms and teachings were called the instructions (*pand*) or the wise instructions (*pand-i azadvar*). Thus, Rudaki in the context of his lyric poetry found a successful combination of new motifs and ideas. If the translations of Tabari's *Tafsir* and *History* served as a powerful tool for strengthening and expanding of the Persian language role in the Muslim culture, then Rudaki's poetry fulfills this mission in the field of artistic word and thereby contributes to the approximation of literature to the people.

К.В. Анисимов. «Литературность» в тексте историка: сибирские травелоги XIX века и националистический дискурс (случай П.И. Небольсина). В статье исследуется роль интертекстуальных заимствований в поэтике восточного травелога середины XIX века, суб-жанра, развивавшегося в русле интеграционных стратегий русского национализма, одной из ключевых задач которого было создание образа гомогенного пространства, приходящего на смену картинам пестрого имперского мира. Существенную сложность на пути развития этого подхода представляли огромные сибирские окраины, типичные имперские владения, располагавшие немалой этнографической оригинальностью. В терминах поэтики и семиотики задача, стоящая перед автором, заключалась в том, чтобы описать «незнакомое» как «знакомое» и «далекое» как «близкое». Издавна присущая травелогам как жанру стратегия «узнавания» (та или иная новая локальность соотносилась европейским автором с топосами классических землеописаний) обретает в исследуемый период отчетливо художественный аспект. В качестве примера в статье рассматриваются опубликованные в 1849 году историком П.И. Небольсиным «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул». В своих зарисовках сибирского быта автор прибегает к коллажу интертекстуальных цитат из наследия Карамзина, Пушкина и Гоголя. В результате читателю предлагается «узнать» Сибирь не столько как «географию», сколько как «литературу». Формирующаяся литературная классика становится поэтическим инструментом «воображения» восточной окраины как продолжения целостного национального мира.

K.V. Anisimov. Literariness in the Text of the Historian: 19th Century Siberian Travelogues and Discourse of Nationalism (the Case of P.I. Nebol'sin). The article investigates the role of intertextual loan motifs in the poetics of mid-19th century eastern travelogues, a sub-genre which was vigorously cultivated by many authors involved in the basic strategy of Russian nationalistic discourse – to rethink the multiple and diverse imperial territories as an integral and homogenous space. The popular imaginative perception of vast Siberian peripheries as faraway lands, a distant and almost

unreal world characterized by social and ethnographic exoticism created a number of obstacles on the way of the a.m. rethinking. In terms of poetics and semiotics the prime aim of the author was to describe the «unknown» as «known» and «remote» as «close». The inherent feature of old European travelogues was to «recognize» the described realities (correlating them with topoi of classical Greek and Roman geographies). This feature attains in the studied period a distinct literary mode. As an example Pavel Nebol'sin's *Notes on the Way from St.-Petersburg to Barnaul* published in 1849 are analyzed in this article. Describing the everyday life of Siberians Nebol'sin introduces a number of intertextual allusions taken from Karamzin's, Pushkin's and Gogol's oeuvres. Eventually, the reader had to recognize Siberia mostly as «literature» rather than «geography». The forming Russian tradition of literary classics becomes the poetic tool to «imagine» the Eastern periphery as the continuation of an integral national world.

Е.Ю. Сафронова. Художественный «кодекс» Ф.М. Достоевского: система наказаний в «Записках из Мертвого дома». В статье рассматривается система наказаний в художественном целом «Записки из Мертвого дома». Все функции российской пенитенциарной системы – возмездия, восстановления справедливости, исправления преступника, устрашения общества, предупреждения преступлений (превенция) – оказываются неэффективными. Достоевский предвосхищает открытия юридической психологии о влиянии психологических особенностей личности на восприятие наказания. Оно зависит, в первую очередь, от нравственного уровня человека, поэтому для лиц, утративших сознание стыда и позора, репрессивная сила наказаний (даже телесных) сводится к нулю. Писатель не только выявляет неэффективность функций наказания, показывает кризис исправительной системы, но и предлагает свою художественную программу ее реформирования. Автор «Записок» предстает перед нами как носитель прогрессивного юридического мышления, инициатор отмены телесных наказаний в России. В «Записках из Мертвого дома» у писателя формируется ядро философии преступления и наказания, которая получит развитие в дальнейшем творчестве.

E.Yu. Safronova. F.M. Dostoevsky's Art «Code»: System of Penalties in *Notes from the Dead House*. The article deals with the system of penalties in the artistic whole *Notes from the Dead House*. All functions of the Russian prison system – retribution, restorative justice, corrections criminal intimidation of a society, crime prevention are ineffective. Dostoevsky anticipates the discoveries of legal psychology in a person's psychological impact on the perception of punishment. It depends, first of

all, on the ethic level of a person, so for those who have lost the consciousness of shame and disgrace, the repressive power of punishment (even physical) is reduced to zero. The writer does not only reveal the ineffectiveness of the punishment functions, shows the crisis of a penal system, but also offers his artistic program of its reforming. The author of the *Notes* appears to us as a carrier of progressive legal thinking, the initiator of an abolition of corporal punishment in Russia. In *Notes from the Dead House* the writer formed the core of the crime and punishment philosophy, which would be developed in his future works.

И.П. Шинювников. Карнавализованный диалог в творчестве В.М. Шукшина (на материале рассказа «Верую!»). Статья посвящена влиянию карнавальской традиции на организацию диалога в рассказе В.М. Шукшина «Верую!». Автор статьи рассматривает элементы карнавализации, которые проявляются в художественной структуре рассказа, такие как мотив застольной беседы, профанация дидактического слова, фамильярный контакт между собеседниками, переход речи в смеховое действие и другие. Автор также обращает внимание на такие особенности карнавализованного диалога, как сопоставление объясняющего и вопрошающего слова и особое значение мотивов питья и безумия. По мнению автора, картина карнавального действия, представленная в данном рассказе, испытывает влияние элементов пародийных жанров древнерусской литературы. Автор отмечает значение словесно-зрелищной формы карнавализованного диалога для своеобразия художественного мира произведений В.М. Шукшина.

I.P. Shinovnikov. The Carnivalistic Dialogue in Vasilii Shukshin's Works (on the Material of the Story *I Believe!*). The article considers the influence of carnival tradition to the organization of a dialogue in Vasilii Shukshin's story *I Believe!* The author of the article explores the elements of carnivalization, which appear in the artistic structure of this story as the motif of a table talk, the profanation of a didactic word, the unceremonious contact between interlocutors, the conversion of the speech into laughable action, and others. The author also draws attention to such peculiarities of the carnivalistic dialogue as comparison of the explaining word and the interrogative word, and the special significance of motifs of drinking and madness. In the opinion of the author, the picture of the carnival action shown in this story is influenced by the traditions of parody genres of the Old Russian Literature. The author remarks the meaning of the word-show form of a carnivalistic dialogue for peculiarity of the artistic world of Vasilii Shukshin's works.

Л.Г. Валиева. Репрезентация целевых и причинно-следственных отношений в тюркских языках. В условиях антропоцентризма современной лингвистической науки исследование языковой реализации разных семантических отношений представляет несомненный научный интерес. Категории мышления наиболее полно раскрываются в синтаксическом строе языка, поэтому исследование выражения мыслительных категорий средствами синтаксического уровня языка, безусловно, является актуальным для современного этапа развития языкознания. В системе смысловых отношений самыми сложными и многоплановыми являются обстоятельственные отношения. В языкознании установлены следующие логико-смысловые значения, традиционно относящиеся к обстоятельственным: семантика места, времени, причины и следствия, цели, условия, уступки. Данная статья посвящена описанию структурных особенностей конструкций, выражающих целевую и причинно-следственную семантику в тюркских языках, и установлению характера взаимосвязи этих смысловых отношений.

L.G. Valieva. Representation of the Target and Causal Relations in Turkic Languages. In contemporary anthropocentric linguistics the research of language realization of different semantic relations is on the agenda. Categories of thinking are revealed best of all in a syntactic system of a language therefore the research of representation of the language phenomena by the means of syntactic units is certainly acute for the contemporary linguistic studies. In the system of semantic relations the most complex and multifaceted are adverbial relations. In linguistics there are following logical semantic meanings, traditionally related to adverbial ones: semantics of place, time, cause and effect, purpose, condition, concession. This article deals with the description of structural features of the constructs expressing target and causal semantics in Turkic languages, and reveals the type of their interrelation.

О.В. Торопчина. Гендерная специфика текстопорождения с позиции категорий дискретность и континуальность. Статья посвящена одному из актуальных аспектов современной лингвистики – исследованию гендерной специфики процессов текстопорождения. Опираясь на данные, констатирующие факт того, что различия речемыслительной деятельности мужчин и женщин имеют объективные нейрофизиологические основания, автор статьи выдвигает предположение о гендерных различиях, которые могут проявляться в стратегиях разворачивания текста. Собственное исследование гендерной специфики текстопорождения осуществляется при помощи психолингвистического эксперимента с использованием методики «заканчивания

предложения». Результаты эксперимента были подвергнуты количественной обработке по критериям дискретности и континуальности. Являясь философскими категориями, а также языковой антиномией, в данной статье дискретность и континуальность рассматриваются как категории, реализующие параметр связности в тексте. Исследование по избранному параметру не выявило принципиальных различий в процессах текстопорождения у мужчин и женщин. Однако полученный отрицательный результат создает широкое поле для интерпретации, что и осуществляет автор в соответствии с форматом статьи.

O.V. Toropchina. Gender Specificity of Text Generation from the Positions of Discreteness and Continuity Categories. This article considers one of the topical aspects of modern linguistics – the research of gender specificity of text generation processes. Based on the data, which state the fact that difference in the speech-cogitative activity of men and women has objective neurophysiological bases, the author of the article supposes that gender difference manifests itself in the strategies of text generation. The research of gender specificity of text generation is based on the psycholinguistic experiment, precisely on the method of completing a sentence. The results of the experiment were analyzed by discreteness and continuity criteria. As philosophical categories and language antinomy, discreteness and continuity are considered as categories for maintaining connectivity option in the text. The study on the selected parameters revealed no fundamental differences in text production process in men and women. However, such negative result creates ample room for interpretation, presented in the article.

Т.А. Полтавец. О некоторых функционально-стилистических особенностях научно-популярных текстов в масс-медийном дискурсе (на примере материалов газеты «Троицкий вариант»). Данная статья посвящена изучению особенностей научно-популярных текстов в медиадискурсе. Научно-популярные тексты, опубликованные в данном профессионально-ориентированном периодическом издании, либо информируют о конкретном событии/достижении в мире науки (информационные), либо дают характеристику положения дел в той или иной научной области (аналитические). Тексты анализируются с учетом адресата (ученые как члены социума), а также по отношению к экспрессивности (нейтральность / не-нейтральность изложения), по характеру подачи материала (объективность / субъективность), по реализуемой функции текста в зависимости от коммуникативного задания и стилистического эффекта, на который рассчитывает автор текста (информирование, воздействие, просвещение, назидание и т.п.). Науч-

но-популярные тексты могут характеризоваться различной степенью экспрессивности, наибольшая степень экспрессивности свойственна информационным текстам. Объективная и субъективная модальность может присутствовать в таком типе текста с равной степенью вероятности.

T.A. Poltavets. On Some Functional and Stylistic Aspects of Popular-Science Texts in Media Discourse (the Case of Matters of the Newspaper *Troitsky variant*). This article examines some special aspects of popular-science texts in media discourse. Popular-science texts published in this professionally-oriented periodicals either inform recipients about a particular event / achievement in the world of science (informational texts) or give a characterization of the situation in a particular scientific field (analytical texts). The texts are analyzed taking into account the recipient (scientists as members of society), as well as with respect to expressiveness (neutral / non-neutral presentation), to the nature of the material (objectivity / subjectivity), implemented by the function of the text, depending on the communicative tasks and stylistic effect, which the author accounts on (information, exposure, education, edification, etc.). Popular-science texts are characterized by varying degrees of expressiveness, the greatest degree of expressiveness is inherent for the informational texts. This type of texts can have objective and subjective modality, equally.

Е.Н. Ищук. Пунктуационный сценарий текста как критерий идентификации идиостиля автора. В статье затрагивается проблема отличия идиостиля одного автора от идиостиля другого в текстах, в которых одинаково отсутствуют знаки препинания. В данном случае понятия «авторская пунктуация» недостаточно, поэтому для идентификации стилей используются термины «пунктуационный сценарий», «пунктуационная позиция», «пунктуационный шаг» и «пунктуационная стратегия», введённые филологом Л.М. Кольцовой. Благодаря обращению к данной терминологии выявляются закономерности пунктуационных сценариев текстов двух различных литературных направлений – реализма и постмодернизма. В статье приводится анализ пунктуационного сценария стихотворений Л.С. Петрушевской, который характеризуется наличием комплементарных сильных позиций, заполнением основных слабых позиций и кратчайшим пунктуационным шагом, что отличает пунктуационную стратегию этих текстов от пунктуационной стратегии текстов реалистического направления (рассмотрено на примере стихотворения А.С. Пушкина). Такая манера письма у Л.С. Петрушевской передаёт особенности разговорной речи, показывает неповторимость личности героини сборника «Карамзин деревенский

дневник», а также характеризует пунктуационную стратегию Л.С. Петрушевской как дистанцирующую.

E.N. Ishchuk. Punctuation Scenario of a Text as an Identifying Criterion of Author's Idiostyle. The paper considers a problem of distinction among authors' idiostyles in different texts without punctuation marks. In that case we can not use the term «author's punctuation» because it is not sufficient. That is why we use terms «punctuation scenario», «punctuation position», «punctuation step» and «punctuation strategy» that were introduced by philologist L. Kol'tsova. We display normality of punctuation scenario in realism and postmodernism texts (researched Petrushevskaya's poetry) thanks to using these terms in our researching. There are many complementary strong positions, filled in basic weak positions with punctuation marks, and frequent punctuation step in the punctuation scenario of Petrushevskaya's texts. A variety of punctuation strategy is contradictorily opposed to the punctuation strategy of realistic texts (by the example of Alexander Pushkin's poem). In this way the author shows everyday speech and peculiarity of a heroine's character in the book of poems *Karamzin De Revenskii Dnevnik* and characterizes the punctuation strategy used by Petrushevskaya as a distancing one.

С.А. Медведев. Некоторые тенденции развития отношений Автор-Читатель в Интернет-рецензии. В статье описываются особенности отношений между Автором и Читателем, которые проявляются в рамках Интернет-рецензий на представленные в Глобальной Сети художественные тексты. Автор художественного произведения предполагает, что оно будет оценено Читателем, который при чтении так или иначе формирует свое отношение к представленному тексту. В традиционной печатной литературе Автор практически не имеет возможности для ознакомления с читательской реакцией на текст, а Читателю достаточно сложно высказать Автору свое мнение о напечатанном тексте. В Интернете данная ситуация изменяется под воздействием особенностей среды коммуникации. Как показывает анализ материала, в рамках Интернет-коммуникации Автор и Читатель имеют в своем распоряжении большой арсенал средств для высказывания собственных суждений относительно представленного художественного текста. Помимо простого упрощения процесса публикации собственных произведений, значительно преобразуется и процесс общения с публикой, что отражается в том числе и в текстах Интернет-рецензий.

S.A. Medvedev. Some Trends in the Development of the Relationship of 'Author-Reader' in the Internet-Critique. This article describes the features of the relationship between Author and Reader, which

are shown in the Internet-critique for literary texts presented in a Global network. The Author of a fiction text suggests that it will be appreciated by the Reader who forms his attitude towards the presented text while reading. In traditional printed literature, the Author almost can not know the reaction of the Reader to the text, and the Reader can have difficulties when giving the Author his opinion of the printed text. In the Internet this situation is changed because of the communicative circumstances. As the analysis of the material within the Internet communication shows, the Author and the Reader have at their disposal a greater stock of tools to make their own judgments regarding the presented literary text. In addition to just simplify the process of publishing his own works, the process of communication with the audience significantly transformed, which is reflected in the texts of the Internet-critique.

И.Г. Жогова, Е.В. Кузина. Роль идиоматических сочетаний в англоязычном медиа-дискурсе политической и экономической направленности. В статье исследуется масс-медийный дискурс политической и экономической направленности. Авторы последовательно освещают основополагающие направления в отечественной и зарубежной лингвистике при определении понятия «идиома». Особое внимание уделяется аксиологической, образной и эмоциональной функции идиом в медиа-дискурсе. Выделяются и описываются стилистические и прагматические особенности использования идиом в текстах. Значительное внимание уделяется анализу и интерпретации информации, закрепленной за идиоматическими конструкциями. Выбор в качестве объекта изучения идиом, семантически ориентированных на политическую и экономическую деятельность человека, обусловлен тем, что одним из главных источников происхождения идиоматических сочетаний является профессиональная речь.

I.G. Zhogova, E.V. Kuzina. The Role of Idioms in English-Language Media Discourse on Politics and Economics. The paper investigates political and economic media discourse which reflects linguistic and cultural situation in the society. The article reviews a number of works in Russian and foreign linguistics related to the study of idiom, the problem of its definition and status. The focus is made on axiological, stylistic, and emotional functions of idioms in the media discourse. This direction is also complemented by identifying and analyzing stylistic and pragmatic peculiarities of idioms in the text. Considerable attention is paid to the semantic interpretation of idiomatic constructions. The choice of the object of the research, idioms semantically related to political and economic spheres of the human life, is determined by the main source of idiomatic expressions, i.e.

professional speech. The authors of the article come to the conclusion that any type of communication is undertaken with a particular purpose and is directed at interaction with a target audience, influencing its mental processes, opinions, ideas, decisions.

С.Ф. Рябцева. Стихотворение Э. Бронте «A Reminiscence» («Yes, thou art gone...»): посвящение, особенности перевода. В данной статье предметом исследования становится одно из стихотворений Э. Бронте, посвящённых У. Уэйтмену. Стихотворение рассматривается в контексте биографических сведений и особенностей творческого метода поэтессы. Малоисследованный текст Э. Бронте анализируется с учётом её философских воззрений в рамках актуальных тенденций переводоведения. Междисциплинарный подход с использованием приёмов фоносемантического, лексико-грамматического, концептуального анализа позволяет получить обоснованные, доказательные и непротиворечивые результаты. Лирическая героиня стихотворения, почти совпадающая с автором, живёт в сфере воображения и своего сознания. Духовная одарённость и религиозность приводят лирическую героиню к принятию быстротечности жизни и к способности ценить каждый миг как прекрасный. Стихотворение сохраняет популярность среди современных переводчиков, привносящих в текст Э. Бронте значительную долю собственных чувств и переживаний, что доказывает способность поэтессы затрагивать искренние эмоции, не подвластные смене стилей и эпох.

S.F. Ryabtseva. «A Reminiscence» («Yes, thou art gone...») by Anne Brontë: Dedication and Peculiarities of Translating. The article deals with the analysis of one poem by Anne Brontë from amongst those dedicated to William Weightman. The poem is considered with regard for the biographical facts and peculiarities of the poet's creative manner. The little-investigated text by Anne Brontë is analyzed with respect to her philosophical views within the framework of contemporary translation studies. Convincing and non-contradictory results are gained by means of interdisciplinary approach, using ways of phonosemantic, lexico-grammatical and conceptual analysis. The lyrical heroine who is very close to the author lives mostly in her own imagination. Her spiritual endowments and piety help the heroine to accept fleetingness of life and value the beauty of each single moment. The poem keeps enjoying popularity amongst translators, who introduce their own experience and feelings that is to prove the poet's ability to touch on genuine emotions independent on changing styles and ages.

М.А. Ююкин. Древнерусские летописные ойконимы XIV – XVII веков с формантом *-jъ. В средний и поздний периоды истории древнерусского языка (XIV – XVII века) летописи впервые упоминают

двадцать ойконимов, образованных с помощью общеславянского топонимического форманта *-жь. В этой статье проводится их этимологический, номинационный, словообразовательный и стратиграфический анализ. Все ойконимы этого типа образованы от личных имен, в основном одночленных (в отличие от предшествующего периода, когда этот суффикс образовывал топонимы преимущественно от сложных антропонимов). С точки зрения словообразовательного оформления мотивирующих основ среди них представлены названия с непроизводными на уровне древнерусского языка (Домля, Епифань и др.), суффиксальными (Велиж, Велиль и др.), префиксальными (Бездеж, Перемерь и др.) и двучленными (Мстиславеч, Радонеж, Хотмышль) основами. Большинство ойконимов с *-жь локализовано на бывшей племенной территории кривичей (Смоленская и Псковская земли). Так как к рассматриваемой эпохе этот тип уже стал непродуктивным, количество первых фиксаций относящихся к нему названий снижается от века к веку.

M.A. Yuyukin. Old Russian Chronicle Place Names of the 14 – 17th Centuries with the Formant *-жь. In the middle and the late periods of the Old Russian language history (the 14 – 17th centuries), chronicles mention 20 place names derived by means of the Common Slavonic toponymical formant *-жь. This article provides their etymological, appellative, word-formative and stratigraphical analysis. All the toponyms of this type come from personal names, mostly one-stem ones (unlike the previous period when this suffix had formed toponyms mainly from compound names). In the aspect of word-formation of the motivating stems, names with primary (Domlya, Yepifan', and others), derived by means of a suffix (Velil', Velizh, and others) or a prefix (Bezdezh, Peremer', and others), and compound (Radonezh, Khotmyshl', and others) stems are represented among them. The majority of place names with *-жь are located on the former Krivitchi tribe territory (the lands of Smolensk and Pskov). Become inactive by this epoch, this type demonstrates the declining of the number of its first attestations from century to century.

М.А. Галиева. Вопросы поэтики: фольклорная традиция в древнерусской литературе. В статье рассматривается фольклорная традиция в литературе. Большое внимание уделено мифу, архетипическим моделям. Объектом исследования выступает древнерусская литература: «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Проводятся параллели с мировой культурной традицией. Обращено внимание на мотив змеборчества. Применен сравнительно-типологический метод. Разрешается противоречие между взаимодействием двух культурных традиций. Об-

разы героев раскрываются через связь с фольклором. Феврония сравнивается с богинями земли. Образ змея рассматривается в системе мотивов, связанных со змеборчеством. Образ князя неразрывно связан со священным мечом. Ставится вопрос о трансформации фольклорной традиции, о возникновении ритуальной действительности в тексте повести. Методологической основой работы выступили труды В.Я. Проппа, В.Я. Петрухина, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, М.Б. Плюхановой. Этнографические параллели позволили по-другому прочесть произведение древнерусской литературы, поставить вопрос о взаимодействии фольклорной и литературной традиции в теоретическом плане.

М.А. Galieva. Questions of Poetics: Folklore Tradition in the Old Russian Literature. This article deals with folklore tradition in literature. Much attention is paid to the myth, the archetypal models. The object of the research is the Old Russian literature, *The Tale of Peter and Fevroniya of Murom*. There are drawn parallels to the world cultural tradition. Attention is paid to the motif of struggle with the serpent. The author applies the comparative typological method. The contradiction between two cultural traditions is solved. The characters are revealed through the connection with the folklore. Fevroniya is compared with the goddesses of the earth. The image of the snake is seen in the system of motifs associated with the struggle against the serpent. The image of the prince is inextricably linked to the sacred sword. There considered the question about the folk tradition transformation, and the ritual reality emergence in the text of the story. Methodological basis of the article were the works by V.Ya. Propp, V.Ya. Petrukhin, V.M. Zhirmunsky, E.M. Meletinsky, M.B. Plyukhanova. Ethnographic parallels allowed to read the text of the Old Russian literature differently, and raise the question of the interaction of folklore and literary tradition in theoretical terms.

М.А. Камратова. Модели утопических проектов в повести Б. Акунина «Долина Мечты». Для характеристики утопических идей в данной повести была использована пара «социально-политические утопии / утопии, не имеющие социально-политических элементов» (из числа антиномичных пар, предложенных Борисом Егоровым). В повести «Долина Мечты» обнаруживаются четыре типа утопических теорий: научно-техническая утопия и три вида социально-политической. Научно-техническая связана с главным героем произведения Эрастом Фандориным, который является поборником технического прогресса. Первая социально-политическая теория построена по модели социалистического жизнеустройства, представленной в утопическом романе

Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Парадоксальным образом эта теория воплощается в жизнь капиталистом Морисом Старом: образцами для подражания выступают хрустальный дворец из четвёртого сна Веры Павловны и устройство её швейной мастерской. Вторая развернута при описании жизни и быта русских переселенцев – последователей Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского и Ш. Фурье. К тому же образованная русскими переселенцами «коллективная ферма» воспроизводит ряд характерных черт общественной жизни Советского Союза. Третья социальная утопическая модель – устройство религиозной общины мормонов-американцев. Модели утопических проектов, представленные в тексте повести, рассмотрены с точки зрения жизнеспособности и продуктивности, также выявлено авторское отношение к каждой утопической теории.

M.A. Kamratova. Models of Utopian Projects in Boris Akunin's Novel *Dream-Valley*. To characterize the utopian ideas in this story there was used a pair of "socio-political utopia / utopia without socio-political elements" (one of antinomic pairs proposed by Boris Egorov). In the novel *Dream-Valley* you can see four types of utopian theories: scientific-technical and three kinds of socio-political ones. Scientific-technical utopia is connected to the main character of the work – Erast Fandorin who is the supporter of technical progress. The first socio-political theory is built on the model of socialist life presented in a utopian novel *What Is To Be Done?* by Nikolai Chernyshevsky. Paradoxically, this theory was put into practice by the capitalist Maurice Star: the samples are the crystal palace from the fourth dream of Vera Pavlovna and the design of her sewing workshop. The second theory is represented by the descriptions of everyday life of Russian immigrants – followers of Leo Tolstoy, Nikolai Chernyshevsky and Charles Fourier. Besides, the «collective farm» constructed by Russian settlers reproduces the characteristic features of social life in the Soviet Union. The third social utopian model is the social structure of the American Mormons religious community. The models of the utopian projects presented in the novel are considered from the point of their viability and effectiveness, and also there was revealed the author's attitude to each utopian theory.

НАШИ АВТОРЫ

**АНИСИМОВ,
Кирилл
Владиславович**

– доктор филологических наук, профессор
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

**БОБОЕВ,
Файзулло
Баротович**

– кандидат филологических наук, помощник
президента Академии наук Республики
Таджикистан (Душанбе).
E-mail: arab62@mail.ru

**ВАЛИЕВА,
Лениза
Газицуровна**

– кандидат филологических наук, научный
сотрудник Института языка, литературы
и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан (Казань).
E-mail: valievalg@mail.ru

**ГАЛИЕВА,
Марианна
Андреевна**

– аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

**ДУСКАЕВА,
Лилия
Рашидовна**

– доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета.
E-mail: LRD2005@yandex.ru

- ЕВСЕЕВА,
Ирина
Владимировна** – доктор филологических наук, профессор
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: ivevseeva@yandex.ru
- ЖОГОВА,
Инна
Геннадьевна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: zhogova.75@mail.ru
- ИВАНОВА,
Елена
Юрьевна** – доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета.
E-mail: eli2403@yandex.ru
- ИГНАТОВСКАЯ,
Анна
Владимировна** – аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: amogonna@yandex.ru
- ИЩУК,
Екатерина
Николаевна** – аспирант Тольяттинского государственного
университета.
E-mail: ishchuk25112012@yandex.ru
- КАМРАТОВА,
Марина
Александровна** – аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: marina25.12@yandex.ru
- КОЗЛОВА,
Любовь
Александровна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: lyubovkozlova@list.ru
- КОНЯЕВА,
Юлия
Михайловна** – кандидат филологических наук,
старший преподаватель Санкт-Петербургского
государственного университета.
E-mail: yulia.konyaeva@gmail.com

- КРЫЛОВА,
Мария
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент
Азово-Черноморской государственной
агроинженерной академии (Зерноград).
E-mail: krylovamn@inbox.ru
- КУЗИНА,
Елена
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: keepsake27@rambler.ru
- МЕДВЕДЕВ,
Сергей
Алексеевич** – магистрант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: gresdem@gmail.com
- НИКИТИНА,
Ольга
Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: kortschigo@mail.ru
- ПОЛТАВЕЦ,
Татьяна
Александровна** – аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: tat.poltawecz@yandex.ru
- РОЛЯК,
Ирина
Леонидовна** – кандидат филологических наук, адъюнкт
Университета Яна Кохановского в г. Кельце
(Польша).
E-mail: irene41@rambler.ru
- РЯБЦЕВА,
Светлана
Федоровна** – кандидат филологических наук, доцент
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета.
E-mail: X-stichress@ya.ru
- САФРОНОВА,
Елена
Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru

- СПЕРАНСКАЯ,**
Алевтина
Николаевна – кандидат филологических наук, доцент
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: alsperanskaya@yandex.ru
- ТОРОПЧИНА,**
Ольга
Викторовна – аспирант Алтайской государственной академии
образования им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: olatoro@mail.ru
- ЧИКИЛЕВА,**
Людмила
Сергеевна – доктор филологических наук, доцент
Финансового университета при Правительстве
РФ (Москва).
E-mail: LChikileva@fa.ru
- ЧУВАКИН,**
Алексей
Андреевич – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru
- ШИНОВНИКОВ,**
Иван
Павлович – кандидат филологических наук, докторант
Московского педагогического государственного
университета.
E-mail: ivanshinovnikov@yandex.ru
- ЮЮКИН,**
Максим
Анатольевич – кандидат филологических наук (Воронеж).
E-mail: yuyukin@bk.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 14.02.2015. Подписано в печать 17.02.2015. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 38.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2015

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно)**. 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

